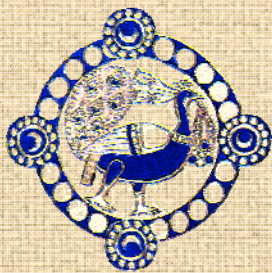

№1 (24) - 2021

ISSN 2181-032X

O‘ZBEKISTON ARXEOLOGIIYASI

**O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI
MILLIY ARXEOLOGIYA MARKAZI
Y. G‘ULOMOV NOMIDAGI SAMARQAND
ARXEOLOGIYA INSTITUTI**

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
САМАРКАНДСКИЙ ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ИМЕНИ Я. ГУЛЯМОВА**

O‘ZBEKISTON ARXEOLOGIYASI

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

МАҚОЛАЛАР

Бахтиёр Сайфуллаев, Баходир Элмуратов, Алишер Ражабов
Обирахмат индустриясида энгил тош ушатгич ёрдамида
чакмоқлаш техникаси 3

Владимир Рузанов
Кушонлар даврида Шимолий Бақтрия кўчманчи қабилаларининг
рангли металлдан ясалган буюмларининг кимёвий хоссалари 12

Марина Реутова, Наира Вахидова, Сайёра Рашидова
Маҳаллий консервантлар ёрдамида Фаёзтепа ибодатхонаси
шимолий девори реставрацияси 25

Саида Ильясова
Шодмалик-ота – Илоқдаги қорахонийлар даври ёдгорлиги 35

ҲАЛКАРО ХАМКОРЛИК

Анвар Атаходжаев, Александр Наймарк
Суғднинг Кушон даврига оид эълон қилинмаган тангалари 42

Сергей Ярыгин, Николай Ильдеряков, Сергазы Сакенов
Еттисувдаги эрамиз бошларига оид икки қўрғон 63

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

Миролим Бердикулов
Тўда-1 неолит макони йўнилғилари (2019 йил қазилма
материаллари асосида) 85

ЯНГИ КАШФИЁТЛАР

Анвар Атаходжаев, Александр Наймарк
Ўзбекистон ҳудудидаги Рим тангаларига оид янги топилмалар 95

ХОТИРА

Абдулазиз Саиднуриддин ўғли
(Ахраров Инқилоб Ахрарович) 102

**№ 1 (24)
2021**

**Журналга 2010 йилда
асос солинган**

**© Ўзбекистон Республикаси
Фанлар академияси
Миллий археология маркази
Самарқанд археология
инститuti**

СТАТЬИ

Бахтиёр Сайфуллаев, Баходир Элмуратов, Алишер Ражабов

Техника расщепления камня с помощью легкого каменного отбойника в Обирахмате 3

Владимир Рузанов

Химико-металлургические признаки изделий из цветных металлов кочевнических племен в Северной Бактрии в кушанское время 12

Марина Реутова, Наира Вахидова, Сайёра Рашидова

Реставрация северной стены святилища Фаязтепа с использованием отечественных консервантов 25

Саида Ильясова

Шодмалик-ота – памятник эпохи караханидов в Илаке 35

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Анвар Атаходжаев, Александр Наймарк

Неопубликованные находки кушанских монет в Согде 42

Сергей Ярыгин, Николай Ильдеряков, Сергазы Сакенов

Два кургана рубежа эр из Жетысу 63

Трибуна Молодого Исследователя

Миролим Бердикулов

Сколы неолитической стоянки Тода-1 (по материалам раскопок 2019 года) 85

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Анвар Атаходжаев, Александр Наймарк

Новые находки римских монет на территории Узбекистана 95

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Абдулазиз Саиднуриддин угли (Ахраров Инкилаб Ахрарович)

102

*Бош муҳаррир
Фарход Алижонович
Мақсудов*

*Бош муҳаррир ўринбосари
Анарбаев Абдулхамид*

*Масъул котиб
Саидов Мўминхон Мунир ўгли*

Таҳрир хайъати:

А.А. Асқаров
А.Х. Атаходжаев
А.Э. Бердимуродов
Ғ.Б. Бобоёров
Г.И. Богомолов
Ж. Бруно (Италия)
Ф. Грене (Франция)
А.П. Деревянко (Россия)
А.Д. Искандерова
Б.Х. Матбабаев
Д.К. Мирзаахмедов
М.Х. Пардаев
А.А. Раимкулов
М.А. Реутова
Б.К. Сайфуллаев
Р.Х. Сулейманов
У. Такао (Япония)
М.М. Хатамова
Т.Ш. Ширинов

Муқовада:

Я. Гуломов номидаги Самарқанд археология институти логотиби.

Манзил:

140151, Самарқанд ш.,
акад.В. Абдуллаев, 3
Телефон: (8-366) 232-15-13

Журнал Ахборот ва оммавий коммуникациялар агентлиги томонидан рўйхатга олинган.
Гувоҳнома № 0592.

Теришга берилди 23.02.2021
Босишга рухсат этилди 27.05.2021
Қоғоз бичими 60x84 ¹/₁₆
Шартли босма т. 11,8
200 нусха. 500 буюртма.

Я. Гуломов номидаги Самарқанд археология институтида чоп этилди.
140151, Самарқанд, акад. В. Абдуллаев, 3-уй.

МАҚОЛАЛАР

СТАТЬИ

ARTICLES

УДК: 902.3

**ОБИРАХМАТ ИНДУСТРИЯСИДА ЕНГИЛ ТОШ УШАТҒИЧ ЁРДАМИДА
ЧАҚМОҚЛАШ ТЕХНИКАСИ**

© 2021. Бахтиёр Сайфуллаев, Баҳодир Элмуратов, Алишер Ражабов
ЎзР ФА Миллий археология маркази Самарқанд археология институти

Калит сўзлар: чакмоқлаш техникаси, енгил тош ушатғич, зарб майдонча, пластина, йўнилғи, ушатғич, сўнгги палеолит, Обирахмат, тошга ишлов бериш, технология, типология, усул.

Маълумки, Тошкент вилоятининг Бўстонлиқ туманида жойлашган Обирахмат гор мақони палеолит даврининг дунёга машҳур ёдгорликларидан бири ҳисобланади. Ёдгорликдан ўн минглаб тош қуроллардан ташқари, ибтидоий одамлар ва ҳайвонларнинг суяк қолдиқлари топиб ўрғанилган. Мақонда ноёб ҳодиса – ўртадан сўнгги палеолитга ўтиш, яъни замонавий типдаги илк одамларнинг шаклланиш жараёнлари содир бўлган.

1961 йилда А. Р. Муҳаммаджонов томонидан очилган ушбу горнинг маданий топилмалари кўплаб тадқиқотчилар эътиборини жалб қилиб келмоқда. Бу ерда ЎзР ФА Археология институти ходимларидан А. Насриддинов, Р. Х. Сулаймонов, Т. Омонжўлов, РФА СБ Археология, этнография ва антропология институтининг А. П. Деревянко раҳбарлигидаги палеолитчилар гуруҳи ва бошқа хорижий мутахассислар фаолият олиб борганлар. Натижада, 2003 йилда ёдгорликнинг 16-маданий қатламидан 1, 3 ва 10 ёшлардаги болаларнинг суяк қолдиқлари топилди.

Мазкур мақола XX асрнинг 60-йилларида Обирахмат горидан қазиб олинган тош буюмларнинг янги технологик усул асосидаги тадқиқига бағишланган. Маълумки, кейинги йилларда палеолитишуносликда тошларни дастлабки синдириши ёки чакмоқлашнинг бир қатор технологик усуллари аниқланган. Улардан бири тошларни енгил тош ушатғич ёрдамида чакмоқлаш усули ҳисобланади. Бу усул ўта юққа ва кесgir йўнилғиларни қўлга киритиши имконини бериши баробарида, қатор техник белгилари билан бошқа техникалардан ажралиб туради. Қуйида биз тилга олинган коллекция артефактлари орасидан енгил тош ушатғич ёрдамида синдирилганларини йиғиб олдик ва уларнинг технологик талқинини ишлаб чиқдик.

Енгил тош ушатғич ёрдамида чакмоқлаш техникаси гарчи онда-сонда неандерталларда ҳам учраса-да, асосан сўнгги палеолит даврида замонавий типдаги одамлар орасида кенг тарқалади.

Ушбу мақола бу борада амалга оширилаётган илк тадқиқот бўлиб, Обирахмат мақонининг қолган артефактлари ҳам ушбу усул ёрдамида тадқиқ қилинса, қатор илмий масалаларга оидинлик киритилиши мумкин.

Ключевые слова: техника расщепления, мягкий каменный отбойник, ударная площадка, пластина, скол, отбойник, поздний палеолит, Обирахмат, обработка камня, технология, типология, метод.

Как известно, пещерная стоянка Обирахмат, расположенная в Бостаньском районе Ташкентской области, является одним из всемирно известных памятников эпохи палеолита. На памятнике, кроме десятка тысяч каменных изделий, открыты и изучены останки костей первобытных людей и животных. На стоянке происходили уникальные события – переход от среднепалеолитической эпохи к позднему палеолиту, т.е. процессы формирования ранних людей современного типа.

Культурные находки данной пещеры, открытой в 1961 году А. Р. Мухаммеджоновым, привлекли внимание многих исследователей. Здесь исследования проводил ряд сотрудников Института археологии АН РУз, такие как А. Насриддинов, Р. Х. Сулейманов, Т. Омонжолов, а также палеолитический отряд Института археологии, этнографии и антропологии СО РАН во главе с А.П. Деревянко. В результате исследований, в 2003 году в 16-ом слое стоянки были обнаружены останки костей ископаемого человека возрастом 1, 3 и 10 лет.

Данная статья посвящается изучению коллекции каменных изделий, найденных в 60-м году XX века посредством новой технологической методикой расщепления камня, который разработан в последние годы, одним из которых является способ расщепления камня легким каменным отбойником. Вместе с тем, этот способ позволяет получить тончайшие сколы с режущими краями, который отличается от других техник расщепления рядом своих технических параметров. Ниже мы выбрали среди упомянутой коллекции артефактов только те, которые были расщеплены легким каменным отбойником и провели их технологические исследования.

Техника расщепления с использованием легкого каменного отбойника, хотя sporadически встречается у неандертальцев, широкое распространение получает в эпоху позднего палеолита у людей современного физического типа.

Данное исследование является первой попыткой в этом направлении и если вся коллекция Обирахмата будет изучена с использованием данной методики, то появится возможность осветить ряд научных вопросов.

TECHNIQUE OF STONE FLINTKNAPPING WITH THE HELP OF A LIGHT HAMMERSTONE IN OBIRAKHMAT

Bakhtior Sayfullaev, Bakhodir Elmuratov, Alisher Rajabov

NCA of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Samarkand Archaeology Institute

Key words: splitting technique, soft stone chipper, striking platform, plate, chip, chipper, Late Paleolithic, Obirakhmat, stone processing, technology, typology, method.

As it is known, the Obirakhmat cave site, located in the Bostan district of Tashkent region, is one of the world-famous sites of the Paleolithic area. On the site, in addition to tens of thousands of stone products, the remains of the bones of primitive people and animals have been discovered and studied. Unique events took place at the site - the transition from the Middle Paleolithic era to the Late Paleolithic, i.e. processes of formation of early modern people.

Cultural finds of this cave, discovered in 1961 by A. R. Mukhammedjonov attracted the attention of many researchers. Here research was carried out by a number of employees of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, such as A. Naritdinov, R. X. Suleimanov, T. Omonjulov, as well as the Paleolithic detachment of the Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology of the SB RAS headed by A. P. Derevyanko. As a result, in 2003, from the 16th layer of the site, bone remains of children aged 1,3 and 10 were found.

This article is devoted to the study of a collection of stone products found in the 60-ies of the twentieth century using a new technological method. It is known that in recent years a number of new technological methods of stone flintknapping have been identified in Paleolithic studies. One of them is the method of flintknapping the stone with the help of light hammerstone. However, the fact that this method allows you to get the finest chips with cutting edges, differs from other flintknapping techniques in a number of its technical parameters. Below, we have selected from the mentioned collection of artifacts only those that were knapped with the help of light hammerstone and conducted their technological research.

The technique of knapping with the help light hammerstone, although sporadic in Neanderthals, became widespread in the late Paleolithic among people of the modern physical type.

This study is the first attempt in this direction, and if the entire Obirahmat collection is studied using this technique, then it will be possible to highlight a number of scientific issues.

Кириш. Ибтидоий давр тош буюмларини типологик ўрганишни ҳозирда технологик билимларнинг иштирокисиз тасаввур қилиш қийин. Технологик тадқиқотлар тош индустрияларини ўрганишга шунчалик чуқур кириб бордики, уларнинг натижаларидан фойдаланмасдан амалга оширилган типологик изланишлар тўлиқ бўлмайд қолади. Айниқса, гап турли даврларга оид материалларни ўзида жамлаган аралаш характердаги топилма жойлар технокомплексларини тадқиқ қилиш ҳақида борганида. Албатта, кўпгина технологик мезонларнинг типологик тадқиқотлар номенклатурасига аллақачон кириб улгурганини ҳам инкор этиб бўлмайд. Аммо Марказий Осиё палеолитшунослигида тошларни чақмоқлаш усуллари ҳақидаги, масалан, ўрганилаётган йўнилғи (учиринди, пластина, пластинка, микропластинка) қандай турдаги ушатғич (оғир тош, органик ёки енгил тош ушатғич) ёки воситачи ёрдамида синдириб олинганлиги масаласи кўпинча эътибордан четда қолиб келди. Бундай чақмоқлаш усулларининг пайдо бўлиш даври археологик материаллар асосида исботланган (Сайфуллаев, Хошимов, 2018. 89-112 б.).

Асосий қисм. Тошларни чақмоқлашнинг энг қадимги усули «блок-он-блок» («blok-on-blok») техникаси бўлиб, унда бир тош бўлаги қўлда даст қўтарилиб, иккинчи бир йирик тошга кучли зарб билан урилган (Семенов, 1957. С. 18). Натижада, урилаётган тош майда бўлақларга парчаланган ва улар орасидан энг ўткир ёки кесгирлари дастлабки гоминидлар томонидан йиғиб олинган ҳамда ишлаб чиқаришда қўлланилган. Қўлга киритилган тош қуроллар фанда эолитлар

номи билан машҳурдир. Ушбу энг қадимги техника австралопитекларда ҳукм сурган (Ефименко, 1953. С. 34).

Енгил тош ушатғич ёрдамида чақмоқлаш техникаси илк сўнгги палеолит даври ёдгорликларида аниқланган (Шателперрон) ва у ўз характериға кўра органик ушатғич ёрдамида чақмоқлашға жуда ўхшаш ва ҳатто, нуклеусларни ундан ҳам кўпроқ тайёрлаш ишларини талаб қилади. Ушбу техника майда, бир вақтнинг ўзида енгил ва тўғри чизиқсимон пластиналарни чақмоқлаб олиш учун мўлжалланган.

Бу техника кам ҳолларда мусте даври неандерталларида учрайди, бироқ унинг кенг қўлланилиши 40-минг йилликдан бошланади ва бу сўнгги палеолит даври маданиятлариға тўғри келади (шателперрон, граветти). Енгил тош ушатғич ёрдамида чақмоқлаш техникаси мезолит ва неолит даврларида ҳам ҳукм суришда давом этади (Якин Шарқдаги қайиқсимон чақмоқлаш).

Енгил тош ушатғич тўғри чизиқсимон профилли енгил пластина ва пластинкаларни чақмоқлаб олиш учун қўлланилган. Оғир тош ушатғич асосан қалин тановарларни синдириб олган бўлса, бироз эгилган ва енгил йунилғилар чақмоқлаб олиш учун енгил тош ушатғич идеал компромис вазифасини ўтаган. Ушатғичнинг енгиллиги ва мўртлиги нуклеус зарб майдонининг қиррасидан зарб бериш имконини ҳосил қилган ва бу қўлга киритиладиган маҳсулотнинг юпқа бўлишини таъминлаган. Зарб етарлича куч билан берилганки, натижада, узунчок шаклли учириндилар чақмоқлаб олинган (Bordes, 1947. P. 161). Ишлаб чиқарилган тановорлар улоқтирувчи қуроллар яшашға жуда яхши мослашган бўлган (Шателперрон, Граветти, Азил типидаги тиғларни яшашға) (Inizan, Reduron, Roche, Tixier, 1995. P. 66).

Енгил тош ушатғични қўллаш учун тош жинси кичик ҳажмли, аммо мўрт бўлиши лозим бўлган: булар тузилишиға кўра қайроқтош, қаттиқ оҳақтош, қалин кобиқли кремний ғўла (галка), айрим сийқаси чиққан оғир ушатғичлар бўлиши мумкин бўлган. Уларнинг вазни бир неча 10 граммдан 1 кг гача бўлган ва у 20 см узунликдаги пластиналарни чақмоқлаб олиш учун қўлланилган.

Енгил тош ушатғич ёрдамида чақмоқлаш енгил органик ушатғичники билан бир хил бўлган, аммо кўлда ушлаш унчалик текис бўлмаган. Енгил тош ушатғич билан зарб бериш "нуклеус зарб майдони бўйлаб ботиқ ёки ичкариға кирган" эмас, бироқ тўғри ҳолатда зарб берилган (чақмоқланиш бурчаги 70-85 градуслар оралиғида бўлган). Зарб берилгунға қадар нуклеус зарб майдонининг қирраси яхшилаб эзиб текисланган бўлиши лозим бўлган. Чақмоқлаб олинган йўнилғилар зарб майдончаларининг қирралари синчиклаб ўтмаслаштирилади ва баъзан майдончаларининг орқа тарафида кичик "лабча"ларға эға бўлади. Йўнилғиларнинг зарб тепаликлари у ёки бу даражада бўртиб чиққан, бироқ жуда кичик ҳажмли ҳам бўлиши мумкин.

Б. Мадсен биринчи бўлиб енгил тош ушатғичдан ўрта ҳажмли пластиналар олишға мўлжалланган нуклеусларни шакллантириш ва чақмоқлашда систематик равишда фойдаланган. Шунингдек, унинг томонидан Шимолий Европадаги сўнгги музлик даври коллекцияларидан ушбу техниканинг излари топилган (Madsen, 1983. P. 12-31; Madsen, 1992. P. 93-131). Шунга асосланган ҳолда ўн йиллардан буён ушбу техника ёрдамида олинадиган маҳсулотларнинг морфологик гаммасини бир томондан йирик пластиналаргача, иккинчи томондан микролитлар учун тановор вазифасини ўташи мумкин бўлган кичик пластинкаларгача кенгайтириш ва бунда сифатли

гомоген ва майда қумли кремнийдан фойдаланиш ишлари Ж. Пелигрин томонидан амалга оширилган (Peligrin, 1991b. P. 81).

Энгил тош ушатғич ёрдамида чақмоқлашнинг икки хил услуби мавжуд ва улар иккаласи ҳатто, операциялар занжирини ҳам ташкил қилиши мумкин. Биринчи усул худди оғир тош ушатғичдаги каби бўлади: нисбатан қалин йўнилғилар олиш учун зарба нуклеус зарб майдонининг ичкарироғидан берилади. Зарб майдонда қоладиган излар оғир тош ушатғичники каби бўлади, зарб конуси бош қисмининг ёрилиши диаметри каттарок, баъзан қисман бўлиши мумкин (унча қаттиқ бўлмаган материаллар учун). Ушбу биринчи услуб оғир тош ушатғичдан кўра алоҳида фарқ қилмайди. У иккинчи услубни қўллашдан аввал нуклеусларни шакллантириш ва ҳатто, чақмоқлашни бошлашдан олдинги тайёргарликдан далолат беради.

Иккинчи услубда тош ушатғич ёрдамида энгил зарб билан йўнилғилар ишлаб чиқарилган. Тажрибаларга кўра, энгил тош ушатғич учун галкалар, юмалоқ шаклли бўлақлар, ўртача цементлашган майда қумли қайроқтош қулай ҳисобланади. Шунингдек, қалин қобиқли (коркали) тухумсимон кремний ғўласи ҳам энгил тош ушатғич вазифасини бажариши мумкин, бироқ унинг қўлланилиш муддати узоққа чўзилмайди, негаки, бундай ушатғич жуда мўрт бўлади.

Иккинчи услубда ўртача ҳажмдаги энгил тош ушатғич ёрдамида чақмоқлаш (кичик ва ўрта ҳажмли пластиналар олиш учун унинг ҳажми бир неча 100 грамм, 20 см лик пластиналар олиш учун эса 1 кг оғирликда бўлиши лозим) худди энгил органик ушатғичда бўлгани каби қўлланилади, яъни ҳавода тутилган ҳолатда чақмоқланади. Энгил тош ўсимлик таёқчасидан ёки кийиксимонлар шохидан кўра қаттиқроқ, олдиндан кўзда тутилган контакт нуқтасини синчиклаб эзиш ва ҳатто, ўтмаслаштириш зарур бўлади. Зарб майдондаги нотекислик ёки эгрилик ярамайди, негаки, контакт пайтида энгил тош ушатғични синдириб юбориши мумкин. Шунингдек, зарб пайтида майдончанинг бир қисми бузилади, бу зарур (кўрсатғич) характер бўлиб, зарб беришдан аввал бир неча ўн секунд ишқаланади ва бу кўплаб йўнилғи маҳсулотларида, айниқса, тўлиқ чақмоқланган регуляр йунилғиларда кўриниб туради. Ушатғичнинг сифатига кўра (жуда майда қумли ва оптимал даражада нозик қайроқтош ёки қалин коркали энгил кремний) ва тайёрлаш ишларида, техник стигматлар баъзан энгил ушатғичникидек ҳосил бўлиши мумкин. Дастлабки синиш ҳақиқатда контакт зонасининг орқа тарафида органик энгил ушатғич каби амалда кераксиз ёрқин лабча ҳосил қилиши мумкин (Pelegrin, 1991a. P. 12). Аммо, баъзан майдончанинг контакт нуқтаси орқа тарафида чала ёрикни кузатиш мумкин. Шундай бўлса, кўпинча энгил тошнинг ўткир қум зарралари юпқа зарб нуқтасининг изини ҳосил қилади ва у ёруғда яхши кўриниб туради ҳамда унинг шакли дастлабки мм да кичик конус шаклида бўлади (Pelegrin, 1995. P. 26), баъзан юпқа тўлқинлар концентрацияси ҳам кўриниб туради. Ана шу феномен билан боғлиқ равишда, майдончанинг орқа тарафидаги чизиғи органик чақмоқлашга нисбатан камроқ регулярлашган ва “соф” эмас:

- нуклеус яхшилаб ҳавода ушланади ва кўндалангига зарб берилади. Лабчалари кичик ва баъзан умуман бўлмайди, ҳатто, контакт нуқтасида ҳам, баъзида эса тасодифан лабча ён томонларида бўлади (Pelegrin, 2000. P. 32), зарб майдонча жуда юпқа бўлиши ёки зўрға ўлчанадиган бўлиши мумкин (мм атрофида);

- айрим йўнилғилар юпқа ва дастлабки сантиметрларда вентрал тарафдан қалин ва тор тўлқинларга эга бўлади (Pelegrin, 2013. P. 37), ушбу феномен, афтидан,

ушатғич кум зарраларининг ишқаланиши ёки синишнинг бошланишидаги зарб нуқтасининг бузилиши, синиши ёки шикастланиши оқибатида содир бўлади;

- айрим маҳсулотлар (бундан олдин таърифланган нусха ҳам бўлиши мумкин) аксидент феноменига эга бўлади ва бу “зарб майдончанинг ўйилиши” деб аталади, буни зарб тепалигининг ординар ўйилиши, деб қарамаслик керак. Негаки, ординар ўйиқ майдончадан бироз масофадан кейин бошланади ва кўпинча эгри ва баъзан кўндаланг ҳолатда бўлади.

Бу ҳолатда эса ўйиқ йўнилғи чакмоқланаётган пайтда зарб натижасида ҳосил бўлади ва у эсквие (pieces esquillees) буюмларидагига ўхшаш бўлади ва уларнинг ҳосил бўлиш механизми бир хилда (Pelegrin, Tixier, 2004a. P. 7). Зарб тепаликнинг бундай ўйилиши зарб майдончадан бошланади ва баъзан зарб майдончани тўлиқ синдириб тушади. Ушбу ўйиқни унинг негативига қараб аниқласа бўлади, чунки зарб тепаликнинг ординар ўйиғига нисбатан анча қалин ёки тўлқинли ўйиқ пайдо бўлади.

Зарб тепаликнинг ўйилишини бундай механизмида зарб майдонча олдинга қараб синиши мумкин (бу зарб тепалигининг ўйилишига нисбатан “зарб майдончанинг ўйилиши” деб аталади); бундай ҳолларда зарб майдонча тўлиқ синган бўлади, уларни ўлчаб ва характерлаб бўлмайди.

Тажрибаларга кўра, дебитаж бурчаги 70 ва 85⁰ атрофида бўлади. Нуклеус зарб майдони билан енгил ушатғич ўртасидаги контакт нуқтасини тайёрлашнинг икки шакли мавжуд:

- текис ва эгилган зарб майдончали, демак бурчаги нисбатан ўткир;

- фасеткалаштирилган ва бўртиб чиққан зарб майдончали, бу зарб майдончалар бироз қалин ва қирранинг бурчаги камроқ ўткирлашган, баъзан ўтмаслаштирилган ёки юмалоқлашган ва буни йўнилғиларнинг зарб майдончаларидан аниқласа бўлади.

Ҳар иккала услуб ҳам зарб нуқтасида кўзга ташланадиган билатерал текислашлар ёрдамида амалга оширилган бўлиши мумкин.

Енгил тош ушатғич ёрдамида чакмоқланган йўнилғиларнинг характеристикаси қуйидагича:

Ушбу техника ҳали кенг тан олинган эмас ва уни ўрганаётганда синишнинг механикасини ҳисобга олиш зарур. Амалиётда иккита бундай тенденция кузатилиши мумкин:

- зарб майдончанинг бурчаги кўпинча ўткир: енгил ушатғич ёрдамида зарб беришнинг асосий аспекти; кўпинча зарб майдончалар кичрайтирилган ва лабчалари кўпинча кичик, аммо баъзан қалин, бироқ бошқа ҳолларда майдончалар фавқулодда юпка ва зарб нуқталари кўринарли, баъзан эса синган ва микротўлқинлар билан давом этади.

- ўтмаслаштирилганлик жуда кучли, нотекисликлар кесиб ташланган ва зарб майдон юмалоқлаштирилган (майдончанинг олдинги чизиғида) бўлади.

Баъзи ҳолларда 2 та ёрқин аксидент ҳоллар учрайди: юпка ва тигиз тўлқинлар йўнилғи вентрал қисмининг бир неча сантиметрида ёки бутун қорин қисмида бўлади, зарб тепалиги ўйиқ бўлади.

Зарб майдонининг бурчаги кўпинча ўтмаслаштирилган (афтидан, юмалоқ контакт нуқтасидан олдинроқда ўтмаслаштирилган бўлади), фасеткалаштирилган зарб майдонча: маҳсулотларнинг айрим қисми зарб майдоннинг ичкарироғидан уриб синдирилган (демак, оғир тош ушатғичга яқин аспект), бироқ бошқа

майдончалар жуда юпқа, олдинги чизиғи кучли ўтмаслаштирилган, зарб нуқтаси кўриниб туради, бир неча юпқа ва тигиз тўлқинлар билан давом этади.

Қўлга киритилган маҳсулотларнинг морфологияси енгил органик ушатғичникига яқин. Ушбу техника ёрдамида деярли тўғри чизиқли пластинасимон йўнилғилар олинган (Pelegrin, Tixier, 2004в. P. 28).

Обираҳмат ғорининг тош индустрияси асосан маҳаллий кремнийлашган оҳактошлардан ишланган. Енгил тош ушатғич ёрдамида чақмоқланган пластиналардан бирининг ҳажми 87x28x8 мм. Унинг зарб майдончаси ён томонидан фасеткалаштирилган ва қисман сақланиб қолган. Негаки, ушбу йўнилғи чақмоқлаш жараёнида “зарб майдончасининг ўйилишига” учраган ва ушбу ўйиқ йўнилғининг зарб майдончасидан бошланган, нотўғри тўртбурчак шаклига эга. Пластинанинг профили бироз қайрилган ва дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига-субпараллел характерда. Буюм 1979 йилда XVIII маданий горизонтдан қазиб олинган. Зарб тепалиги сақланмаган (1-расм). Бу тоифадаги иккинчи пластинанинг ҳажми 77x26x7 мм. Унинг зарб майдончаси ҳам узунасига фасеткалаштирилган. Пластина зарб майдончасининг ўйиғига эга ва у зарб майдончадан бошланган. Зарб тепалиги диффузив, зарб майдончасининг ён томонлари кичик “лабча”ларга эга, асосий чақмоқланиш бурчаги 75°. Пластинанинг профили бироз қайрилган, дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига-субпараллел характерга эга (1, 2-расм). Навбатдаги пластинанинг ҳажми 61x22x8 мм. Пластинанинг зарб майдончаси фасеткалаштирилган ва бўртиб чиққан. Зарб майдончасининг карнизи эзиб юмалоқлаштирилган. Зарб майдончасининг ўйиғи кичик ҳажмли ва у “лабча”га эга. Пластинанинг профили бироз қайрилган, дорсалидаги ўзидан аввалги йўнилғи негативлари узунасига қарама-қарши характерга эга. Унинг асосий чақмоқланиш бурчаги 75°. Зарб тепалиги диффузив (1, 3-расм).

Коллекциянинг енгил тош ушатғич ёрдамида чақмоқланган йўнилғилари орасида майда ҳажмли пластинкалар ҳам учрайди. Улардан бирининг ҳажми 49x13x6 мм. Унинг орқа тарафига ўта қиялаштирилган зарб майдончаси узунасига ва кўндалангига фасеткалаштирилган. Асосий чақмоқланиш бурчаги нисбатан ўткир бурчакли – 65°. Лабчаси бўртиб чиққан, зарб тепалиги йўқ ва профили қайрилган. Пластинанинг дорсалидаги ўзидан аввалги йўнилғи негативлари узунасига-субпараллел тарзда жойлашган (1, 4-расм). Бу тоифадаги навбатдаги пластинканинг ҳажми 51x10x2 мм. Унинг зарб майдончаси эзиб юмалоқлаштирилган ва чизиқсимон шаклда. Зарб тепалиги диффузив, бироқ кичик ҳажмли зарб конусига эга. Пластинанинг профили бироз қайрилган ва дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига қарама-қарши субпараллел характерда (1, 5-расм).

Енгил ушатғич ёрдамида чақмоқланган пластиналар орасида уларнинг проксимал фрагментлари ҳам учрайди. Улардан бирининг ҳажми 33x17x4 мм. Унинг зарб майдончаси эзиб юмалоқланган ва чизиқсимон шаклда. Пластинанинг зарб тепалиги диффузив, кичик “лабча”га эга. Буюмнинг профили бироз қайрилган ва дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига-субпараллел характерга эга (1, 6-расм). Навбатдаги проксимал пластинанинг ҳажми 40x20x6 мм. Унинг ҳам зарб майдончаси эзиб юмалоқлаштирилган. Зарб майдончаси чизиқсимон ва кичик “лабча”га эга. Зарб тепалиги сезиларли даражада бўртиб чиққан. Пластинанинг профили бироз қайрилган ва дорсалидаги ўзидан аввалги йўнилғи негативлари узунасига қарама-қарши субпараллел характерда (1, 7-расм).

1-расм. Обирахмат горининг энгил тош ушатгич ёрдамида чақмоқланган буюмлари

Обираҳматнинг биз таҳлил қилган коллекциясида энгил тош ушатғич ёрдамида чақмоқланган учириндилар ҳам мавжуд. Улардан бирининг ҳажми 56x24x6 мм. Унинг зарб майдончаси фасеткалаштирилган ва бўртиб чиққан. Учириндининг зарб тепалиги диффузив ва зарб майдончасида “лабча”си мавжуд. Асосий чақмоқланиш бурчаги - 70⁰, профили қайрилган ва дорсалидаги йўнилги негативлари узунасига қарама-қарши характерга эга (1, 8-расм). Коллекциядаги навбатдаги иккита учириндининг характерли хусусиятлари ўхшашдир. Уларнинг ҳар иккаласида ҳам кичик ҳажмли зарб майдончасининг ўйиғи мавжуд. Зарб майдончалари эзиб юмалоқлаштирилган ва чизиксимон шаклга эга. Зарб тепаликлари диффузив, дорсалидаги йўнилги негативлари узунасига субпараллел қўринишга эга (40x22x6 мм ва 39x21x3 мм). Ҳар иккала учириндининг профиллари қайрилган (1, 9-10-расм).

Тўпдамда энгил тош ушатғич ёрдамида чақмоқланган микропластинка ҳам мавжуд бўлиб, унинг ҳажми 19x5x2 мм. Микропластинканинг зарб майдончаси чизиксимон, “лабча”си сезиларли, зарб тепалиги диффузив ва профили бироз қайрилган шаклга эга. Унинг дорсалидаги йўнилги негативлари узунасига-субпараллел характерда (1, 11-расм).

Шундай қилиб, оғир тош ушатғичга нисбатан анча юпқа ва ўткир қиррали йўнилғиларни қўлга киритиш имконини берган энгил тош ёрдамида чақмоқлаш техникаси Обираҳмат макони индустриясида ҳукм сурган. Бироқ бизнинг қўлимиздаги артефактларнинг кам сонлилиги ҳамда аксарият тош буюмларнинг манзиллари ёзилмаганлиги хулосаларимизни маълум маънода чеклаб қўяди. Аммо ёдгорликнинг ЎзР ФА фондида сақланаётган асосий коллекциясини шу йўналишда тадқиқ қилиш янги ва қимматли маълумотларни беради. Масалан, нисбатан прогрессив энгил ушатғичда чақмоқлаш техникаси ёдгорликнинг қайси маданий қатламида ва қай миқдорда пайдо бўлди, шунингдек, ушбу техниканинг шаклланиши эволюцион ёки революцион йўл билан пайдо бўлди ми деган саволларга жавоб бериши мумкин.

Фойдаланилган адабиётлар:

- Ефименко Е. Е. Первобытное общество. – Киев, 1953.
- Сайфуллаев Б. К., Хошимов Х. Б. Тошларни чақмоқлашнинг технологик услублари // *Ўзбекистон археологияси*. – Самарқанд. – № 2. – 2018.
- Семенов С. А. Первобытная техника // *Материалы и исследования по археологии СССР*. №54. – М.-Л., 1957.
- Bordes F. Etude comparative des differentes techniques de taille du silex et des roches dures // *L'Antropologie*. – Vol. 51. – Paris, 1947.
- Inizan, M., Reduron M. L., Roche H., Tixier J. Technologie de la pierre taillée // *Prehistoire de la Pierre Taillée*. – Vol. 4. – CNRS. Universite Paris. Meudon-Nanterre. 1995.
- Madsen B. New evidence of late paleolithic settlement in East Jutland // *Journal of Danish Archeology*. – Vol. 2. – 1983.
- Madsen B. Hamburgrulturens flintteknologi i Jels // Holm J. & Rieck F. *Istidsjgere ved Jelssu-erne: Hamburgrulturen i Danmark*. Haderslev, Skrifter fra Museumsradet for Sundejyllands Amt. – 5. – 1992.
- Pelegrin J. Sur une recherche technique experimentale des techniques de debitage laminaire et quelques resultats // *Archeologique experimental*. –Т.2. – La terre. L'os et la pierre; la maison et les champs. Actes du Colloque International "Experimentation en archeologie: bilan et perspectives" (Acrcheodrome de Beaune; 6-9 avril 1988). – Paris, 1991a.

- Pelegrin J. Technologie lithique: le Chatelperronien de Roc de Combe; Lot, et de la Cote // Cahiers du Quaternaire. – Vol. 20. – Dordogne. – Paris: CNRS, 1995.
- Peligrin J. Les techniques de debitage laminaire au Tardiglaciaire: criteres de diagnose et quelques reflexions // L' Europe Centrale et Septentrionale Au Tardiglaciaire. Table -ronde de Nemours, 13-16 mai 1997. Memoires du Musee de Prehistoire d'Ile de France, 7. 2000.
- Peligrin J. Outillage en pierre du Paleolithique ancien au Mezolithique. Evolution des techniques de taille et de l'outillage; Etude des industries lithiques // Arkeo Fabrik. – Paris, 2013.
- Peligrin J., Tixier J-P. Les techniques de taille de la pierre prehistorique // Dossiers 'Archeologie. – Paris. Fevrier. – №290.– 2004a.
- Peligrin J., Texier P-J. La tribologie. Comment la science fait parler les vestiges archeologiques // Dossiers d'Archeologie. – Ferrier– № 290. – 2004b.
- Pelegrin J. Les savoir-faire: une tres langue histoire // Terrain. – Vol.16. – 1991b.

УДК:

**ХИМИКО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИЗДЕЛИЙ
ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ КОЧЕВНИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН
В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ В КУШАНСКОЕ ВРЕМЯ**

© 2021. Владимир Рузанов

Самаркандский институт археологии ИЦА АН РУз

Калит сўзлар: лигатура, қоришмалар типлари, буюмларни яшаш технологияси, металлни қайта ишлаш, дафнинвентарлари.

Жануби-ғарбий Тоҷикистон ва Шарқий Туркменистондаги Тулҳор, Аруқтау, Кўкқум ва Бабашов мазорқўғонларида аниқланган 180 дан зиёд металл буюмларнинг спектрал таҳлилларининг математик статистик ва график қайта ишлаш асосида қалай, рух, қалай-қўрғошин, қўрғошин-рух ва қалай-қўрғошин-рух қоришмалари ажратиб олинди. Булардан ташқари маҳаллий усталар ҳеч қандай қўшимчаларсиз тоза мис ҳам ишлатишган. Юқорида қайд қилинган қоришмалар орасида қўрғошин-рух ва қалай-қўрғошин-рух қоришмалари кўпчиликни ташкил этади. Қалай, рух, қалай-қўрғошин қоришмалари нисбатан кам, мис эса айрим ҳолатларда ишлатилган. Буюмлар турлари ва қоришмалар типлари ўртасидаги алоқдорлик таҳлил қилинган. Маълум бўлишича, кўчманчи қабилалар орасида Шарқий Туркменистон (Бабашов) металлари Ғарбий Тоҷикистон (Бешкент) металларида қалай бронзасининг (31%) кўплиги билан ажралиб турган.

Ключевые слова: лигатура, типы сплавов, технология изготовления изделий, металлообработка, погребальный инвентарь.

С помощью математико-статистической и графической обработки результатов спектральных анализов более 180 изделий в металлических коллекциях Тулхарского, Аруктауского, Коккумского и Бабашовского курганных могильников Юго-Западного Таджикистана и Восточной Туркмении выделены оловянные, цинковые (латунь), оловянно-свинцовые, свинцово-цинковые сплавы и оловянно-свинцово-цинковые сплавы. Кроме перечисленных бронз, местные мастера использовали чистую медь, без каких-либо преднамеренных легирующих добавок. Среди указанных сплавов ведущими являются свинцово-цинковые и оловянно-свинцово-цинковые бронзы. Существенно реже употреблялись оловянные, цинковые и оловянно-свинцовые сплавы, крайне редко - чистая медь. Рассмотрена взаимосвязь между категориями изделий и типами сплавов. Установлено, что в среде кочевнических племен восточно-туркменистанский (Бабашовский) металл отличается от западно-таджикистанского (Бешкентского) преобладанием оловянных бронз (31%).

CHEMICAL AND METALLURGICAL SIGNS OF NON-FERROUS METAL PRODUCTS OF NOMADIC TRIBES IN NORTHERN BACTRIA IN THE KUSHAN TIME

Vladimir Ruzanov

NCA of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Samarkand Archaeology Institute

Key words: ligature; types of alloys; product manufacturing technology; metalworking; burial inventory.

According to the results of spectral analyzes of 180 products of the Tulkhara, Aruktau, Kokkum and Babashovsky burial grounds, it was found that in the era of antiquity in Southwestern Tajikistan and Eastern Turkmenistan, tin, zinc (brass), tin-lead, tin-lead-zinc alloys and pure copper. Leading among them are lead-zinc and tin-lead-zinc bronzes. Tin, zinc and tin-lead alloys were used much less frequently, and pure copper was extremely rare. Note that the metal collection of the East Turkmen nomadic population differs in metallurgical terms from the collection of products of the West Tajik nomads: it contains significantly more binary tin bronzes (31% and 5%, respectively) and less complex tin-lead-zinc alloys (20% and 32%, respectively).

Исследование химического состава изделий кочевых племен Юго-Западного Таджикистана и Восточной Туркмении кушанского периода проводилось с помощью метода спектрального анализа во второй половине прошлого столетия. Оно было начато в 60-х годах прошлого столетия И. В. Богдановой-Березовской (1966; 1975) в лаборатории ЛОИА АН СССР и продолжено в 80-х годах того же столетия в лаборатории ИР АН СССР И. Г. Равич, А. В. Седовой и М. С. Шемаханской

(1982). В работах этих исследователей приводятся более 180 анализов изделий погребального инвентаря Тулхарского, Аруктауского, Коккумского и Бабашовского могильников, рассматриваются вопросы рецептуры сплавов и технологии изготовления металлической посуды.

В предлагаемой статье мы проведем математико-статистическую обработку, опубликованную И. В. Богдановой-Березовской результатов спектральных анализов металла указанных выше памятников, сопоставим химико-металлургические показатели изделий, установим химические и рецептурные особенности металла, опишем характер металлургических связей между металлообработками кочевников и городского населения, их воздействие друг на друга. Для сравнений будут использованы аналитические материалы, полученные при изучении медно-бронзовых изделий из памятников Южного Узбекистана кушанского времени (Рузанов, 1986; 2005; 2010; Матбабаев и др., 2017-2019).

Статистическая обработка спектроаналитических данных (табл. 1-3) путем частотных и корреляционных анализов позволяет выделить ряд металлургических групп в коллекциях изделий вышеуказанных могильников. Частотная обработка, проведенная с помощью гистограмм (рис. 1), показывает, что искусственными приплавками к меди в этих памятниках служат олово, свинец и цинк. Именно эти элементы характеризуются их высокими содержаниями (30% и выше). Менее значимы примеси мышьяка и никеля, достигающие иногда 1%. Они существенно уступают концентрациями указанным выше элементам, и их, очевидно, следует отнести к разряду естественных примесей. К естественным примесям можно также отнести железо, содержание которого порой достигает 1-2%. Во многих изделиях в довольно больших количествах содержится железо, концентрация которого достигает 0,6-3%. В медь железо могло попасть в результате либо повторных переплавок, например, сломанных изделий, либо из руды медно-колчеданных месторождений, которые обычно обогащены железом. Не столь большими значениями, не превышающие 1%, характеризуются сурьма, кобальт и висмут. В пределах тысячных, редко сотых процентов содержится серебро. В коллекциях также встречаются изделия, в которых олово, цинк, висмут, сурьма, мышьяк, никель и кобальт не зафиксированы. Как мы полагаем, это связано с использованием иных рудных источников, очевидно, месторождений медистых песчаников, обычно обедненных элементами-примесями.

Взаимосвязь легирующих компонентов – олова, свинца и цинка будет определена с помощью корреляционных графиков пар примесей олово-свинец, олово-цинк, свинец-цинк (рис. 2 А, Б, В). Наблюдения за данными графиками позволят наме-

Таблица 1. Распределение изделий по металлургическим группам

Памятники Сплавы	Cu	Cu+Sn	Cu+Zn	Cu+Sn+Pb	Cu+Pb+Zn	Cu+Sn+ +Pb+Zn	Всего
Бабашовский могильник	2	20	7	5	17	12	63
Тулхарский могильник	1	5	4	11	46	32	99
Аруктауский могильник	-	-	3	-	4	4	11
Коккумский могильник	1	-	-	1	-	1	3
Итого	4	25	14	17	67	49	176

Таблица 2. Распределение образцов типов сплавов по категориям изделий Тулхарского, Аруктуского и Коккумского могильников Юго-Западного Таджикистана

Сплавы / Категории предметов	Cu	Cu+Sn	Cu+Pb	Cu+Zn	Cu+As	Cu+Sn+Pb	Cu+Pb+Zn	Cu+Sn+Pb+As	Cu+Sn+Pb+Zn	Cu+Sn+Pb+Zn+As	Всего
Гвозди	-	1	-	3	-	-	5	-	5	-	14
Булавки	-	1	-	-	-	1	-	-	1	-	3
Браслеты	-	2	-	4	-	1	17	-	7	-	31
Перстни	-	-	-	-	-	-	4	-	3	-	7
Серьги	2	1	-	2	-	1	1	-	15	-	22
Подвески	1	1	-	-	-	2	4	-	3	-	11
Бляшки	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	2
Зеркала	-	13	-	-	-	1	-	-	-	-	14
Посуда	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1
Колокольчики	1	1	-	-	-	1	-	-	-	-	3
Пряжки	-	4	-	4	-	3	26	-	9	-	46
Кольца	-	-	-	-	-	2	7	-	6	-	15
Пуговицы	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
Заклепки	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Скобы	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Пластинки	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
Итого	8	24	-	14	-	13	68	-	49	-	176

Таблица 3. Распределение образцов типов сплавов по категориям изделий Бабашовского могильника Восточного Туркменистана

Сплавы / Категории предметов	Cu	Cu+Sn	Cu+Pb	Cu+Zn	Cu+As	Cu+Sn+Pb	Cu+Pb+Zn	Cu+Sn+Pb+As	Cu+Sn+Pb+Zn	Cu+Sn+Pb+Zn+As	Всего
Гвозди	-	1	-	3	-	-	2	-	2	-	8
Булавки	-	1	-	-	-	1	-	-	1	-	3
Браслеты	-	2	-	2	-	-	4	-	2	-	10
Перстни	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Серьги	1	1	-	-	-	1	-	-	3	-	6
Подвески	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-	3
Бляшки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Зеркала	-	11	-	-	-	-	-	-	-	-	11
Посуда	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Колокольчики	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Пряжки	-	3	-	2	-	2	8	-	2	-	17
Кольца	-	-	-	-	-	1	-	-	2	-	3
Пуговицы	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Заклепки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Скобы	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	2	19	-	7	-	5	16	-	13	-	62

тить границы искусственного введения указанных выше легирующих компонентов в медь. Так, граница искусственного введения олова в медь, как об этом свидетельствуют корреляционные графики олово-свинец и олово – цинк (рис. 2), проходит в

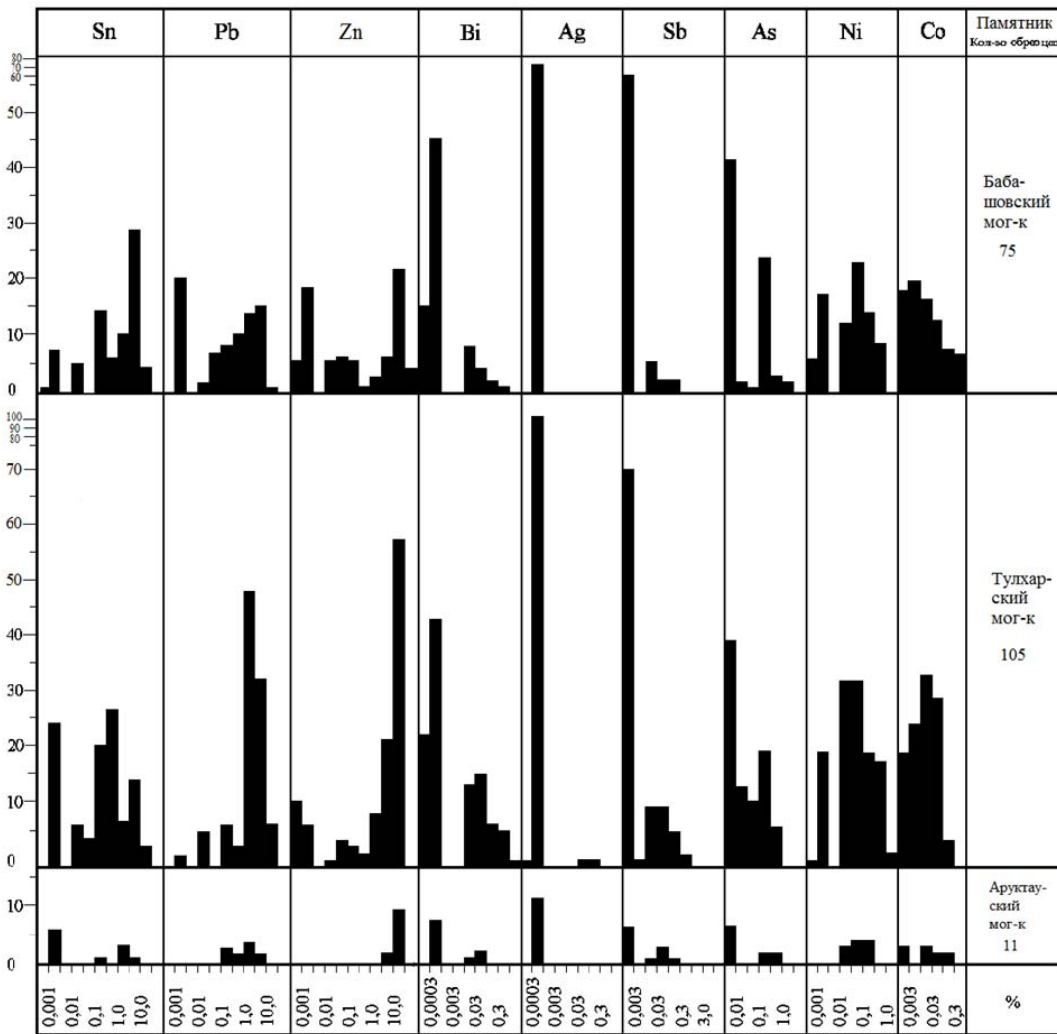

Рис. 1. Гистограммы распределения концентраций примесей к меди Бабабшовского, Тулхарского и Аруктауского могильников

пределах 0,3-0,6%. Концентрация в 0,3% в качестве рубежа между искусственными и естественными содержаниями данной примеси в меди принята нами условно. Не столь же четко определяется граница искусственного введения в медь свинца. Она проходит в интервале 0,3-0,5% (рис. 2). В этой связи, как и у олова, концентрация в 0,3% будет носить условный характер. Корреляционные графики пар олово-цинк и свинец-цинк указывают на более высокий по содержаниям диапазон концентраций, охватывающий 0,6-1%, в котором, как мы полагаем, проходит граница искусственного введения в медь цинка. Ее рубежом являются концентрации в 0,8% или 0,9%, среди которых концентрация 0,8% выбрана условно. Корреляционные графики пар примесей мышьяк-сурьма показывают наличие изделий, в меди которых содержится довольно высокое содержание мышьяка (от 0,1 до 1%). Как было уже отмечено выше, повышенные содержания этой примеси носит естественный характер и связано с использованием руд месторождений, обогащенных мышьяком. Надо отметить, что наличие высокого содержания мышьяка с никелем, которое мы наблюдаем в металле городских металлообрабатывающих мастерских и некоторых изделиях кочевников, является характерным признаком металла иранских древневосточных

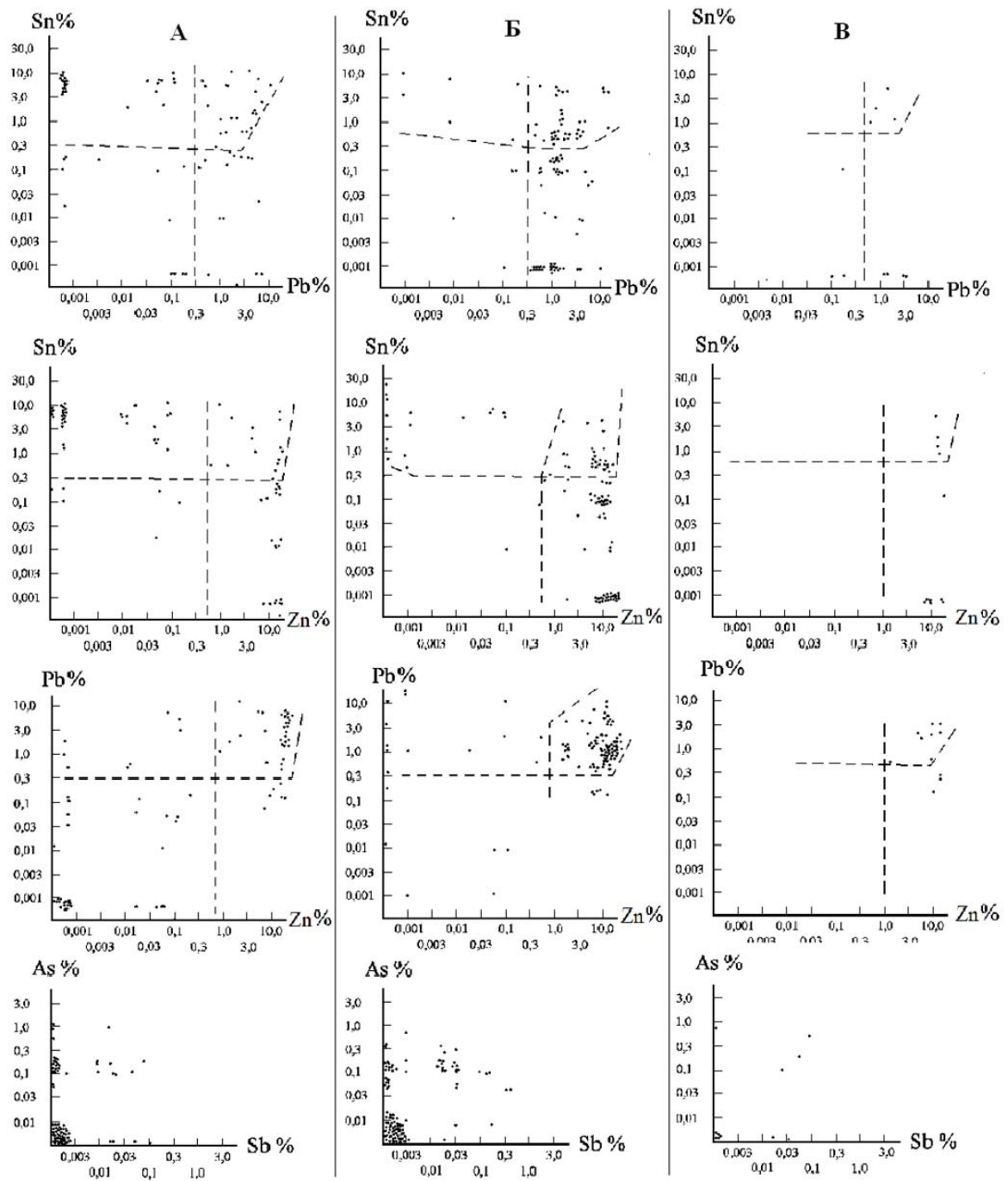

Рис. 2. Корреляционные графики взаимозависимости пар примесей в меди Бабабшовского (А), Тулхарского (Б) и Аруктауского (В) могильников

культур, металлургия которых в эпоху энеолита базировалась на мышьяковистых месторождениях Ирана.

Итак, на основании полученных данных можно наметить 5 металлургических групп искусственного происхождения - оловянные, цинковые (латуни), оловянно-свинцовые, свинцово-цинковые сплавы и оловянно-свинцово-цинковые сплавы. Кроме того, использовалась чистая медь, в которой отсутствуют какие-либо легирующие примеси.

Распределение изделий кочевнического населения в кушанское время по типам сплавов отражено в таблице 1. Наблюдения за соотношением образцов сплавов позволяют сказать, что в металлообработке этого круга культур ведущими сплавами являлись свинцово-цинковые и оловянно-свинцово-цинковые бронзы. Существенно реже использовались оловянные, цинковые и оловянно-свинцовые сплавы. Крайне редко употреблялась чистая медь.

В погребальном инвентаре могильников Юго-Западного Таджикистана (табл. 2), в основном, проанализированы украшения. Наиболее полно изучены изделия погребального инвентаря Тулхарского могильника (162 экз.). Касаясь металлических коллекций Аруктауского и Коккумского могильников, то они представлены небольшим числом изделий (11 и 3 экз. соответственно). В этой связи их металл был рассмотрен в совокупности с погребальным инвентарем из Тулхарского могильника.

Среди орудий труда изучена достаточно большая коллекция гвоздей (14 экз.). К сожалению, оружие и медные монеты, бытовавшие в среде кочевнических племен спектрально не изучены, что сужает возможности внутренних и внешних сопоставлений химико-металлургических характеристик металла местных памятников и сопредельных территорий.

Ведущими сплавами для изготовления гвоздей служили два: медно-свинцово-цинковые и медно-оловянно-свинцово-цинковые бронзы (по 5 предметов каждый или примерно по 36%). Меньшим числом в коллекции представлены латуни (3 экз. или 21%). Один гвоздь сделан из оловянной бронзы.

Важно отметить, что браслеты, перстни, серьги, подвески, кольца и пряжки изготавливались кочевниками по тем же рецептам, что и гвозди, а именно из медно-свинцово-цинковых и медно-оловянно-свинцово-цинковых сплавов. На их долю приходится примерно 40% предметов, представляющих украшения в изученных коллекциях погребального инвентаря указанных могильников.

Другой металлургической особенностью кочевнической металлообработки на юго-западе Таджикистана является широкое использование оловянных бронз в производстве зеркал (13 экз. или 93%). Наконец, отметим редкое использование местными кузнецами чистой меди (8 экз. или 5%) в изготовлении украшений, сосудов, культовых и бытовых предметов.

Восточно-туркменистанский металл кочевнических племен (табл. 3) отличается от западно-таджикистанского (бешкентского) преобладанием оловянных бронз (31%). Им уступают свинцово-цинковые и оловянно-свинцово-цинковые бронзы (25% и 23% соответственно). Латуни и оловянно-свинцовые сплавы играли второстепенную роль (11% и 8%).

Специалисты, занимающиеся изучением древней металлургии считают, что основными факторами применения древними мастерами того или иного типа сплава являются:

во-первых, металлообрабатывающие традиции и этнокультурные связи населения с культурами предыдущих периодов;

во-вторых, наличие рудной базы, дающей возможность получения того или иного типа сырья для легирования меди;

в-третьих, металлургические связи, благодаря которым на исследованную территорию могли поступать готовые сплавы и изделия, представляющие их.

Кроме того, при выборе древними кузнецами того или иного типа сплавов некоторую роль играла техническая целесообразность. Значение последнего фактора

можно определить при помощи визуальных наблюдений путем сравнения, имеющих разные литейные качества, сплавов и форм изделий. Однако отметим, что полученные таким путем решения весьма приблизительны. Реальную оценку этому могут дать металлографические анализы, по которым можно описать технологические процессы изготовления изделий. К сожалению, подобные исследования изделий эпохи раннего железа и античности Южного Узбекистана и смежных с ним территорий не проводились.

Теперь изучим распределение категорий и типов изделий по типам сплавов. Такой анализ позволит выявить металлургические особенности находок, также сходство и различие по рецептурным признакам категорий предметов, с одной стороны - у оседлого населения, с другой - кочевников. Основное внимание уделим количественно весомым категориям предметов (10 и более находок). В оружии и орудиях труда к ним относятся: наконечники стрел и гвозди; в украшениях: булавки, браслеты, подвески и пряжки; в предметах туалета: зеркала.

Гвозди (рис. 3. 80, 81, 92, 93; 4. 83). По функциональному назначению гвозди из Южного Узбекистана, Юго-Западного Таджикистана и Восточной Туркмении можно расчленить на два класса: 1) строительные, использовавшиеся для крепления де-

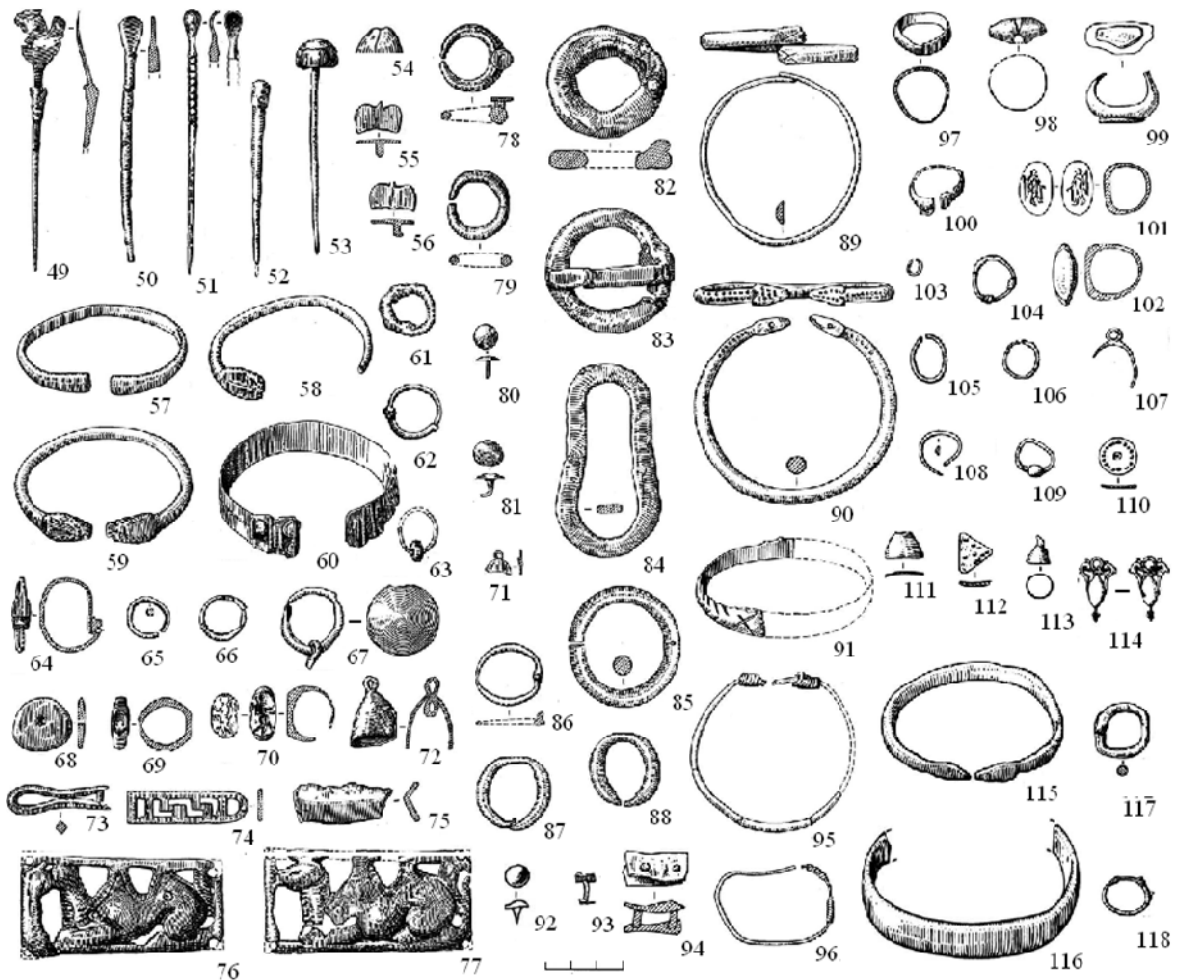

Рис. 3. Украшения из Бабашовского (1-40), Аруктауского (41-114) и Коккумского (115-118) могильников конца II в. до н.э. - IV в. н.э. Восточной Туркмении и Юго-Западного Таджикистана

ревянных сооружений и 2) ювелирные, которые применялись для крепления различных украшений к одежде и конскому снаряжению. Гвозди первого класса отличаются сравнительно большими размерами, длина которых достигает более 40 мм, диаметр шляпки равен примерно 10-12 мм. Гвозди второго класса значительно меньше: их длина не превышает 13-15 мм, диаметр шляпки 5-8 мм.

Серия проанализированных гвоздей из памятников Южного Узбекистана мала (всего 3 экз.). Один из гвоздей использовался в строительстве, два других для крепления украшений. Сопоставление гвоздей, использовавшихся оседлым населением и кочевническими племенами, свидетельствует о существенном различии между ними в металлургическом плане. Так, мастера в оседлых оазисах для изготовления гвоздей предпочитали чистую медь и оловянную бронзу. В кочевнической среде предметы этой категории изготавливались преимущественно из свинцово-цинковых, оловянно-свинцово-цинковых сплавов и латуни, реже из оловянных бронз.

Булавки (рис. 3. 49-53). Из памятников Южного Узбекистана, Юго-Западного Таджикистана и Восточной Туркмении проанализирована коллекция из 16 булавок, подразделяющаяся на 12 типов. Одна булавка ранняя и датируется эпохой раннего железа - VI-V вв. до н.э., остальные украшения более позднего времени—эпоха античности - к концу II в. до н.э.- IV в. н.э. Большинство булавок происходит из городищ и поселений Южного Узбекистана.

Основным типом сплава, применявшимся мастерами-ювелирами оседлого населения для изготовления таких украшений, служила чистая медь (44%). Значительно реже в производстве булавок на юге Узбекистана использовались свинцовые и оловянно-свинцово-цинковые сплавы. По иным рецептурным канонам изготавливались булавки, обнаруженные в погребальном инвентаре курганных могильников, оставленных кочевниками. В качестве исходного сырья для их изготовления использовались оловянные и оловянно-свинцовые бронзы. Наряду с ними применялись многокомпонентные оловянно-свинцово-цинковые сплавы. Как мы полагаем, две булавки из таких сплавов, встреченные в материалах оседлого населения на юге Узбекистана, являются импортом, поступавшим от кочевых племен.

Браслеты (рис. 3. 57-60, 89-91, 95, 96, 115, 116; 4. 1-6, 85-97). Коллекция браслетов одна из самых многочисленных категорий украшений. На территории Южного Узбекистана, Юго-Западного Таджикистана и Восточной Туркмении найдено около 100 браслетов и их фрагментов. Морфологически их можно подразделить на 13 типов. Большая часть из них: это проволочные браслеты, сделанные из полукруглой и округлой в сечении проволоки. Значительно реже исходным материалом для их изготовления служила узкая пластина. Практически все украшения сделаны из меди и ее сплавов. В эпоху античности браслеты также изготавливались из железа.

Спектрально исследовано 62 браслета. Анализы и их математико-статистическая обработка свидетельствуют о рецептурном многообразии (5-6 рецептов сплавов) в этой категории украшений это оловянные, оловянно-свинцовые, свинцово-цинковые, оловянно-свинцово-цинковые сплавы и чистая медь. Один браслет отлит из оловянно-свинцово-мышьякового сплава. Из них сложные трех- и четырехкомпонентные сплавы с добавками цинка, вероятнее всего, характерны для цветной металлообработки кочевнических племен и могут быть привозными.

Подвески (рис. 3. 62, 63, 65, 66, 85, 88, 117, 118; 4. 10-12, 16, 50-57). Подвески, как и браслеты, изготовлены из полукруглой и округлой в сечении проволоки. Та-

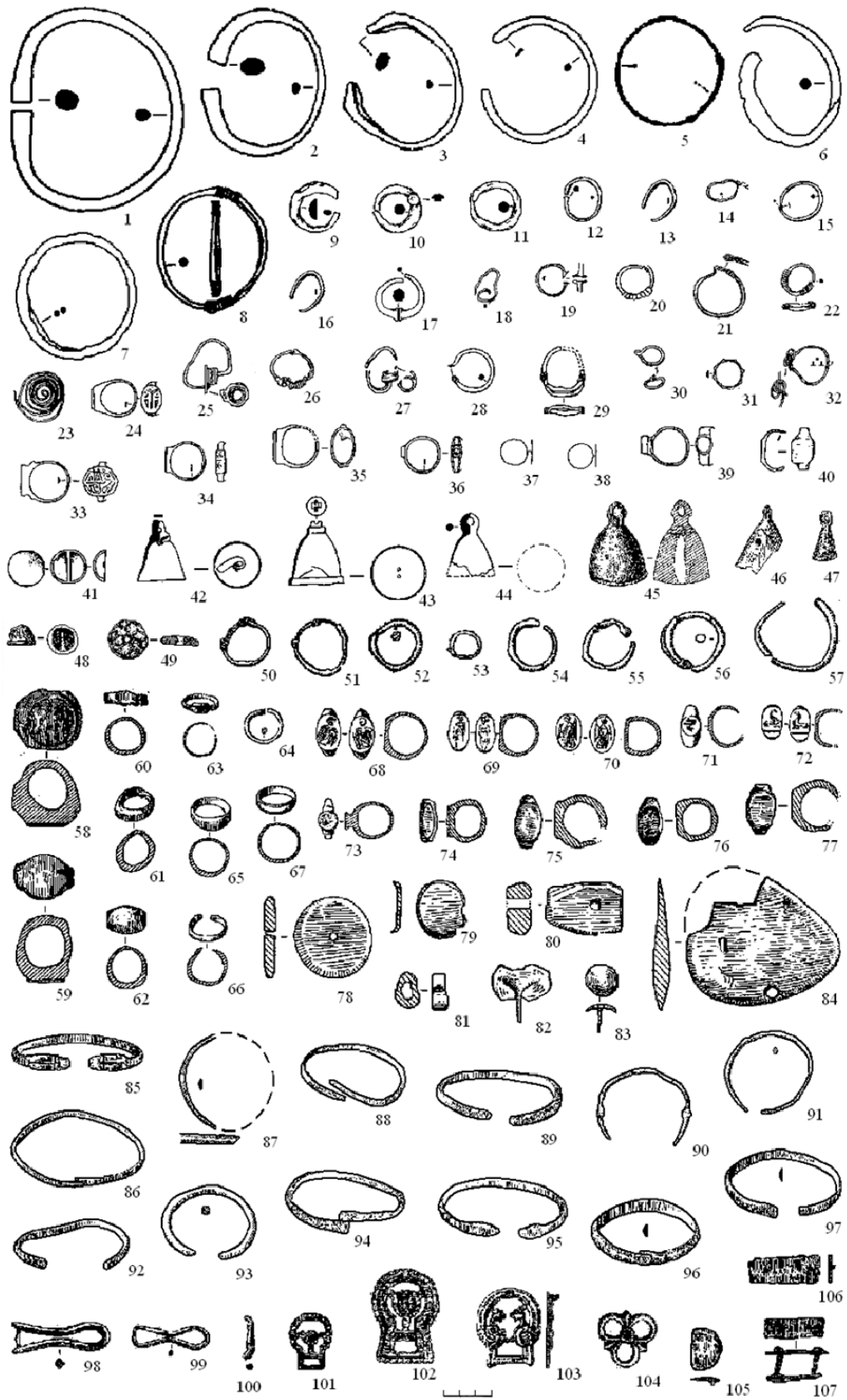

Рис. 4. Украшения из Гупхонинского (1-44) и Тулхарского (45-107) могильников конца II в. до н.э. - IV в. н.э. Юго-Западного Таджикистана

кие украшения довольно широко были распространены в кругах городского и кочевнического населения. Учтены 42 подвески, из них спектрально изучены 29 экз.

Основным сырьем для изготовления подвесок служили оловянно-свинцовые, свинцово-цинковые, оловянно-свинцово-цинковые сплавы и чистая медь. Иногда использовались оловянные бронзы.

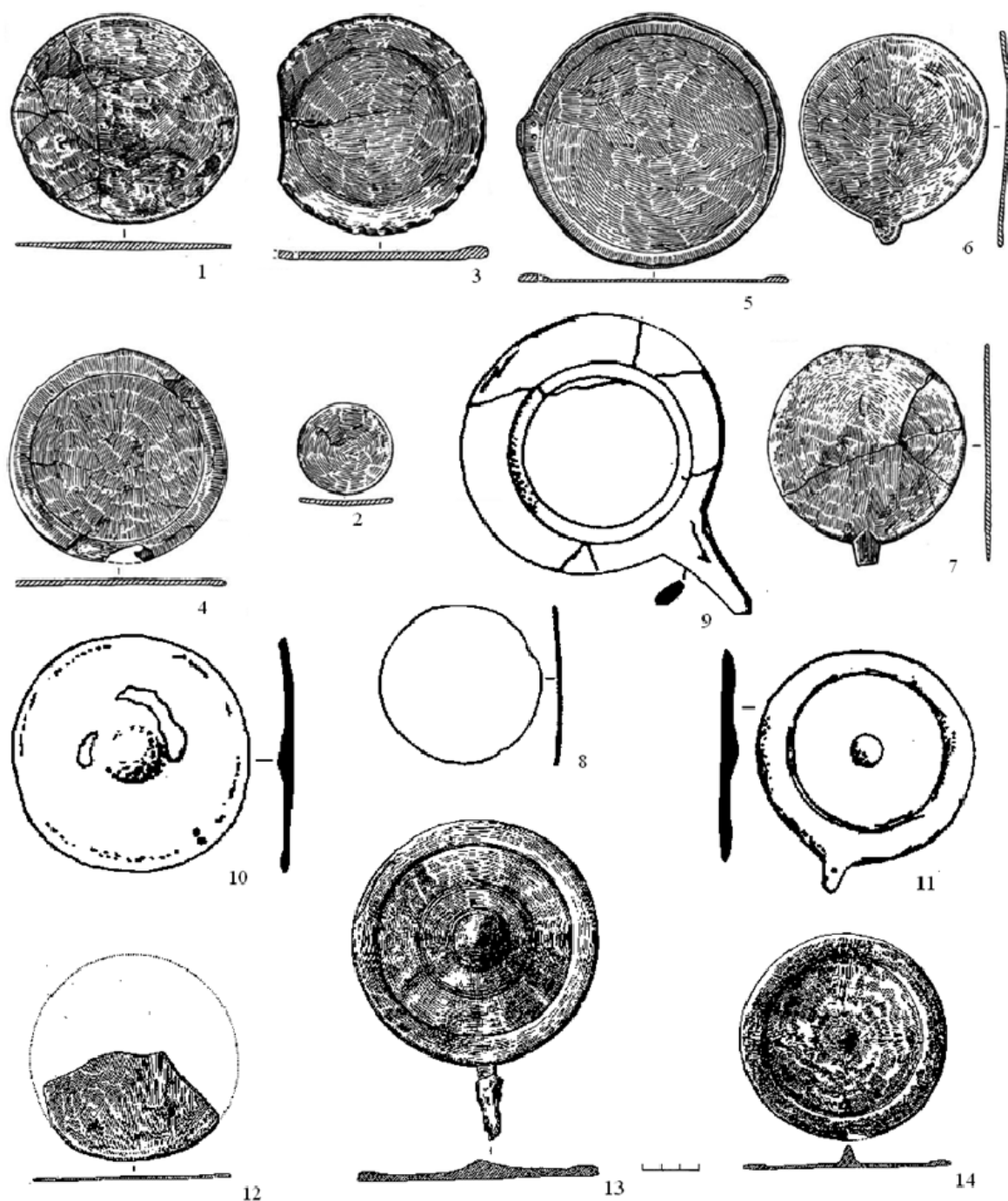
Кольца и перстни (рис. 3. 97-102; 4. 20-22, 24, 33-36, 39, 40, 58-77). Коллекция этой категории украшений сравнительно представительна (46 экз.). Кольца и перстни найдены в памятниках оседлого и кочевого населения, при этом большинство таких украшений обнаружено в курганных могильниках кочевых племен. Спектрально изучен 31 экз. Большая часть исследованных колец и перстней отлита из свинцово-цинковых и оловянно-свинцово-цинковых сплавов. Иногда для отливки перстней и колец использовали оловянные и оловянно-свинцовые бронзы, а также железо.

Пряжки (рис. 3. 82-85; 4. 7, 8, 98-104; 26.65. 71-76). Большинство пряжек происходит из памятников кочевого населения. Спектрально изучены 63 экз. из Юго-Западного Таджикистана и Восточной Туркмении. Украшения отлиты из пяти типов сплавов: оловянных, оловянно-свинцовых, свинцово-цинковых, оловянно-свинцово-цинковых сплавов и латуни. Из них ведущую роль играют свинцово-цинковые и оловянно-свинцово-цинковые сплавы. Кроме того, в производстве пряжек мастера широко использовали железо.

Зеркала (рис. 5). Зеркала из памятников Южного Узбекистана, Юго-Западного Таджикистана и Восточной Туркмении датируются концом II в. до н.э. - IV в. н.э. Коллекция подразделяется на 8 типов. В отличие от прочих категорий предметов, характеризующихся различной рецептурой сплавов, в зеркалах наблюдается удивительно устойчивая рецептурная стандартизация: из 35 исследованных зеркал 31 отлито из оловянных сплавов. Наблюдаемая характеристика соотношения сплавов характерна для большинства зеркал, бытовавших как у оседлого населения, так и у кочевнических племен Северной Бактрии. В этой серии изученных предметов туалета только 3 зеркала, найденные на поселении Кампыртепа, сделаны из чистой меди. Еще одно зеркало из Тулхарского могильника отлито из оловянно-свинцовой бронзы.

Отметим, что мастера кочевнических племен в производстве зеркал чаще использовали средне-оловянные бронзы, в то время как мастера городских металлообрабатывающих мастерских оловянные сплавы с небольшими содержаниями олова или низко-оловянные бронзы.¹

Надо отметить, что добавки в медь легирующих примесей меняли ее первоначальный химический состав. Как правило, олово, свинец, цинк и мышьяк, использовавшиеся в качестве лигатур, содержат сопутствующие с ними геохимические аналоги. Особенно это характерно для полиметаллических месторождений, руды которых отличаются разнообразием и довольно большим содержанием примесей. Введенные в медь приплавки, добытые в рудах таких месторождений, вносили в нее новые компоненты и меняли концентрации элементов, тем самым искажали ее исходный химический состав. Все сказанное выше ставит под сомнение правомерность выделения в кочевническом металле химических групп меди. Правда, в коллекции имеются изделия из чистой меди, не содержащие искусственные примеси. Однако, выборка таких находок мала (всего 4 экз.) и по ней сложно судить о реальных закономерностях распределения элементов-примесей в меди и пытаться провести при-

*Рис. 5. Предметы туалета - зеркала из Бабашовского (1-7), Тупхонинского (8-11) и
Гулхарского (12-14) могильников конца II в. до н.э. - IV в. н.э.
Восточной Туркмении и Юго-Западного Таджикистана*

вязку изделий к рудным источникам. В этой связи в будущем необходимо провести спектральные исследования не только изделий, но и медных монет, встреченных в погребальном инвентаре могильников. Данные материалы позволят наметить рудные источники металла, который использовали литейщики-кузнецы кочевых племен в кушанское время.

В металле кочевых племен зафиксировано меньше видов сплавов, нежели в коллекциях изделий оседлого населения. Их 6: оловянные, цинковые (латунь), оловянно-свинцовые, свинцово-цинковые и оловянно-свинцово-цинковые сплавы. Кроме того, использовалась чистая медь. Среди них ведущими типами сплавов были свинцово-цинковые и оловянно-свинцово-цинковые бронзы. Существенно реже использовались оловянные, цинковые и оловянно-свинцовые сплавы. Крайне редко применялась чистая медь.

Особенностью металлообработки в кочевнической среде на юго-западе Таджикистана является широкое использование оловянных бронз в производстве зеркал. Также отметим редкое применение местными кузнецами чистой меди в изготовлении украшений, металлических сосудов, культовых и бытовых предметов.

Металл кочевников, оставивших курганы в Восточной Туркмении, отличается от изделий западно-таджикостанских древностей (памятники кочевников в Бешкентской долине) преобладанием оловянных бронз. Им уступают свинцово-цинковая и оловянно-свинцово-цинковая бронзы. Латунь и оловянно-свинцовые сплавы на востоке Туркмении играли второстепенную роль в производстве изделий.

Важно отметить, что в медных производствах кушанского времени в Юго-Западном Таджикистане и Восточном Туркменистане наблюдается разница по сырьевым показателям.

Итак, анализ изделий из цветных металлов позволяет установить различия в рецептуре сплавов в ряде категорий изделий в инвентаре кочевых племен Северной Бактрии. Рецептурные различия наблюдаются также между изделиями, найденными в памятниках оседлого и кочевого населения на данной территории.

Нельзя не отметить наличие фактов взаимных влияний и торговых отношений, установившихся между коренным населением и пришлыми племенами. Ярким тому примером служат зеркала с боковой ручкой и бортиком по краю диска, а также булавки, характерные для металлообработки земледельческих племен, формы которых были заимствованы кочевым населением. Возможно, что некоторые предметы этих категорий были изготовлены в мастерских, функционировавших на городищах и поселениях, и появились у кочевников в результате обмена и торговли. В свою очередь, кузнецы-литейщики городских мастерских, переняли, широко использовавшиеся в металлообработке кочевнических племен, сложные медно-свинцово-цинковые и медно-оловянно-свинцово-цинковые сплавы.

Сноски

1. В археологической литературе, посвященной древней металлургии, приводятся следующие рамки процентных содержаний олова в упомянутых типах оловянных бронз: в низкооловянных сплавах содержания олова варьирует в пределах от 0,8% до 6%; среднеоловянных - от 6% до 10%; высокооловянных – 10% и выше.

Использованная литература:

- Богаданова-Березовская И. В. Химический состав металлических предметов из Тулхарского могильника // Мандельштам А.М. «Кочевники на пути в Индию». МИА. Вып. 136. М.-Л., 1966.
- Богаданова-Березовская И. В. Химический состав металлических предметов из Аруктауского, Коккумского и Бабашовского могильников / А. М. Мандельштам «Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии». Тр. ТАЭ ИА и ИИ АН Таджикской ССР. Л., 1975. Т. VII.

- Матбабаев Б. Х. и др. Изучение динамики становления и развития древних культур эпохи камня-античности и сохранение объектов исторического наследия народов Узбекистана // Фонды Самаркандского института археологии АН РУз. Самарканд, 2017.
- Матбабаев Б. Х. и др. Изучение динамики становления и развития древних культур эпохи камня-античности и сохранение объектов исторического наследия народов Узбекистана // Фонды Самаркандского института археологии АН РУз. Самарканд, 2018.
- Матбабаев Б. Х. и др. Изучение динамики становления и развития древних культур эпохи камня-античности и сохранение объектов исторического наследия народов Узбекистана // Фонды Самаркандского института археологии АН РУз. Самарканд, 2019.
- Равич И. Г., Седов А. В., Шемаханская М. С. Применение моделирования к изучению древних бронз Южного Таджикистана // Сборник статей «Естественные науки и археология в изучении древних производств». М., 1982.
- Рузанов В. Д. О химическом составе металла Северной Бактрии // Материалы советско-французского коллоквиума «Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда». Тезисы докладов. Ташкент, 1986.
- Рузанов В. Д. Химико-металлургическая характеристика цветного металла некрополя Ялангтуш-тепе // Сборник статей «Материалы по античной культуре Узбекистана», посвященный 70-летию д.и.н., проф. Г. А. Кошеленко. Самарканд, 2005.
- Рузанов В. Д. О химическом составе металла из Дильберджина // Сборник статей «Традиции Запада и Востока в античной культуре Средней Азии», в честь академика П. Бернара. Самарканд, 2010.

УДК: 902.34

РЕСТАВРАЦИЯ СЕВЕРНОЙ СТЕНЫ СВАТИЛИЩА ФАЯЗТЕПА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОНСЕРВАНТОВ

© 2021. Марина Реутова, Наира Вахидова, Сайёра Рашидова

Самаркандский институт археологии НЦА АН РУз

Института химии и физики полимеров АН РУз

Калит сўзлар: Сурхондарё, қадимги давр, Фаёзтепа, буддавий деворий суратлар, қадимги тавсирий санъат, полимерлар, полибутилметакрилат, реставрация, консервация.

Ўзбекистоннинг жанубидаги кўлаб Вийликбудда ёдгорликларидан деворий расмлар топилган. Бироқ улардан фақат нухаларигина музей коллекцияларида намоиши этилади. Буддавий расмларининг кўлаб парчалари ҳали ҳам фондларда, хусусан, ЎзР ФА Самарқанд археология институти, ЎзР ФА Санъатунолик институтларида сақланиб келинади. Улар реставрация қилинмаган ва кўрғазма учун тайёрланмаган. Шу билан боғлиқ ҳолда Фаёзтепа ёдгорлигининг шарқий девори шимолӣ ва ўнг қисмларидаги расмларда реставрация ишлари олиб борилди. Бу ерда эҳсон қилувчилар тасвири акс эттирилган. Реставрация ишлари полибутилметакрилат (ПБМА) полимери ёрдамида олиб борилди. Бу полимер ЎзР ФА Полимерлар кимёси ва физикаси институти томонидан синтез қилинди. ПБМА синтезининг экспериментал қисмига тавсиф берилган. Объект визуал ўрганилгач, тўрт босқичдан иборат реставрация ишларининг режаси ишлаб чиқилди. Натижада, полихром тасвирларнинг 14 парчаси реставрация қилинди. Деворий суратлар парчалари учта намоиши асосига (умумий ўлчами 5,43×1,8 м) қотирилди.

Ключевые слова: Сурхандарья, античность, Фаязтепа, буддийская настенная живопись, древнее изобразительное искусство, полимеры, полибутилметакрилат, реставрация, консервация.

Настенная живопись была обнаружена на многих буддийских памятниках юга Узбекистана. Однако, она представлена в музейных коллекциях только единичными экземплярами. Много фрагментов буддийской живописи находятся еще в хранилищах, в частности, Самаркандского института археологии АН РУз, Института искусствознания АН РУз. Они не отреставрированы и не подготовлены к экспозиции. В связи с чем проведена реставрация живописи северной и правой части восточной стены святилища Фаязтепа. Там изображена сцена с изображением донаторов. Реставрация была выполнена с использованием полимера полибутилметакрилата (ПБМА). Этот полимер был синтезирован в Институте химии и физики полимеров Академии наук Узбекистана. Дано описание экспериментальной части синтеза ПБМА. После визуального обследования объекта был составлен план реставрационных работ в четыре этапа. В итоге была сделана реставрация 14 фрагментов полихромных живописей. Фрагменты живописи были смонтированы на три демонстрационных щита (общий размер 5,43×1,8 м).

RESTORATION OF A NORTHERN WALL OF A SANCTUARY FAYAZTEPA WITH HELP OF LOCAL-CONSERVATORS

Marina Reutova, Naira Vakhidova, Sayora Rashidova

NCA of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Samarkand Archaeology Institute, Institute of Chemistry and Physics of Polymers of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Key words: Surkhaniyarya, Fayaztepa, buddhist wall painting, ancient fine arts, polymers, polybutylmethacrylate, restoration, preservation.

Wall painting was found on many Buddhist monuments of the South of Uzbekistan. However, it is represented in museum collections only by single samples. The restoration of a painting of northern and right part of the east wall from a sanctuary Fayaztepa was made. There the scene with the image of donators is represented. Restoration was made with use of polymer polybutylmethacrylate (PBMA). This polymer was synthesized at Institute of chemistry and physics of polymers of the Academy of Sciences of Uzbekistan. The description of experimental part of PBMA synthesis is given. After visual inspection of the object the plan of restoration works including four stages was made. As a result restoration of 14 fragments of polychromatic paintings was made. Fragments of a painting were mounted on three demonstration boards (the out-to-out measure is 5,43×1,8 meter).

Введение

Во второй половине прошлого века на территории среднеазиатских республик при археологических раскопках отдельных античных и средневековых городов и замков были открыты монументальные росписи и расписная глиняная скульптура. Это известные науке росписи из Варахши, Афрасиаба, Балалыктепа, Каратепа, Пенджикента, Аджинатепа, Красной Речки, Старой Нисы и т.д. Эти уникальные памятники древнего изобразительного искусства, сняв со стен в полуразрушенном состоянии, удалось сохранить благодаря методу, разработанному в Государственном Эрмитаже реставраторами П. И. Костровым, Е. Г. Шейниной и химиком Л. И. Ногид. С начала 50-х годов XX века полибутилметакрилат (ПБМА), произведенный на заводах СССР, начинают использовать при консервации и реставрации клеевой настенной живописи и скульптуры Средней Азии. Впервые он был применен при полевой обработке монументальных росписей Пенджикента. За сравнительно короткий срок была создана методика закрепления и снятия росписей со стен, а также разработаны общие принципы их реставрации и исследования (Костров, 1954. С. 130-182; Винокурова, 2008. С. 15-18).

Исследованиями узбекских специалистов была показана возможность применения ПБМА в качестве покрытия для сохранения археологических объектов (Камбаров, 1975). Изучение проводилось на промышленном ПБМА с высокой молекулярной массой (более 100 тыс.). Представляло интерес установление возможностей применения для этих целей ПБМА с невысокой молекулярной массой. Известно, что скорость возрастания значений аутогезии тем больше, чем меньше молекулярный вес. Это объясняется наличием в низкомолекулярном полимере большого числа концов цепей, способных особенно легко диффундировать. В связи с этим целесообразным является использование для целей укрепления пористых материалов ПБМА с низкой молекулярной массой, которая должна способствовать более глубокому проникновению полимера в поры объекта и, следовательно, более эффективному закреплению материала. Экспериментальными исследованиями была установлена оптимальная концентрация растворов ПБМА в различных органических растворителях или их смесях. Она варьирует в интервале 5-15%. Способность пропитывания зависит от пористости закрепляемого материала, вязкости раствора и метода пропитки. Степень закрепления зависит от содержания полимера в порах материала после испарения растворителя и распределением его в толще объекта.

По проведенному анализу литературных источников мы видим, что в настоящее время предпочтение в закреплении росписей на лессовой основе отдается двум полимерам - ПБМА и Paraloid в различных модификациях (B-44, B-67 и B-72) (Жервэ, 2018. С. 61; Fray, Reutova, 2018. P. 237-245; Wang, Zhao, 2016. P. 13-28).

Учитывая большой накопленный нами опыт работы по полевой консервации и реставрации археологической живописи и расписной лессовой скульптуры, свой выбор мы остановили на синтетическом полимере ПБМА.

Следует отметить, что методика консервации на основе ПБМА на протяжении 70 лет остается наиболее эффективной для среднеазиатской настенной живописи на лессовой основе. При работе с таким закрепителем, как ПБМА, варьирование растворителей, концентраций растворов, режимов пропитки и сушки дает большие технологические возможности, обеспечивающие решение разнообразных реставрационных задач в соответствии с особенностями обрабатываемого материала

(Камбаров, 1975; Абдуразаков, Камбаров, 1975; Вохидова, Кудышкин и др., 2007. С. 35-37).

В связи с тем, что в начале 90-х годов прошлого века выпуск полимера ПБМА на российских заводах закрылся в виду неэкологичной технологии производства, реставраторы лишились этого необходимого химического продукта. И, как следствие, значительно сократились работы по полевой и камеральной обработке многих оригинальных древних материалов. Поэтому сотрудникам Института химии и физики полимеров АН РУз было предложено синтезировать для реставраторов Узбекистана этот продукт. В кратчайший срок была разработана методика получения полибутилметакрилата с регулируемой молекулярной массой. Что даёт возможность использования ПБМА на различных этапах полевой консервации и реставрации (Вохидова, Ахмедшаев, 2018. С. 97-99; Вохидова, Реутова и др., 2018. С. 11-12; Кудышкин, Вахидова, Рашидова, 2017. С. 27-29).

Экспериментальная часть

Для реставрации использованы образцы полибутилметакрилата с молекулярной массой 30000-120000, синтезированные в условиях радикальной полимеризации в присутствии инициатора $(\text{CH}_3)_2\text{C}(\text{CN})-\text{N}=\text{N}-\text{C}(\text{CN})(\text{CH}_3)_2$ - динитрил-азоизомасляной кислоты при 80°C , в атмосфере азота. Регулирование молекулярной массы осуществлялось согласно их методике (Kudyshkin, Vokhidova, Sidorenko, Rashidova and other, 2004. P. 994-997; Вохидова, 2008).

Определение характеристической вязкости растворов полимеров проводили в вискозиметре Уббелюде (Рафиков, 1959. С. 1858-1860) со временем истечения растворителя $t_0 = 91\text{c}$ при $303,15 \pm 0,05\text{K}$ в метилэтилкетоне и бензоле. Экспериментально **характеристическую вязкость** определяли методом двойной графической экстраполяции величин $\eta_{\text{уд}}/c$ и $\ln(\eta_{\text{омн}}/c)$ к нулевой концентрации. При этом получались линейные зависимости приведенной вязкости $\eta_{\text{уд}}/c$ и логарифмической вязкости $\ln(\eta_{\text{омн}}/c)$ от концентрации, которые описываются уравнениями (Рабек, 1983):

$$\text{Уравнение Хаггинса: } \eta_{\text{уд}}/c = [\eta] + K_x[\eta]^2 \times C. \quad (K_x = \text{tg}\alpha/[\eta]^2)$$

$$\text{Уравнение Кремера: } \ln(\eta_{\text{омн}}/c) = [\eta] - K_{\text{кр}}[\eta]^2 \times C. \quad (K_{\text{кр}} = \text{tg}\beta/[\eta]^2)$$

Величины K_x и $K_{\text{кр}}$ связаны соотношением $K_x + K_{\text{кр}} \approx 1/2$.

Закрепление объекта осуществлялось путем многократного насыщения поверхности предмета раствором, нанесенным кистью. Для реставрации объектов приготовили 5-15%-ные ксилольные и ацетоновые растворы ПБМА с разными молекулярными массами. После 5- и 7-кратной пропитки полимерами образцы высушивались при комнатной температуре до постоянной массы, в течение нескольких дней.

Результаты и их обсуждение

В последние годы работы по консервации археологической живописи с использованием ПБМА проводились на городище Хисорак и Пенджикенте, расположенных в верховьях реки Зарафшан (Таджикистан), городище Красная речка (Киргизия), на памятнике Казаклы-Ятган (Хорезм), Каратепа (Сурхандарьинская область), Уччулах (Бухарская область) и т.д. С использованием синтезированного в Институте химии и физики полимеров АН РУз ПБМА проведена реставрация росписей святилища Фаязтепа.

Описание и упоминание о живописи Фаязтепа (I-III вв. н.э.) можно встретить в публикациях многих авторов, занимающихся изучением древней истории Узбекистана (Альбаум, 1990. С. 18-25; Мкртычев, 2002. С. 206-207; Antonini, 2003. P. 61; Богомолов, 2019. С. 284-292 и др.). Все они, в основном, касаются живописи святи-

лица, опираясь в своих исследованиях на черно-белые прорисовки, выполненные Л. И. Альбаумом. Живопись была снята со стен святилища сотрудниками Отдела химико-технологического исследования и консервации исторических памятников Института археологии АН РУз в 1974 году и более сорока лет без обработки хранилась в фондах Института.

Настенная живопись была открыта на многих буддийских памятниках юга Узбекистана. Однако, в музейных коллекциях она представлена единичными экземплярами. В связи с этим, проведена реставрация живописи северной и правой части восточной стены святилища Фаязтепа, размеры которого составляли 6×6,1 м. Л. И. Альбаум высказал предположение, что на живописи изображена сюжетная сцена с донаторами, несущих в руках дары кушанскому царю Канишке (Альбаум, 1990. С.25). Росписи сняты 14 фрагментами. Предварительно был составлен схематический план резки поверхности расписной стены, на котором отмечены 13 фрагментов (рис. 1). Четырнадцатый указан не был, хотя по рисунку он относится к северной стене.

Процесс полевой консервации в отчетах нигде не описывался. Мы провели визуальное обследование фрагментов. Судя по толстому и плотному слою полимерной пленки на поверхности живописи, для закрепления использовался ПБМА высокой вязкости (рис. 2). Это значительно осложнило проведение отдельных реставрационных процессов. В частности, отгонку консерванта с лицевой поверхности в "ксилольной бане", расчистку тыльной стороны. Обследование показало, что красочный слой во многих местах сильно потерт или практически утрачен, особенно в правой части росписи (фрагменты 2 и 4). Много трещин и выбоин, приведших к выпадению штукатурки с краской. Поверхность росписи закреплена неравномерно: на одних участках наблюдаем плотную полимерную волнообразную пленку, на других—совершенно незакрепленную поверхность. На отдельных фрагментах наблюдается крошение участков и разломы поверхности (рис. 3). Два фрагмента росписи (№ 6 и 7) неудачно были отреставрированы в середине 70-х годов. Красочный слой был затерт, нанесена грубая тонировка. Тыльная сторона фрагментов была частично расчищена в поле и промазана сверху высоко концентрированным раствором.

Рис. 1. План снятия живописи с восточной и северной стен святилища

Рис. 2. Пленка полимера-консерванта на поверхности живописи

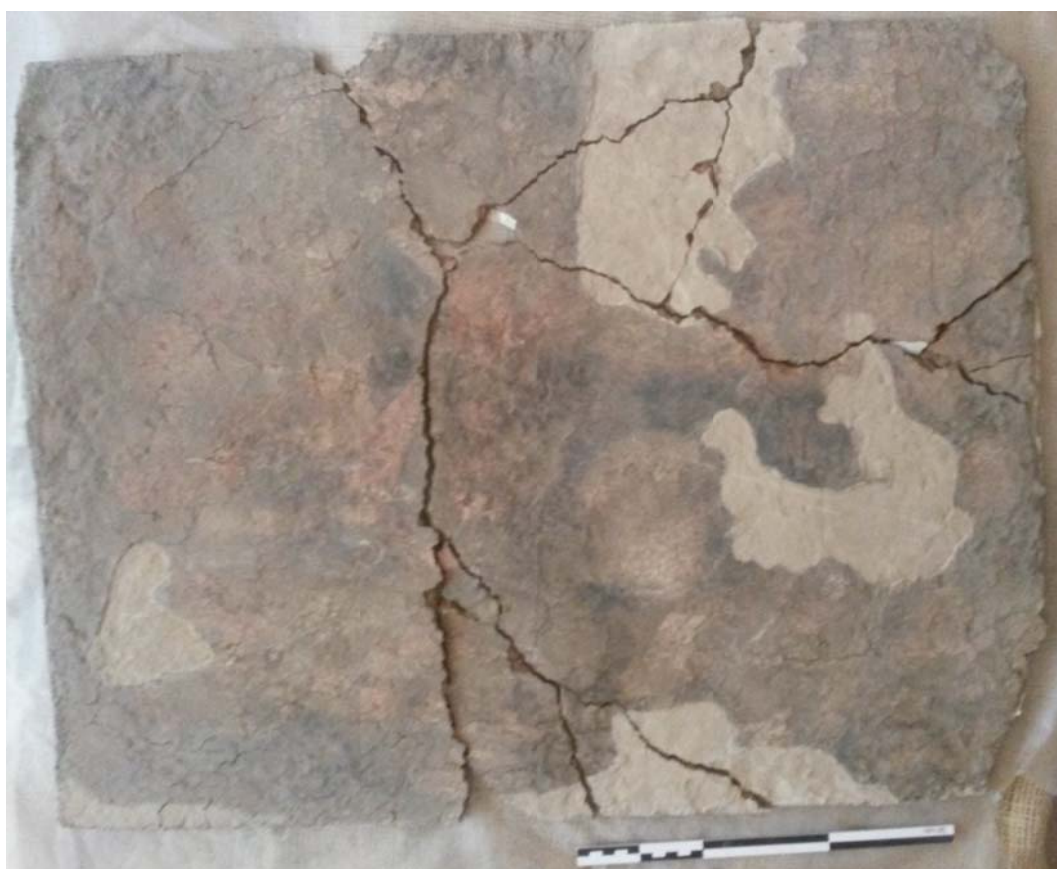

Рис. 3. Собранные куски фрагмента

Рис. 4. Фрагмент росписи до реставрации

Рис. 5. Фрагмент росписи после реставрации

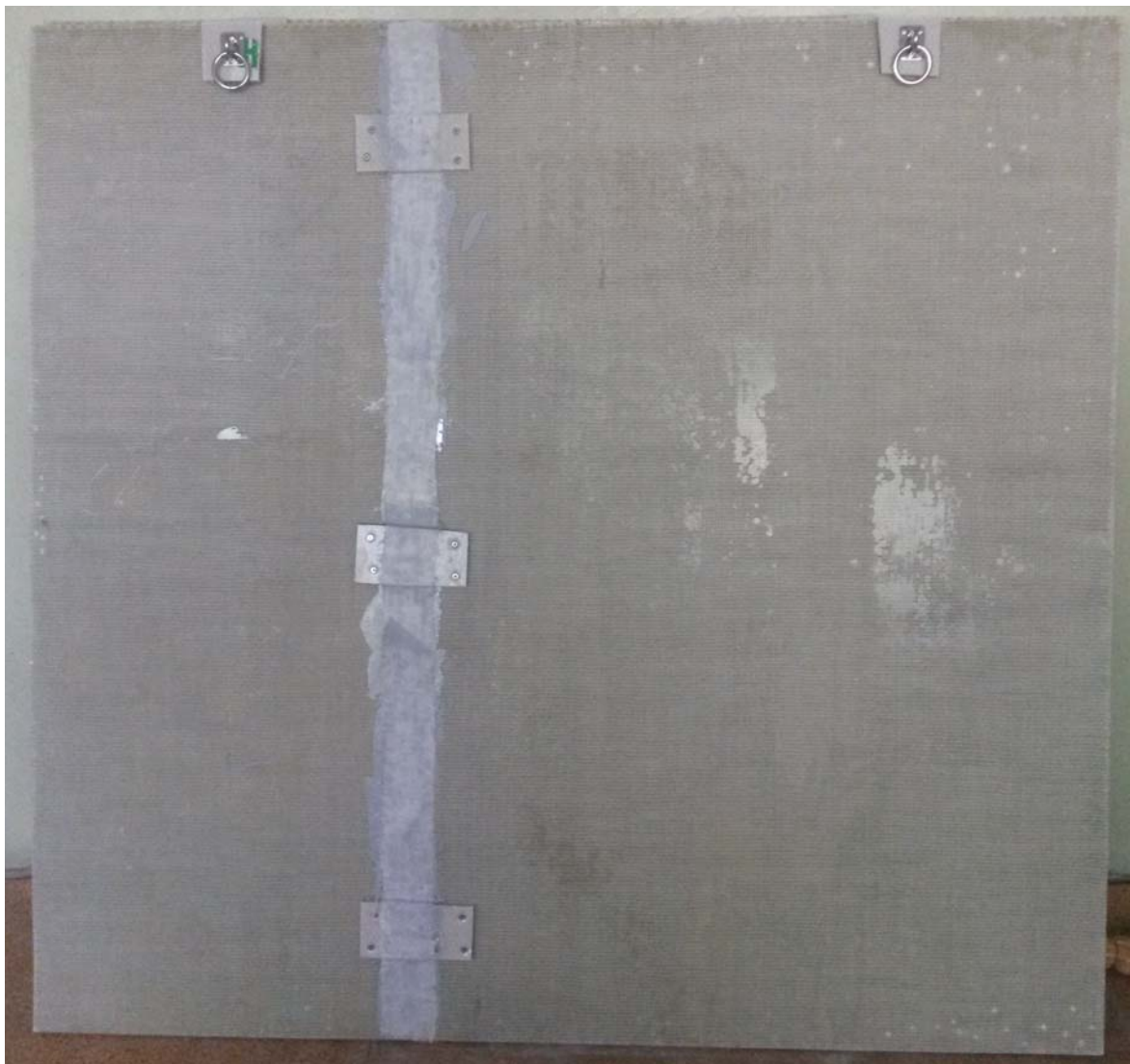

Рис. 6. Тыльная сторона демонстрационного щита

Рис. 7. Живопись северной и восточной стен святилища Фаязтепа, подготовленная для передачи в музей

Поэтому между закрепленным и живописным слоем оказалась незакрепленная рыхлая штукатурка, иногда с включениями мелкой гальки.

Процесс реставрации и музейфикации живописи проходил в четыре этапа. Первый - подготовительный включал в себя снятие профилактической заклейки, в виде плотной полиэтиленовой пленки с лицевой стороны, пропитку необработанных участков живописи 5%-ным раствором ПБМА в ацетоне, склейку сломанных фрагментов, проклейку красочной поверхности слоем марли.

Второй этап - обработка тыльной стороны фрагмента, который состоит в снятии незакрепленной штукатурки, пропитке изнанки 10%-ным раствором ПБМА, нанесении слоя искусственной штукатурки 0,4 см толщиной с использованием смеси обессоленного лесса и 10%-ного раствора акрилата, проклейка слоем марли.

Третий этап - окончательная обработка лицевой стороны живописи: удаление слоя избыточного полимера в "ксилальной бане" с целью восстановления естественной фактуры красочного слоя, мастиковка трещин и утрат, выпрямление поверхностной деформации с использованием ацетоновых компрессов, дополнительная расчистка, выявление слабых контуров. Итоги реставрационной работы можно проследить на фрагменте № 9 (рис. 4 и 5).

Четвертый этап - монтирование живописи на единое основание для подготовки к экспонированию в музее. В процессе совместной работы с французскими реставраторами, которая началась в 2008 году, было решено разработать новый метод для монтажа среднеазиатских росписей, используя панели из ячеистого алюминия, покрытого двумя слоями стекловолокна на эпоксидной смоле с обеих сторон. Данная основа широко используется для монтажа фресок и мозаики в Европе, начиная с 70-х годов прошлого столетия. В настоящее время данным методом смонтированы на едином основании отдельные фрагменты и целые сюжетные композиции исламской живописи из Афрасиаба, а также перемонтировано около 100 кв.м росписей "Зала послов" правителя Вархумана (Реутова, Фрай, 2012. С. 60-70; Реутова, Фрай, 2016. С. 159-164). Эта реставрационная основа имеет ряд значительных преимуществ: прочная структура, небольшой вес, не подлежат воздействию температурно-влажностного режима и т.д. Кроме того, панели легко составляются между собой для получения нужного размера щитов, а подвесная система легко устанавливается с тыльной стороны. Группа фрагментов монтируется на щиты, что позволяет в целом реконструировать композицию. Алюминиевые панно могут быть легко моделированы посредством резки и последующего составления. Нарезанные части должны быть смонтированы посредством стыковки между собой, чтобы получить необходимый, заданный размер для монтажа фрагментов. Высокая прочность монтажа достигается за счет поперечного углового среза, при этом слой стекловолокна с одной стороны оставляется после резки на срезе каждого панно. При соединении двух панно в форме углового паза слой стекловолокна с каждой стороны заходит внахлест для обеспечения прочной стыковки. Фиксирование панно между собой, выполняется с помощью эпоксидной смолы, но следует отметить, что при соединении панелей больших размеров, необходимо дополнительно наложить полосу стекловолокна на эпоксидной смоле для усиления соединения. Перед монтажом фрагментов на алюминиевую основу, система для экспозиционной подвески панно крепится с тыльной стороны посредством болтов и гаек, которые фиксируются на толще алюминиевой основы эпоксидной смолой (рис. 6).

После подготовки реставрационной основы, фрагменты живописи раскладываются на щите в соответствии с сюжетной композицией, края состыкованных фрагментов плотно подгоняются друг к другу и обводятся фломастером. Затем на внутреннюю поверхность плоскости, обведенной контурной линией мы наносим мастику, состоящую из 35%-ного ацетонового раствора акрилата и черного песка. Каждый из фрагментов на этой массе приклеивался к щиту. На места стыковки и краях фрагментов положили груз для лучшего приклеивания краев. Швы между фрагментами мастиковались доделочной массой из 20%-ного ПБМА в ацетоне и обессоленного просеянного лесса. Пространство между внешними краями фрагментов заполнялось доделочной массой из обессоленного лесса и 15%-ного раствора ПБМА в ацетоне. Оставшееся на щите свободное пространство сначала просверливалось с использованием дрели для получения хорошей адгезии между мастикой и алюминиевыми панелями. Затем покрывалось реставрационной смесью: лесс: мел – 1:3; нейлоновое волокно; 50%-ный водный раствор акрила АС-33.

При обработке больших фрагментов, утраты между кусками заполняются мастикой, включающей в себя мел, лесс замешанный на акриловой эмульсии Acril 33, разбавленной до 50% водой. Нейлоновые волокна добавляются в мастику во избежание растрескивания во время сушки. Данная мастика на водной эмульсии используется ввиду ее преимущества, позволяющего осуществлять обработку большой поверхности без специальных условий. Уровень декоративной мастики на 2 мм ниже уровня фрагмента для улучшения читаемости разницы между оригинальной поверхностью настенных росписей и декоративной мастикой. Тот же тип мастики применяется при обработке боковых краев панели. Таким образом, живопись северной и восточной стен святилища Фаязтепа была смонтирована на три демонстрационных щита общим размером 5,43×1,8 м и подготовлена к музеефикации (рис. 7).

Использованная литература:

- Абдуразаков А. А., Камбаров М. К. Реставрация настенных росписей Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.
- Альбаум Л. И. Живопись святилища Фаязтепа // Культура Среднего Востока (с древнейших времен до наших дней). Изобразительное и прикладное искусство / Отв. ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1990.
- Богомолов Г. И. Буддизм в Узбекистане // Буддизм. Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. III / Отв. ред. Б. Аманбаева, Ф. Асадов, Ш. Р. Пидаев. Самарканд: МИЦАИ, 2019.
- Винокурова М. П. Создание в ГЭ метода реставрации монументальной живописи из археологических раскопок // Реставрационный сборник к 100-летию со дня рождения П. И. Кострова / Отв. ред. А. М. Бляхер, М. П. Винокурова, К. Ф. Самосюк, Г. Л. Семенов. С.-Пб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2008.
- Вохидова Н. Р., Кудышкин В. О., Югай С. М., Абдуразаков А. А., Рашидова С. Ш. О применении полибутилметакрилата в реставрационной практике // *Kimyo va kimyo texnologiyasi*. 2007. № 4.
- Вохидова Н. Р. Синтез гомо- и диблок сополимеров бутилметакрилата в присутствии ингибирующих агентов. Дисс... канд. хим. наук. Ташкент, 2008.
- Вохидова Н. Р., Ахмедшаев А. Ш., Абдуразаков А., Кудышкин В. О., Рашидова С. Ш. Применение полибутилметакрилата в реставрации останков архидискодона // IV Международная научная конференция: Современные тенденции развития

- химии и технологии полимерных материалов. С.-Пб.: ФГБОУВО "СПбГУПТД", 2018.
- Вохидова Н. Р., Реутова М. А., Юнусов И. Ю., Абдуразаков А. А., Кудышкин В. О., Рашидова С. Ш. Сохранение уникальных материалов из памятника Мунчактепа // Сборник материалов Международной конференции: Перспективы интенсивного подхода к инновационному развитию. Наманган, 2018.
- Жервэ М. Б. Реставрационные работы на городище Древний Пенджикент в 2017 г. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции / Отчет о полевых работах в 2017 г. Вып. XXII / Отв. ред. П. Б. Лурье, Н. В. Семенова. С.-Пб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2018.
- Камбаров М. К. Исследование и разработка оптимальных условий закрепления настенных росписей Афрасиаба полимерами. Дисс... канд. хим. наук. Ташкент, 1975.
- Костров П. И. Техника живописи и консервация росписей древнего Пенджикента // Живопись древнего Пенджикента / Отв. ред. А. Ю. Якубовский, М. М. Дьяконов. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Кудышкин В. О., Вохидова Н. Р., Рашидова С. Ш. Синтез полибутилметакрилата и его применение для реставрации археологических объектов // Пластические массы. М., 2017. № 6.
- Мкртычев Т. Буддийское искусство в Средней Азии (I-X вв.). М.: ИКЦ "Академкнига", 2002.
- Реутова М. А., Фрай Ж. О современных методах в реставрации фрагментов настенной живописи эпохи караханидов. Монтаж на основу из ячеистого алюминия // Археология Узбекистана. 2012. №2 (5).
- Реутова М. А., Фрай Ж. Реставрация росписей из парадного зала дворца Вархумана на Афрасиабе // История и археология Турана. Вып. 2 / Отв. ред. А. Э. Бердимуратов. Самарканд, 2016.
- Рафиков С. Р. Вискозиметр для определения вязкости растворов высокомолекулярных соединений // Высокомолекулярные соединения. 1959. Сер. А. № 10 (1).
- Рабек Я. Экспериментальные методы в химии полимеров. М.: Мир, 1983. Ч. 1.
- Antonini C. S. Da Alessandro Magno all Islam. Roma, 2003.
- Fray G., Reutova M. La peinture des Ambassadeurs (VII s.) a Samarkand: une nouvelle presentation museographique. L utilisation du cyclododecane pour la depose de peintures murales // Pictor 6 - Collection de Association française pour la peinture murale antique. Paris, 2017. № 6.
- Kudyshkin O. V., Vokhidova N. P., Sidorenko O. E., Rashidova S. Sh. and other. Use of Allylbenzene and Allyl Phenyl Ether as Chain-Transfer Agents in Radical Polymerization // Russian Journal of Applied Chemistry. 2004. Vol. 77, No. 6.
- Wang W., Zhao L. The Exploring and Practice of Conservation of Mural Paintings in the Museum the Case of the Conservation of Mural Paintings Collectid in the Gansu Museum from Niantishan Grottoes Wuwei // Collectid Papers of International Conference on the Study of Chinese ancient Mural Painting Preservation Conservation from a Global Perspective. Chian. 2

УДК: 902.

**ШОДМАЛИК-ОТА –
ПАМЯТНИК ЭПОХИ КАРАХАНИДОВ В ИЛАКЕ**
© 2021. Саида Ильясова

Национальный центр археологии АН РУз

Калит сўзлар: Илок, Шодмалик-ота, макбара, шаҳар, Қорахонийлар, архитектура, бадий металл
Шоабдумалик-ота (Шодмалик-ота) мазори Тошкентдан Охангарон йўли бўйлаб 40 км масофада жойлашган. 2018 йилда муаллиф раҳбарлигида мазордан жануби-шарқий томонда жойлашган ва кўп йиллар давомида қишлоқ хўжалик ишлари олиб борилган ҳудудда қутқарув қазими ишлари бошланди. Ушбу ҳудудни визуал текшириш жараёнида сирланган ва сирланмаган сопол парчалари, шиша идишлар ва тошдан ясалган буюмлар топилди. Қидирув ишлари давомида Сомоний ва Қорахоний сулолаларига оид тангалар, Амир Темур тангаси, кумуш узук, кумуш ва бронзадан ишланган камар безаклари, бронза қошиқ ва вилоклар, тақинчоқлар ҳам топилди. Шаҳристоннинг бир неча жойида қазими ишлари олиб борилди. Асосий ишлар Р-4 да амалга оширилиб, у ерда уй-жой меъморчилиги аниқланди. Шартли равишда бир неча функционал блоklarга бўлинган 14 та хона қазиб ўрғанилди. Бу ердаги топилмалардан девор ёнига ўрнатилган, диаметри 70 см ва чуқурлиги 10-12 см бўлган япалоқ сопол идиш шаклида ишланган «муқаддас ўчоқ»ни, шунингдек, бир қатор қилиб терилган бешта ўчоқдан иборат қурилмани қайд этамиз. Ушбу қурилма бир вақтнинг ўзида кўп одамлар гуруҳи эҳтиёжлари учун фойдаланишга мўлжалланган. Яъни, ўрғанилган бино меҳмонхона вазифасини бажарганини тахмин қилиш мумкин. Топилган сополлар бинонинг XI аср биринчи ярмига оидлигини тасдиқлайди.

Ключевые слова: Илак, Шодмалик-ота, мавзолей, городище, Караханиды, архитектура, художественный металл.

Мазар Шоабдумалик-ота (Шодмалик-ота) расположен примерно в 40 км от Ташкента по Ахангаранскому шоссе. В 2018 г. под руководством автора были начаты спасательные работы на территории, расположенной к юго-юго-востоку от мазара, где много лет велись сельскохозяйственные работы. При визуальном обследовании этой территории были найдены фрагменты глазурованной и неглазурованной керамики, стеклянных сосудов, каменные орудия. В дальнейшем, при поисковых работах, найдены саманидские и караханидские монеты, монета Амира Темура, серебряное кольцо, серебряная и бронзовые поясные накладки, бронзовые ложки и вилки, украшения. На городище заложено несколько раскопов. Основные работы велись на Р-4, где была выявлена жилищная архитектура. Раскопано 14 помещений, которые условно разделены на несколько функциональных блоков. Здесь отметим так называемый пристенный очаг-алтарь в виде керамического плоскдонного резервуара диаметром 70 см и глубиной 10-12 см, а также очажное устройство, состоящее из идущих в ряд пяти очагов, предназначенных для одновременного использования большой группы людей. Это позволяет предположить, что изученное здание могло иметь функцию гостиницы. Найденные керамические находки подтверждают датировку комплекса первой половиной XI в.

SHODMALIK-OTA – ARCHAEOLOGICAL SITE OF THE QARAKHANID PERIOD IN ILAQ

Saida Ilyasova

NCA of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Key words: Ilak, Shodmalik-ota, mausoleum, settlement, Karakhanids, architecture, art metal.

The Mazar of Shoabdumalik-ota (Shodmalik-ota) is located about 40 km from Tashkent along the Akhangaran highway. In 2018, under the direction of the author, rescue operations have been started on the territory located to the south-southeast from the mazar, which was exposed to agricultural works for many years. During a visual examination of this territory we detected fragments of glazed and unglazed ceramics, glass vessels and stone tools. Subsequent research revealed Samanid and Qarakhanid coins, a coin of Amir Temur, a silver ring, silver and bronze belt plaques, bronze spoons and forks, jewelry. Several excavations were laid into the site. Work was mainly conducted at R-4, where we have identified residential architecture. Overall 14 rooms were excavated and conditionally subdivided into multiple functional blocks. Noteworthy is the so-called wall hearth-altar in the form of a flat-bottomed ceramic reservoir, 70 cm in diameter and 10-12 cm deep, and a hearth-installation consisting of five hearths in a row, intended for simultaneous use for a large group of people. Based on these finds we can assume that the building in consideration could have functioned as a guest house. The unearthed ceramic finds confirm the dating of the complex to the first half of the 11th century.

К числу крупных историко-культурных регионов бассейна Средней Сырдарьи относится Ташкентский оазис, включавший в средневековую эпоху два владения – Шаш и Илак. Несмотря на многолетние исследования, многие вопросы, касающиеся истории формирования городской культуры Илака остаются открытыми (Буряков, 1982. С. 6). В последние годы работы здесь велись Ахангаранским отрядом Института археологии АН РУз (**в настоящее время – Национальный центр археологии АН РУз**) совместно с представителями Института истории АН РУз. Отряд продолжил работы по составлению свода археологических памятников Ташкентской области.

Было выявлено несколько десятков новых, ранее не фиксировавшихся памятников археологии. Кроме того, проводились исследования некоторых из уже известных объектов, давшие интересные результаты (Ильясова и др., 2018. С. 61-64).

Помимо известных крупных городов Илака – Тункета, Аблыка, Намудлыка – имеются и более мелкие города и поселения. Одним из примеров этого является городище, расположенное к югу от мемориального комплекса Шоабдумалик-ота.

Мазар Шоабдумалик-ота (варианты названия: Шоабдумалик-бобо, Шодмалик-ота) расположен примерно в 40 км от Ташкента по Ахангаранскому шоссе, в правобережье долины р. Ахангаран (рис. 1).

История изучения этого памятника начинается с 1895 г., когда его посетили члены ТКЛА Н. Г. Маллицкий и М. С. Андреев (Протокол, 1896. С. 19). В 1934 г. он был обследован М. Е. Массоном (Массон, 1953. С. 54-56). В 1938 г. раскопки мазара осуществлены экспедицией Узкомстариса в составе В. А. Шишкина, Т. Миргиязова и А. Кахарова (Шишкин, 1940. С. 56). Ю. Ф. Буряковым, М. Р. Касымовым и О. М. Ростовцевым отдельно выделены мавзолей Шодмалик и поселение, которое названо Безымьянным (Буряков и др., 1973. С. 88, № 613, 614).

В настоящее время городище представляет собой всхолмления, сконцентрированные вокруг мавзолея, к юго-востоку от него и к югу от оврага, часть которого была засыпана при строительстве дороги, ведущей в близлежащий кишлак. Общая площадь городища, вероятно, достигала площади около 15 га. Однако точные его размеры в настоящее время определить без широких исследований затруднительно.

В 2018 г. по инициативе и при финансовой поддержке Ташкентского отделения Международного благотворительного фонда «Олтин мерос» Ахангаранским отрядом под руководством автора были начаты спасательные работы на территории, расположенной к юго-юго-востоку от мазара Шодмалик-ота (координаты N 40°59'736" и E 69°31'892"), где много лет несанкционированно велась распашка и посев сельскохозяйственных культур (рис. 1).

Визуальное обследование этой территории в 2018 г. выявило наличие средневековых материалов. Найдены фрагменты глазурованной и неглазурованной керамики, стеклянных сосудов, каменные орудия. Помимо этого был найден небольшой фрагмент глиняной штукатурки со следами трехцветной росписи на ганчевой основе, что может указывать на наличие архитектурных объектов, возможно, парадного характера. В дальнейшем, при поисковых работах, найдены саманидские и караханидские монеты, монета Амира Темура, серебряное кольцо, серебряная и бронзовые поясные накладки, бронзовые ложки и вилки, украшения (Ильясова, 2019. С. 20-23) (рис. 3-5).

На части памятника, лежащей к югу от оврага/дороги было заложено несколько шурфов и раскопов. Основные работы велись на Р-4 (рис. 2), где была выявлена жи-

Рис. 1. Шодмаликота. Съемка Google 2018 г. с обозначением раскопов

лая архитектура Караханидского периода (Ильясова, Вульферт, 2020. С. 111-128). Было вскрыто 14 помещений, которые мы условно делим на несколько функциональных блоков:

1. Центральный, с так называемым очагом-алтарем (пом. 2 и 3).
2. Хозяйственно-кухонный (пом. 8).
3. Санитарно-гигиенический (пом. 6 и 11).

Остальные помещения, вероятнее всего, носили жилой характер.

Стены сложены различными способами. Основным приемом является выкладка из двух рядов кладки сырцового кирпича, пространство между которыми заполняется глиной и грунтом, перемешанным с обломками сырца. Используется также комбинированная кладка – чередование слоев пахсы и рядов из сырцового кирпича. Местами используются и жженые кирпичи. Размеры сырца: 40×18-20×8-10 см;

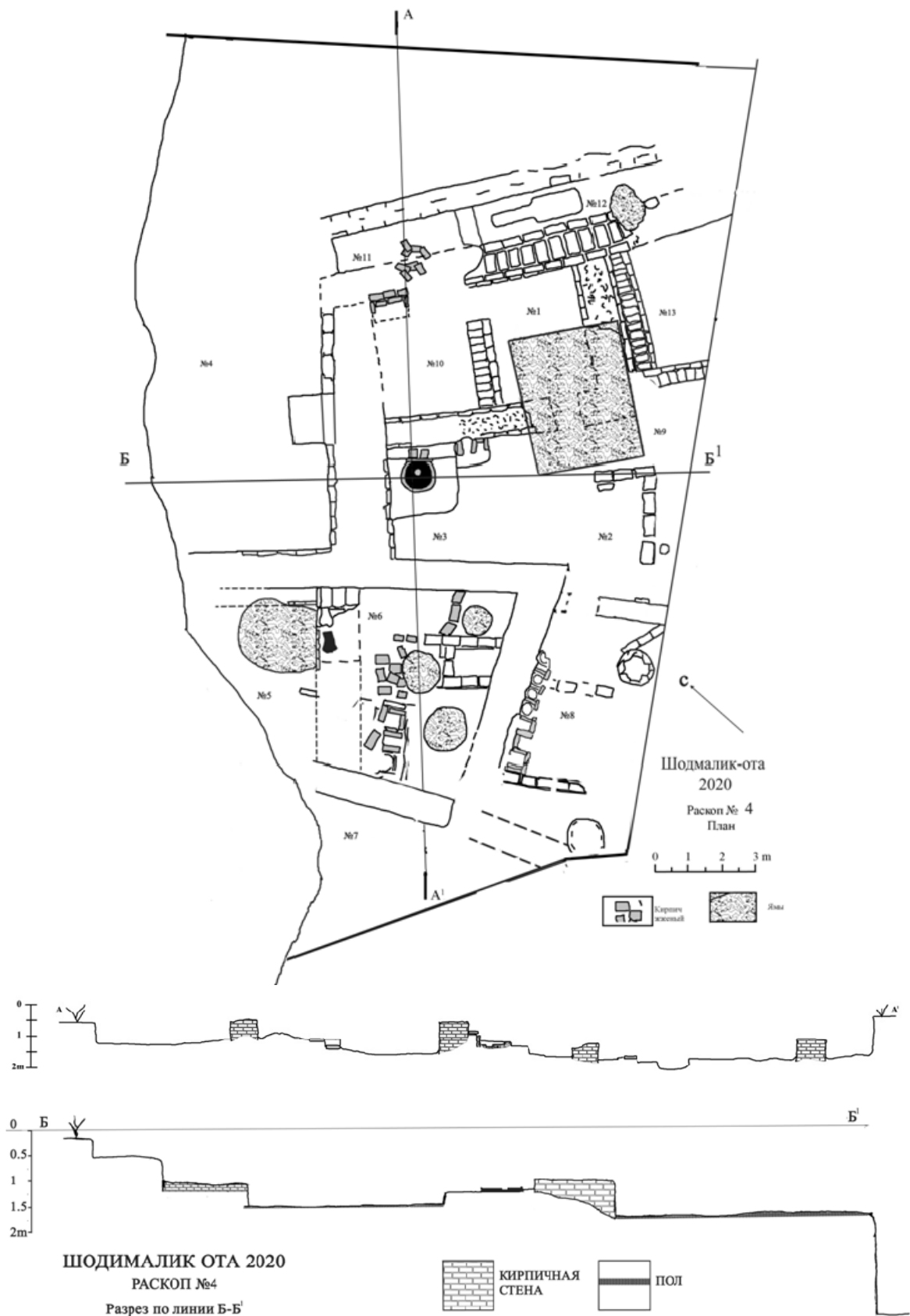

Рис. 2. Шодмаликота. Р-4. План и разрезы А – А, Б – Б

Рис. 3. Бронзовые ложки и вилки

Рис. 4. Наконечники ремней и поясные накладки. Бронза

Рис. 5. Поясная накладка и перстень. Серебро, чернение

25×20×7 см; 30×20×7 см; жженого кирпича: 23×23×3 см; 23×12×3 см; 36×18×5,5 см; 38×18×6-8 см. Толщина стен 80-85 см.

«Очаг-алтарь». Как в литературе принято называть такого рода устройства, расчищенный в пом. 3, представляет собой керамический плоскодонный резервуар диаметром 70 см, глубиной 10-12 см и шириной борта 15 см. Дно с отверстием, диаметром 10-12 см, несколько смещен от центра. Резервуар примыкает к стене, покрытой прокаленной штукатуркой (сохранившаяся высота около 30 см), которая украшена декором в виде кружочков и двух рельефных наклепов с отверстием в каждом (Ильясова, Вульферт, 2020. С. 111-113, рис. 3-5; Ильясова, 2020. С. 134-136).

Интересно очажное устройство в пом. 8, которое представляет собой выстроенный в широтном направлении ряд из пяти небольших очагов и двух «кармашков» (Ильясова, Вульферт, 2020. С. 123). В их оформлении использованы сырцовые и жженные кирпичи. Данная конструкция была предназначена для обслуживания большой группы людей – на очагах можно было одновременно размещать несколько котлов или сосудов для воды. На расстоянии 2,30 м от этого очажного устройства расчищен крупный округлый очаг размером 60×90×20-30 см. Толщина стенок очага – 10-15 см, у устья – обломок жженого кирпича, поставленного на ребро, его размеры 15×14×5,5 см.

В помещениях были расчищены выстроенные из кирпича-сырца отсеки. Они найдены в пом. 1, 4, 5 и 6 (два резервуара). Нам представляется, что в пом. 4 это были ясли, а в остальных они использовались как ящики-хранилища.

В пом. 6 несколько ям, обложенных жжеными кирпичами, могли служить в качестве ташнау (сливных ям).

Материалы из раскопок на городище Шодмалик-ота имеют ряд аналогий из средневековых памятников Средней Азии и Южного Казахстана.

Обкладка стен плашмя сырцовыми кирпичами размерами 36×20×4,5-5 см характерна для жилых построек X-XI вв., раскопанных на городище Канка [5, с. 138]. Также как и толщина стен в пределах 80-85 см. На городище Канка отмечен также аналогичный прием возведения стен: внешние края стен оформлялись кладками из сырца, шириной в полкирпича, пространство между которыми было заполнено грунтом и строительным мусором, этот прием широко применялся в средневековье (Грицина, 2016. С. 140).

Подобные нашим, ящики-резервуары из сырцового кирпича, найдены на городище Пайкенд (Раскопки в Пайкенде, 2001. С. 41; 13, рис. 43). Функциональное назначение этих сооружений пока вызывает вопросы. При раскопках караван-сарая в Пайкенде отмечены ясли в боковых помещениях, которые были определены как конюшни (Мирзаахмедов и др., 2006. С. 154, рис. 2). Прямоугольные закрома, сложенные из качественного сырцового кирпича желтого цвета размером 20×40×10 см, положенного плашмя, найдены на городище Актобе в Южном Казахстане (Алдабергенов, 1986. С. 44).

Очажные устройства, подобные вскрытым нами в пом. 8, раскопаны на городище Канка (Древняя и средневековая культура Чача, 1979. С. 89, 92, рис. 28) и на городище Эски Акси (Наманганская область) (Анарбаев, 2013. С. 168).

Ташнау, выложенные из жженого кирпича, также известны в помещениях, по своим функциям отнесенных к бане (Грицина, 2016. С. 141).

На Р-4 найдено несколько крупных плит из белого сланца. По материалам Актобе Н. Н. Алдабергенов высказывает мнение о том, что плоские трапециевидные камни, вероятно, использовались как база под деревянные колонны, поддерживавшие кровлю (Алдабергенов, 1986. С. 41). Мы не исключаем такое назначение плит. Но, вероятнее всего, в нашем случае они использовались при сооружении стоков для воды.

Мы уже публиковали наши наблюдения относительно очагов-алтарей (Ильясова, 2020. С. 134-136). Здесь можем лишь повторить, что их использование было характерно для всего региона Средней Сырдарьи, что еще раз подчеркивает общность историко-культурного наследия этих территорий, сформировавшуюся в глубокой древности.

Таким образом, раскопки на Р-4 выявили новые элементы жилья караханидского времени, которые могут отнести данный комплекс помещений к жилой архитектуре, не исключая возможность связать его с функцией гостиницы. Найденные керамические находки подтверждают датировку комплекса первой половиной XI в.

Размеры городища, общий характер находок на нем, а именно, высокое качество глазурованной и неглазурованной керамики, наличие качественных изделий из серебра и бронзы, находка штукатурки со следами росписей, позволяют нам предположить, что здесь, видимо, располагалось не рядовое сельское поселение, а один из небольших городов Илака, стоявший на пути из Ташкента в Фергану.

Использованная литература:

- Алдабергенов Н. Н. Раскопки шахристана на городище Актобе // Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986.
- Анарбаев А. А. Ахсикет – столица Древней Ферганы. Ташкент, 2013.
- Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
- Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973.
- Грицина А. А. Археологические исследования на городище Канка // История материальной культуры Узбекистана. № 39. Самарканд, 2016.
- Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979.
- Ильясова С. Р. Металлические предметы из Шодмалик-ота // Моддий-манъавий мерос ва умумбашарий кадриятлар. 11-китоб. Ташкент, 2019.
- Ильясова С. Р., Максудов Ф. А., Вульферт Э. Ф., Нормурадов Д. Р. Рекогносцировочные работы в Ташкентской области в 2016 году // Археологические исследования в Узбекистане – 2015-2017 года. Выпуск 11. Самарканд, 2018.
- Ильясова С. Р., Вульферт Э. Ф. Исследования на памятнике Шодмалик-ота в 2018-2019 гг. (Ахангаранский район, Ташкентская область). Археологические исследования в Узбекистане – 2018-2019 года. Вып. 12. Самарканд, 2020.
- Ильясова С. Р. Очаги-алтари с городища Шодмалик-ота // Узбекистан и Центральная Азия в системе мировой цивилизации. Материалы международной научной онлайн конференции, посвященной 50-летию Самаркандского института археологии Национального центра археологии АН РУз и 85-летию академика А. Аскарлова. Самарканд, 2020.
- Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
- Мирзаахмедов Д. К., Семенов Г. Л., Абдуллаев Б., Сапаров Н., Сабиров Н., Торгоев А. Исследования в Пайкенде // Археологические исследования в Узбекистане. 2004-2005 годы. Вып 5. Ташкент: Фан, 2006.
- Протокол заседания ТКЛА от 1 апреля 1896. В зале Генерал-Губернаторского дома // ПТКЛА. Год (1895-1896). Ташкент, 1896.
- Раскопки в Пайкенде в 2000 году. МБАЭ, вып. II, С.-Пб., 2001.
- Шишкин В. А. Мазар Ша-Абдумалик // Известия Узбекстанского филиала Академии наук СССР. Ташкент, 1940.

ХАЛҚАРО ҲАМКОРЛИК

МЕЖДУНАРОДНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО

INTERNATIONAL
COLLABORATION

УДК: 902.01 (902.6)

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ НАХОДКИ КУШАНСКИХ МОНЕТ В СОГДЕ

© 2021. Анвар Атаходжаев, Александр Наймарк

Самаркандский институт археологии НЦА АН РУз
Университет Хофстра, Нью-Йорк

Калит сўзлар: Кушон империяси, тангалар, Суғд, Куджула Кадфиз, Вима Такто, Сотер Мегас, Вима Кадфиз, Канишка, Герай, Евкратидга таклид.

Суғд ҳудудидаги Кушон танга топилмалари — муҳим қимматли моддий манба бўлиб, Суғд ҳукмдорликларининг Кушон подшолиги билан алоқалари ҳақидаги масалаларга ойдинлик киритади. Ушбу мақолада келтирилган 20 та танга намуналари шу вақтгача илмий адабиётларда эълон қилинган 15 та тангаларга қўшимча қилинмоқда. Суғд ҳудудида ҳаммаси бўлиб 4 та – Кудзула Кадфиз, 12 та – Сотер Мегас, 4 та – Вима Кадфиз, 11 та – Канишка I, 1 та – Хувишка I, 2 та – Васудева I ва 1 та – Канишка II га тегишли тангалар қайд этилган.

35 та тангадан 4 таси Кудзула Кадфизга тегишли. Кушон мис маъдани Тўхаристон ҳудуди орқали Суғдга олиб борилганига қарамай, Тўхаристон ҳудудида ушбу ҳукмдор томонидан зарб қилинган тангалар деярли учрамайди (Кушон подшолигининг бошқа ҳукмдорлари томонидан зарб қилинган тангалар ушбу ҳудудда юзлаб қайд қилингани ҳолда, бу ҳукмдорга тегишли тангалар атиги 2 дона учрайди). Мис тангалар Суғдга жануб орқали кириб келишига қарамай, Тўхаристон ҳудудида ушбу ҳукмдор тангалари деярли муомалада бўлмаган ва сақланмаган бўлиши мумкин. Фикримизча, бундай галати ҳодисанинг кузатилишига сабаб, Сотер Мегаснинг ислохотларига чарбий ҳудудларда Гелиокл тангаларига тақлидан, шимоли-шарқда эса Евкратид тангаларига тақлидан чиқарилган тангалар муомалада бўлиб, бундай тангалар Кудзула Кадфиз даврида Герай тангалари ўрнини эгаллади. Бошқача айтганда, Кудзула Кадфиз даврида Тўхаристон пул муомаласида Ҳиндикуш тоғларининг жануби, ушбу ҳукмдор томонидан зарб қилинган тангаларга шунчаки эҳтиёж бўлмаган.

Таъкидлаш керакки, Кудзула Кадфиз мис тангалари Суғд пул муомаласида катта ўрин тутмаган. Милодий I-II асрларда Суғд ҳудудида 5 тадан 9 тагача мустақил ҳокимликлар бўлиб, уларнинг ҳар бири деярли бир қийматдаги кумуш тангаларни зарб қилдирган. Шундай экан, Кушон тангалари нима сабабдан Суғд ҳудудига келиб қолган? Айтиши мумкинки, Суғд ҳудудига Кушон тангалари пул муомаласи мақсадида кириб келган деб бўлмайди: бундай тангаларнинг 20% ида тикиши ва илдириб қўйиши учун тешикчалар кузатилса, тангаларнинг ярми Панжикентдаги ибодатхонада яроқсиз ҳолга келган буюмлар ташланган VII асрнинг 2-ярмига оид чиқиндиҳонадан топилган. Яъни, ибодатхонага II асрда келиб қолган буюмлар – V аср давомида сақланиб келган.

Биз томондан келтириб ўтилган топилмалар яна бир муҳим ҳолатни – Канишка II бошқарувининг 2-ярмида Суғд ҳудудига кушон тангалари кириб келишининг кескин қисқариб кетганлигини кўрсатди. Фикримизча, бу кушонлар томонидан Амударё орқали ўтган чезара, шунингдек, Суғддан Тўхаристонга олиб борувчи тоғ дараларининг тўсиб қўйилишига сабаб бўлган ҳарбий мождаро билан боғлиқ бўлса керак.

Ключевые слова: Кушанская империя, монеты, Согд, Куджула Кадфиз, Вима Такто, Сотер Мегас, Вима Кадфиз, Канишка, Герай, подражания Евкратиды.

Находки кушанских монет на территории Согда – чрезвычайно ценный документальный материал, который позволяет прояснить важный вопрос об отношениях Согдийских княжеств и Кушанской империи. К данным о 17 находках сохранившихся в научной литературе, настоящая статья добавляет ещё 29 ранее не публиковавшихся экземпляров. Всего на коренных землях Согда зарегистрированы 46 монеты. Отдельные находки: 4 монеты Куджулы Кадфиза, 16 - Сотера Мегаса, 4 - Вимы Кадфиза, 11 - Канишки I, 1 - Хувишки I, 4 - Васудевы I и 3 - Канишки II. Маленький клад с берега Агальк-сая к западу от Самарканда: по одной монете Вимы Кадфиза, Канишки I, Хувишки I. Странно, что в этой небольшой случайной выборке из 43 отдельных находок оказались четыре монеты Куджулы Кадфиза: кушанская медь поступала в Согд через территорию Тохаристана, где находки монет этого правителя практически отсутствуют (известны только два экземпляра, тогда как монеты следующих четырех

кушанских царей известны многими сотнями). Получается, что поток меди, шедший с юга во времена Куджулы Кадфиза, достигал территории Согда, но в Тохаристане монеты этого царя не обращались и не задерживались. Нам представляется, что причиной такого странного феномена могли быть условия денежного обращения в Тохаристане, где во времена Куджулы Кадфиза намечаются две зоны: в западных районах вплоть до реформы Сотер Мегаса чеканились подражания Гелиоклу, а в северо-восточных обращались подражания Евкратиду, которые уже в правление Куджулы Кадфиза сменили монеты Герая. Другими словами, тохаристанское денежное обращение эпохи Куджулы Кадфиза попросту не нуждалось в монетах, которые этот царь выпускал к югу от Гиндукуша. Впрочем, медь Куджулы Кадфиза была чужда и согдийскому денежному обращению: в разные десятилетия I-II веков н.э. в Согде функционировало от 5 до 9 самостоятельных дворов, каждый из которых чеканил свою собственное серебро, иногда более чем в одном номинале. Что же тогда кушанские монеты делают на согдийских территориях? Скорее всего, поступающие в Согд кушанские монеты не участвовали в местном денежном обращении. Так, около 23% публикуемых в этой статье экземпляров имеют дырки для подвешивания и нашивания. Кроме того, половина из Пенджикентских находок происходит из свалки, куда во второй половине VII века выбрасывали пришедшее в негодность храмовое имущество. Другими словами, попавшие в храм во II веке н.э. в силу своей «экзотичности», они хранились там добрых полтысячелетия. Состав учтённых нами находок обнаружил ещё один важный факт – резкое сокращение поступления кушанских монет на территорию Согда во второй половине правления Канишки I. Нам представляется, что это было следствием военного конфликта, в результате которого Кушаны перекрыли проходы в горах, ведущие из Согда в Тохаристан.

UNPUBLISHED FINDS OF KUSHAN COINS ON THE TERRITORY OF SOGDIANA

Anvar Atakhodzhaev, Aleksandr Naimark

NCA of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Samarkand Archaeology Institute, Hofstra University, New York

Key words: Kushan Empire, coins, Soghd, Kujula Kadphises, Vima Takto, Soter Megas, Vima Kadphises, Kanishka, Heraios, Eukratides imitations

Finds of Kushan coins in Soghd constitute an important documentary material that allows one to clarify an important question about the relations between Sogdian principalities and the Kushan Empire. This article adds information about 29 previously unpublished finds to those 17 coins that were recorded in scholarly literature earlier. Altogether 43 separate finds of Kushan coins were registered in the core lands of Soghd: Kujula Kadphises - 4, Soter Megas - 16, Vima Kadphises - 4, Kanishka I - 11, Huvishka - 1, Vasudeva I - 4, and Kanishka II - 3. There is also a hoard of three coins: Vima Kadphises, Kanishka I, and Huvishka. The fact that this random sample of 43 stray finds contains 4 coins of Kujula Kadphises calls for special attention: Kushan copper reached Soghd through the territory of Tokharistan, where the coins of this ruler were practically absent (only two were recorded up to date, while there are hundreds of specimens registered for each of the four Kushan Kings to follow). It appears that the flow of Kujula coppers reached Sogdian territories without leaving almost any traces in Tokharistan. We think that this strange phenomenon reflects particularities of local monetary circulation that clearly falls into two zones: Heliocles imitations were minted in the western regions of Tokharistan up to the reforms of Soter Megas, while Eukratides imitations circulated in the north-eastern zone of the country until sometime during the reign of Kujula Kadphises they were replaced by Heraios coins. In other words, Tokharistanian monetary circulation of Kujula's epoch simply had no need in the copper struck on the mints South of Hindukush. With this said, one should remember that Kujula's copper was likewise alien to Sogdian monetary circulation: there were 5 to 9 separate mints on the territory of Soghd at different times during the I-II centuries C.E.; each of them minting silver coins, some in multiple denominations. What were Kushan coins doing on Sogdian territories? Most likely, they never entered Sogdian monetary circulation. First of all, about 23% of our finds are pierced. Furthermore, exactly half of Panjikant finds comes from the dump in Temple I, where the priests disposed worn out votives in the second half of the 7th century CE. In other words, bequeathed to the temple in the 2nd century CE, these coins were kept on the premises for half a millennium before being disposed. The composition of the recorded finds revealed another important fact – the sharp reduction in the numbers of the Kushan coins coming to Soghd from the second half or immediately after the reign of Kanishka I. We think that this was the result of a military conflict in the aftermath of which Kushans blocked passages in the mountains leading from Soghd to Tokharistan.

Несколько вводных слов

Достаточно редкие находки кушанских монет в Согде – чрезвычайно ценный документальный материал, который позволяет в известной мере прояснить важный вопрос об отношениях Согдийских княжеств и Кушанской империи.

Первые достоверные сведения о находках кушанских монет в Согде опубликовал М. Е. Массон (Массон, 1928. С. 285-286, прим. 8, находка 2). В дальнейшем сведе-

ния о находках кушанских монет появлялись в статьях и монографиях разных исследователей и к настоящему моменту обнародованы данные о 15 экземплярах происходящих с собственно согдийских территорий (Массон, 1950. С. 33; Массон, 1968; Массон, 1975. С. 44; Давидович, 1956. С. 163; Смирнова, 1958. С. 218, № 1, Таб. I, 1; Смирнова, 1959. С. 154, илл. 1; Смирнова, 1963. С. 36, 59-60, № 21, илл. 8, Таб. III, 21; С. 60, № 22, илл. 9, Таб. III, 22; Ерназарова, Кочнев, Ртвеладзе, Федоров, 1978. С. 65; Ртвеладзе, 1988. С. 40; Ртвеладзе, Сагдуллаев, 1986. С. 42; Зеймаль, 1983. С. 171, № 7; С. 202, №68, 69; С. 213, № 31; Баратова, 2001. С. 132, №№ 1 и 2; Баратова, 2000. С. 132, Кушанские монеты, №. 1, Таб. I, №№ 4-5; Баратова, 2010. С. 56; Наймарк, 2005. С. 119; Бердимуратов, Мусакаева, 2011. С. 47-51; Омельченко, 2011. С. 54, сноска 27). Другими словами, у нас всё ещё крайне мало достоверной информации такого рода и нам представляется, что ещё два десятка монет из новых находок, публикуемых в настоящей статье, окажутся заметным дополнением к существующей базе данных.

Все определения даны по подготовленному Джо Криббом и Робертом Брэйси к печати каталога кушанских монет Британского музея (Gracey&Cribb, 2021, в печати). Авторы данной статьи выражают им свою благодарность, за использование ещё не опубликованного текста, и за всевозможные консультации и уточнения.

Авторы также весьма обязаны О. Н. Иневаткиной, хранителю монет Среднеазиатской археологической экспедиции Государственного музея искусств народов Востока, за фотографию монеты Сотера Мегаса из Пайкенда.

Также хочется поблагодарить частных коллекционеров, которые разрешили нам использовать их материалы: Алексея Яковлева (Москва), Алексея Нуруллаева (пос. Жондор, Бухарская область) и всем тем, кто великодушно поделился своими материалами, но не пожелали быть названными. Особую благодарность мы хотим выразить организатором дата базы Zeno.ru за их бескорыстный труд на благо нумизматической науки.

Реестр находок

Куджула Кадфиз (ок. 50-90 СЕ)

1. Медная монета Куджулы Кадфиза (рис. 1).

Л.с.: Оплечный портрет правителя в профиль вправо. Слева за головой сохранилась часть греческой легенды.

О.с.: видна нижняя часть фигуры Геркулеса: обе ноги, палица справа и львиная шкура слева. Слева от фигуры – следы акшар кхароштхи.

Вес - 10.76 г.; Диаметр– 21x22 мм; Оси - XI.

Случайная находка 2020 г. на Мингтепе (древний Кабудан - ?) расположенном в 20 км к северу от Самарканда в Булунгурском районе.

Монета относится к типу чеканившемуся Куджулой Кадфизом на монетном дворе Таксилы в 50-90 гг. н.э. Судя по весу (с учетом потерь на износ) и диаметру кружка, этот экземпляр мог бы относиться к второй или началу третьей стадии чеканки, т.е. скорее всего к 60-м – 70-м гг. н.э.

2. Медная монета Куджулы Кадфиза (рис. 2).

Л.с.: полностью стерта.

О.с.: видна нижняя часть фигуры Геркулеса с палицей в правой руке и львиной шкурой, свисающей с левой. Справа от фигуры следы двух акшар кхароштхи.

Вес - 7.5 г.; Диаметр – 22.5x20.8 мм; А - XII.

Подобрана в начале 2000-х годов у пешеходной “дороги”, идущей по юго-западу медины Афрасиаба в пределах второй стены, в районе её смыкания с третьей, недалеко от раскопа Р-29. По наблюдениям А. Атаходжаева на эту “дорогу” смывается материал с окружающих её склонов.

Монета относится к типу чеканившемуся Куджулой Кадфизом на монетном дворе Таксилы в 50-90 гг. н.э. Судя по весу (с учетом потерь на износ) и диаметру кружка, этот экземпляр мог бы относиться к третьей стадии чеканки, т.е. скорее всего к 70-80-м гг. н.э.

3. Медная монета Куджулы Кадфиза (рис. 3).

Л.с. Огрубленное изображение головы Геракла вправо, над ней остатки полностью искаженной греческой надписи.

О.с. Схематизированное изображение обнаженного Геркулеса с палицей в правой руке и львиной шкурой в левой; по правому краю монеты и над головой героя остатки полностью искаженной надписи кхароштхи.

Вес – 3.37 г.; Диаметр – 19 мм; Оси - X

Подобрана в 2019 году на северной стене внутреннего прямоугольного шахристана городища Кургантепе в Орлате, 60 км к западу от Самарканда.

В классификации Джо Крибба и Роберта Брэйси такие монеты Куджулы Кадфиза отнесены к четвертой фазе чеканки в мастерской А, работавшей на медном монетном дворе Таксилы и датируются они 80-90-ми годами I века н.э.

4. Медная монета Куджулы Кадфиза (рис. 4).

Л.с. Бюст царя вправо. На голове – шлем. За и над головой сохранилась часть греческой надписи.

О.с. Шагающий вправо копьеносец в доспехах, со щитом, и в таком же шлеме. Вокруг надпись кхароштхи.

Вес – 4,6 г.; Диаметр – 19.9 x 17.7 мм; Оси - II.

Найдена ок. 2008-09 г. в зоне подтопляемой Чимкурганским водохранилищем, т.е. на территории, которая в древности входила в Кешское владение.

Ни технология производства и ни стиль таких монет не позволяют привязать их к какому-либо из известных монетных дворов Куджулы Кадфиза. Поэтому в новом исследовании Джо Крибба и Роберта Брэйси предполагается, что они представляли собой продукцию отдельного монетного двора. Судя по надписи кхароштхи на реверсе, двор этот располагался где-то к югу от Бактрии. До последнего времени единственным зарегистрированным местом находки такой монеты была Хазара, так что исследователи высказали осторожное предположение, что ответственный за эту серию двор мог располагаться где-то в её районе.

Судя по весу, монеты эти выпускались уже после того, как весовой стандарт стал падать в Таксиле, но ещё до того, как началась чеканка монет воспроизводивших римские прототипы. Другими словами, их чеканили ближе к концу правления Куджулы, но не в самом его конце. В конкретных датах выглядит, скорее всего, как 80-е гг. н.э. Судя по всему, это была сравнительно небольшая серия, чеканившаяся непродолжительное время.

Анонимный чекан с титулом Сотер Мегас (80-е г. н.э. –113 г. н.э.). (начался в последние годы правления Куджулы Кадфиза и продолжался в течении всего правления Вимы Такту)

5. Малый номинал Сотера Мегаса с конем на обороте (рис. 5).

Л.с. Бюст царя в диадеме с лентами на затылке; от головы отходят лучи; в поднятой правой руке – дротик.

О.с. Всадник на поджаром коне (короткое тело и длинные ноги); перед ним тамга с трехзубым завершением; легенда греческим квадратным письмом.

Вес – 1,95 г.; Диаметр – 12,5 мм; Оси – XII.

Найдена на поверхности городища в ходе работ отряда Государственного Музея искусства народов Востока в древнем Пайкенде и хранится в этом музее в Москве, инвентарный номер 2147 М-IV, номер поступления 46554 (мы выражаем благодарность О. Н. Иневаткиной, хранителю монет в секторе археологии Средней Азии ГМИНВ, за предоставленную фотографию).

Малый номинал серии, выпускавшейся, по мнению Джо Криба и Роберта Брейси, на монетном дворе Беграма. Судя по квадратному дукту легенды и трехзубой тамге на реверсе, этот экземпляр относится к первой стадии чеканки.

6. Малый номинал Сотера Мегаса (рис. 6).

Л.с. Оплечный портрет правителя вправо; на голове – диадема; от головы расходятся лучи.

О.с. Всадник на поджаром коне (короткое тело и длинные ноги); перед ним трехзубая тамга с замкнутым кольцом в основании; круговая греческая легенда квадратным шрифтом.

Вес – 1,81 г.; Диаметр – 13x14 мм; Оси – I.

Найдена в 2020 г. на небольшом безымянном памятнике – круглой крепости, расположенном неподалеку от дороги Сарыкул-Нурабад, приблизительно на равном расстоянии от обоих пунктов.

Малый номинал серии, выпускавшейся, согласно мнению Джо Криба и Роберта Брейси, на монетном дворе Беграма. Квадратный дукт легенды и трехзубая тамга на реверсе позволяют относить этот экземпляр к первой фазе чеканки.

7. Большой номинал Сотера Мегаса (рис. 7).

Л.с. Оплечный портрет правителя вправо; на голове – диадема; правая рука поднята.

О.с. Всадник на поджаром коне (короткое тело и длинные ноги); остальные детали не различимы.

Вес – 6,2 г.; Диаметр – 20x19 мм; Оси – XII.

Найдена в 1990 г. в районе Караулбазара, вблизи древней дороги из Бухары в Нахшаб. Коллекция Алексея Яковлева (Москва).

Монетный двор Беграма вторая фаза чеканки (по классификации Джо Крибба и Роберта Брейси).

8. Большой номинал Сотера Мегаса (рис. 8).

Л.с. Бюст царя в диадеме с лентами на затылке; правая рука поднята; остальные детали не различимы.

О.с. Всадник на поджаром коне (длинные ноги и высокий круп); у коня показаны оба уха; остальные детали не различимы.

Метрологических данных нет.

Найдена в 400 м к югу от городища Буронтепа в Варахшинском массиве земель древнего орошения. Коллекция Алексея Нуруллаева, поселок Жондор Бухарской области.

На голове у лошади показаны оба уха, что, согласно Джо Криббу и Роберту Брэйси, обычно для третьей фазы чеканки. Однако, и форма тела лошади и портрет соответствуют, скорее, второй фазе. Возможно, что этот экземпляр относится к той группе монет второй фазы, которые, как пишут те же авторы, сочетают признаки второй и третьей фаз. Точно это сказать невозможно, поскольку на монете не сохранилось и следов от легенды, форма знаков которой была ещё одним определяющим критерием.

9. Большой номинал Сотер Мегаса (рис. 9).

Л.с. Оплечный портрет правителя вправо; на голове – диадема; ленты за головой; правая рука поднята.

О.с. Всадник на лошади со сравнительно низким крупом; остальные детали не различимы.

Вес – 4,49 г.; Диаметр – 20x21 мм; Оси – X.

Найдена в 24 декабря 2020 году на Сарыкультепе, крупном памятнике городского типа, расположенном недалеко от дороги на полпути между Сарыколем и Нурабадом в Сазаганской степи, нынешнем Нурабадском районе Самаркандской области.

Монетный двор Беграма, третья стадия чеканки (по классификации Джо Крибба и Роберта Брэйси).

10. Большой номинал Сотера Мегаса (рис. 10).

Л.с. Оплечный портрет правителя вправо; на голове – диадема с двумя лентами; в поднятой правой руке – дротик.

О.с. Всадник с поднятой правой рукой на массивной лошади с низким крупом; следы от букв греческой легенды позади коня.

Вес – 8,1 г.; Диаметр – 20x23 мм; Оси – XII.

На монете есть следы вторичного использования: у края кружка, перед лицом и позади головы царя просверлены два отверстия диаметром несколько менее 2 мм; несколько более широкие выходы этих отверстий на реверсе пришлись на верх хвоста коня и на тамгу.

Найдена в весной 2021 года на Сарыкультепе, крупном памятнике городского типа, расположенном недалеко от дороги на полпути между Сарыколем и Нурабадом, нынешнем Нурабадском районе Самаркандской области.

Выпуск монетного двора Беграма, третья фаза чеканки (по классификации Джо Крибба и Роберта Брэйси).

11. Большой номинал Сотера Мегаса (рис. 11).

Л.с. Оплечный портрет правителя вправо; на голове – диадема с двумя лентами; с трудом читается поднятая правая рука.

О.с. Всадник с поднятой правой рукой на массивной лошади с низким крупом; перед её грудью видна верхняя часть трехзубой тамги.

Вес – 7,18 г.; Диаметр – 20x23 мм; Оси – XI.

На монете есть следы вторичного использования: позади шеи царя просверлено отверстие диаметром почти 3 мм; на реверсе это отверстие пришлось на нижнюю часть тамги перед грудью коня.

Найдена в весной 2021 года в “Сазаганском массиве”, нынешнем Нурабадском районе.

Выпуск монетного двора Беграма, третья фаза чеканки (по классификации Джо Крибба и Роберта Брэйси).

12. Большой номинал Сотера Мегаса (рис. 12).

Л.с. Оплечный портрет правителя вправо; на голове – диадема с двумя лентами; в поднятой правой руке - дротик.

О.с. Всадник с поднятой правой рукой на массивной лошади с низким крупом; следы от букв греческой легенды позади коня; частично сохранившаяся тамга перед конем.

Вес – 6,96 г.; Диаметр – 23x25 мм; Оси – XII.

На монете есть следы вторичного использования: у края кружка перед лицом царя просверлено отверстие диаметром несколько менее 2 мм; на реверсе эта дырочка пришлась на зону над крупом коня.

Найдена в 2019 году на Сарыкультепе (об этом памятнике см. выше в описании монеты №10).

Выпуск монетного двора Беграма, третья фаза чеканки (по классификации Джо Крибба и Роберта Брэйси).

13. Большой номинал Сотер Мегаса (рис. 13).

Л.с. Оплечный портрет правителя вправо; правая рука поднята.

О.с. Всадник на лошади; остальные детали неразличимы.

Вес – 4,80 г; Диаметр – 21x23 мм; Оси – II.

Найдена в январе 2021 на Сарыкультепе, в Нурабадском районе Самаркандской области.

14. Малый номинал Сотер Мегаса с конем на обороте.

Фотография монеты была показана А. Атаходжаеву находчиком. Метрологические данные не сохранилось.

Найдена в 2015-16 гг. на поверхности небольшого безымянного тепе в Китабском районе Кашкадарьинской области (территория древнего согдийского княжества Кеш). Нынешнее местонахождение этого экземпляра неизвестно.

Вима Кадфиз (ок. 113–123 г. н. э.)

15. Медная монета Вимы Кадфиза (рис. 14).

Л.с.: фигура царя стоящего в кушанской версии “фронтальной позы”: широко расставленные ноги со ступнями показанными в профиль; торс – en face; голова по-

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

вернута в профиль влево. Справа от фигуры – тамга. По краю, между XII и III остатки круговой надписи.

Об.с.: Шива опирающийся на быка Нанди

Вес – 16.45 г.; Д – 27x28 мм; Оси - XII

Поднята с поверхности холма на окраине села Кайрагач Яккабагского района, Кашкадарьинской области (юго-восток района, близ северного склона Гиссарского хребта).

Согласно классификации Джо Крибба и Роберта Брэйси эта монета относится к первой или второй фазе чеканки Канишки на монетном дворе Беграма.

16. Медная монета Вимы Кадфизас изображением Шивы, опирающегося на быка Нанди на реверсе.

Найдена местными мальчишками-пастухами в стене раскопа на цитадели Афрасиаба (городища древнего Самарканда). Точное место находки в разрезе пришлось на сырцовую платформу, которая была возведена в хуннский период, скорее всего во второй половине IV века н.э. Мы благодарим О. Н. Иневаткину за эту информацию.

17. Медная монета Вимы Кадфиза с изображением Шивы, опирающегося на быка Нанди на реверсе.

Была определена по фотографии, которую находчик показал А. Атаходжаеву. Метрологических данных не сохранилось.

Найдена в придаргомской/сазаганской степи в 2016-2018 годах.

18. Медная монета Вимы Кадфиза с изображением Шивы, опирающегося на быка Нанди на реверсе.

Ни фотографий, ни метрологических данных не сохранилось. Этот экземпляр был определен как принадлежащий к чекану Вимы Кадфиза, одним из наиболее знающих коллекционеров Средней Азии.

Найдена в самом начале XXI столетия на размываемом берегу Чимкурганского водохранилища недалеко от Аултепе. В древности эта территория входила в состав Кешского владения.

Канишка I (ок. 127–151 г. н.э.)

19. Медная монета Канишки I (рис. 15).

Л.с.: стоящий царь.

О.с.: бог Гелиос; справа за фигурой греческая легенда НΛΙΟ[С]

Вес - 6,84 г.; Диаметр - 23 мм; Оси - 12 часов.

Случайная находка на безымянном тепе в Яккабагском районе Кашкадарьинской области (в древности территория владения Кеш).

Монетный двор Беграма, первая фаза чеканки.

20. Медная монета Канишки I (рис. 16).

Л.с.: стоящий царь с копьём в левой руке. Следы четырех букв бактрийский легенды справа.

О.с.: бог Оешо, слева у его ног – тамга Канишки.

Вес – 16,6 г.; Диаметр – 25 мм; Оси – XII

Следы вторичного использования: в центре кружка на месте правого плеча царя просверлено отверстие диаметром несколько менее 2 мм; на реверсе дырочка пришлась на район левого локтя.

Найдена в 2018-2019 гг. в округе Варахши.

Согласно классификации Джо Крибба и Роберта Брэйси эта монета относится ко второй фазе чеканки Канишки на монетном дворе Беграма.

21. Медная монета Канишки I (рис. 17).

Л.с.: стоящий царь.

О.с.: бог Атшо (опознается по контуру фигуры).

Оси - XII (других метрологических данных нет).

Найдена в 200 м к югу от городища Варахша, на западной окраине Бухарского оазиса. Коллекция Алексея Нуруллаева, поселок Жондор Бухарской области.

Главный монетный двор, вторая или третья стадии чеканки.

22. Медная монета Канишки I.

Л.с.: стоящий царь, левой рукой опирающийся на копье, тогда как правая рука вытянута над алтарем. Справа от царя остатки бактрийской легенды.

О.с.: бог Вадо.

Вес – 15,9 г.; Диаметр – 24 мм; Оси – XII

Найдена в придаргомской степи в 2016-2018 годах.

Васудева I (ок. 190-230 гг. н.э.)

23. Медная монета Васудевы I (рис. 18).

Л.с.: стоящий царь; правая рука простерта над алтарем, в левой – копье.

О.с.: бог Оешо перед быком Нанди.

Вес – 8,4 г.; Диаметр – 22х24 мм; Оси – XII.

Найдена в 2008-2010 гг. в окрестностях поселения Сазаган.

Согласно классификации Крибба и Брэйси это выпуск главного монетного двора, который, скорее всего, оставался в Беграме ещё со времен Вимы Кадфиза. Скорее всего, он относится к началу третьей фазы чекана Васудевы I: выпущена она уже после того, когда вес монет упал ниже 9 граммов, но на ней ещё нет символа Нандипада.

24. Медная монета Васудевы I (рис. 19).

Л.с.: видны ноги и нижняя часть кафтана стоящего царя; слева от фигуры видно копье и локоть держащей его руки

О.с.: бог Оешо перед быком Нанди.

Вес – 7,89 г.; Диаметр – 23 мм; Оси – XI.

Найдена в 2020 г. на Сарыкултепе в Сазаганской степи.

Согласно классификации Крибба и Брэйси это выпуск главного монетного двора, который, скорее всего, оставался в Беграме ещё со времен Вимы Кадфиза. Скорее всего, он относится к началу третьей фазы чекана Васудевы I: выпущена она уже после того, когда вес монет упал ниже 9 граммов, но на ней ещё нет символа Нандипада.

25. Медная монета Васудевы I (рис. 20).

Л.с.: видны ноги и нижняя часть кафтана стоящего царя; слева от фигуры видно копы и локоть держащей его руки

О.с.: бог Оешо перед быком Нанди.

Вес - 7,56 г.; Диаметр – 21x23 мм; Оси - XII

Случайная находка в Сазаганской степи.

По классификации Джо Крибба и Роберта Брэйси это выпуск главного монетного двора в Беграме, третья фаза.

26. Медная монета Васудевы I (рис. 21).

Л.с.: видна нижняя часть кафтана стоящего царя

О.с.: видны ноги Оешо и быка Нанди.

Вес - 5,3 г.; Диаметр – 24 мм; Оси - XI.

Случайная находка в Сазаганской степи.

Клад из поселения 277.

Клад из трех кушанских монет был найден весной 2021 г. на месте снесенного ещё в 1970-х годах безымянного тепа, которое в своде археологических памятников Пастдаргомского района, составленном Г. В. Шишкиной и О. Н. Иневаткиной, значится под номером 277. Описанный на основе старого аэрофото, памятник первоначально был определен как прямоугольная эллинистическая крепость, но потом, из-за небольшой высоты (≈ 3 м) и скругленного внешнего контура (диаметром ок. 90 м), был переведен в разряд “сёл с длительным обживанием” (Шишкина, Иневаткина, рукопись, № 277). Памятник располагался на западной стороне Агалыксая, к северу от того места, где Агалыксая пересекала старая дорога, ведущая из Самарканда в долину Кашкадарьи, но южнее Олдынсая (Иневаткина, 2010. С. 23; Дмитриева, Сучилин, Иневаткина, 2012. С. 127).

Монетные находки на месте разрушенного памятника подтверждают его раннюю дату. Кроме кушанского кладика, найденного на месте самого тепа, в развезенной с него земле было собрано не менее дюжины ранних самаркандских монет с изображением лучника. Семь экземпляров, которые нам удалось осмотреть, по новой классификации [Наймарк, 2020. С. 180-183; Наймарк, 2021, forthcoming] относятся к стадиям II-V. Подборка состоит из одной “драхмы” и одной “полудрахмы” первого этапа второй стадии (II-A) с легендой *xwprncw* архаичной палеографии; двух “драхм” второго этапа второй стадии (II-B) с той же самой надписью, но выполненной почерком, очень близким к дукту согдийских старых писем; двух “драхм” стадии III (с легендой *βγwrtw*); и одной “полудрахмы”, принадлежащей к концу стадии V. В целом, эти монеты покрывают период от второй половины III до третьей четверти IV века. Среди находок на памятнике не представлены более поздние типы, хотя обыкновенно монеты серий VI – XIII встречаются во много раз чаще, чем ранние типы, и в Придаргомской степи их находят очень много. Исходя из дат монет с лучником, можно предположить, что поселение 277 было оставлено в начале кидаритского периода согдийской истории.

Вместе с монетами были найдены обломки керамического сосуда, в котором кладик, скорее всего, и был спрятан. К сожалению, профилированных частей, которые позволили бы определить тип сосуда, найдено не было. По мнению дочистиавшего монеты А. Атаходжаева, монеты были обернуты каким-то органическим материа-

лом, но не тканью. К сожалению, большая часть этого материала была убрана находчиками в ходе предварительной очистки. Вполне возможно, что это была кожа (кошелёк?). Такая двойная защита могла бы объяснить несколько лучшую, чем обычная для этого района, сохранность монет.

При отсутствии регулярного обращения кушанской монеты в Согде, трудно себе представить, чтобы клад меди с разбросом дат в добрых четыре десятилетия был оставлен на месте. Между тем, медные клады состоящие из монет Вимы Кадфиза, Канишки I и первой стадии чекана Хувишки известны как далеко на юге, в индийских владениях Кушан (<http://www.kushan.org/sources/coin/copperhoards.htm>), так и в правобережье Амударьи: на Тахти Сангине (Зеймаль, 1983. С. 294, клад 13; Zeymal 1997, p. 97-101, ## 9-58, plate on p. 110, ## 42, 44-46) Вима Кадфиз – 5, Канишка I – 24, Хувишка – 21; в кишлаке Серхаракат (на возвышенности Курганча близ Халчяна) (Abdullaev, 2004. P. 272-279) Вима Кадфиз – 73, Канишка I – 476, Хувишка – 367; и на Душанбинском городище (Довуди, 2009. С. 23, клад 7) всего в кладе было 45 монет, но Д. Довуди довелось увидеть лишь четыре: Вима Кадфиз – 1, Канишка I – 2, Хувишка – 1. В Бухарском музее хранится клад похожего состава (205 монет Вимы Кадфиза, Канишки и Хувишки), приобретенный в 2008 г. у частного лица, по словам которого он происходит с “пограничной территории Бухарской и Кашкадарьинской областей” (Курбанов, 2001. С. 92-93). Граница между этими двумя областями проходит, главным образом, по пустыне, а в двух местах, где она пересекает оседло-земледельческие районы (оазис Муборака и старое русло Кашкадарьи к востоку от Кум-Совтана) кушанского денежного обращения никогда не было. Тоже можно сказать и о местах у юго-восточной оконечности озера Денгизкуль, где граница между Бухарской и Кашкадарьинской областями подходит к нынешней государственной границе между Узбекистаном и Туркменистаном. Хотя этот район и близок к полосе орошаемых земель, которая тянется вдоль Амударьи в 20 км к югу, но и здесь находка клада кушанских монет маловероятна. Ниже Керкинской зоны ранне-кушанские монеты на средней Амударье практически не встречаются, хотя по Чарджевский оазис включительно, находки подражаний кушанам и кушано-сасанидских монет достаточно обильны (Пилипко, 1978; Пилипко, 1985; Бурханов, 2007). Другими словами, предоставленная продавцом информация о происхождении клада бухарского музея скорее всего – не достоверна. Скорее всего, он был найден в Афганистане.

Итак, клады схожего состава хорошо известны на территории кушанской империи, причем три из них были найдены непосредственно у границ Согда, в северном Тохаристане, расположенном прямо за горами. Исходя из этого, было бы вполне уместно предположить, что три монеты клада из памятника 277 попали в Согд вместе и одновременно. Судя по дате младшей монеты и стандартному составу клада, это могло произойти уже в начале правления Хувишки, во второй половине 150-х или начале 160-х годов н.э.

27. Медная “тетрадрахма” Вимы Кадфиза (рис. 22).

Л.с.: фронтально стоящая фигура царя в “кушанской позе”: широко расставленные ноги; торс – en face; голова повернута профиль влево. Правая рука простерта над маленьким алтарем, левая уперта в бок. За алтарем, почти на всю высоту центрального поля монеты – трезубец с лезвием алебарды на древке. Справа в поле, у плеча фигуры – едва читаемая тамга. Ниже – палица. В имени царя в легенде –

ошибка. Такой пропуск букв не редкость для конца второй стадии в беграмском чекане Вимы Кадфиза.

Об.с.: Шива, опирающийся на стоящего за ним быка Нанди. Слева в поле, за крупом быка – символ нандипада. У края монеты по кругу – легенда письмом кхарошти.

Вес – 16.32 г.; Д – 25x27 мм; Оси – XII

Согласно классификации Джо Крибба и Роберта Брэйси эта монета была отчеканена ближе к концу второй стадии чеканки на основном монетном дворе в Беграме.

28. Медная “тетрадрахма” Канишки I (рис. 23).

Л.с.: стоящий царь левой рукой опирающийся на копье, тогда как правая рука, вытянута над алтарем. Справа от царя остатки бактрийской легенды.

О.с.: бог Вадо, идущий влево среди крутящегося ветра; слева в поле – тамга.

Вес – 17.32 г.; Диаметр – 25 мм; Оси – XI.

Согласно классификации Джо Крибба и Роберта Брэйси эта монета - выпуск главного монетного двора, т.е. Беграма и относится она ко второй или третьей стадиям чеканки.

29. Медная “тетрадрахма” Хувишки I (рис. 24).

Л.с.: царь, едущий на слоне вправо с копьем в правой руке; по кругу остатки бактрийской легенды.

О.с.: бог Мао, стоящий в повороте в три-четверти влево с вытянутой вперед правой рукой; слева в поле – тамга; за спиной божества бактрийская легенда.

Вес – 13.16 г.; Диаметр – 23x24 мм; Оси – XII

Согласно классификации Джо Крибба и Роберта Брэйси такие монеты выпускались главным монетным двором в Беграме около середины первой стадии чекана Хувишки.

Комментарии к реестру

Общий счет монет

Всего в нашем реестре учтено 29 монет: 26 отдельных находок и кладик из 3 экземпляров. Добавив к ним сведения о 17 ранее опубликованных находках из цитированной выше литературы, мы получаем выборку из 46 экземпляров. За исключением трех монет кладика, это всё - отдельные находки, и, тем самым, перед нами классический образец случайной выборки. Распределение этих монет по правлениям кушанских царей выглядит следующим образом:

Куджула Кадфиз (ок. 50 – 90 г. н.э.)	– 4
Сотер Мегас (80-е г. н.э. – 113 г. н.э.)	– 16
Вима Кадфиз (ок. 113 – 123 г. н.э.)	– 5
Канишка I (ок. 127 – 151 г. н.э.)	– 12
Хувишка I (ок. 151 – 190 г. н.э.)	– 2
Васудева I (ок. 190 – 230 гг. н.э.)	– 4
Канишка II (после 230 гг. н.э.)	– 3
Всего:	46

Монеты Куджулы Кадфиза

Первое, что обращает на себя внимание это сравнительно большое количество монет Куджулы Кадфиза: на сорок шесть монет в нашей выборке пришлось четыре экземпляра его чекана. Другими словами монеты Куджулы Кадфиза составляют почти 8.5% от всех найденных в Согде кушанских монет и почти 9.6% от числа случайных находок. Такое соотношение было бы совершенно нормальным для находок в южных регионах Кушанского царства. В Согде же оно несколько неожиданно. Дело в том, что медь Куджулы Кадфиза, отчеканенная в монетных дворах, располагавшихся к югу от Гиндукуша, могла поступать в Согд только через территорию Тохаристана. Между тем, среди монетных находок, зарегистрированных к югу от Гиссарского хребта и к северу от Амударьи, т.е. собственно на прилегающих к Согду территориях Северного Тохаристана, монет этого правителя практически нет.

Действительно, согласно общей сводке северо-тохаристанских находок кушанских монет, составленной Алексеем Гориним, в правобережье бассейна Амударьи зарегистрированы только два экземпляра меди Куджулы Кадфиза: один в Термезе и другой—на Душанбинском городище (мы благодарны Алексею Горину за персональную консультацию в этом вопросе). На той же территории по последним опубликованным данным учтено: Сотера Мегаса – более 400 вне кладовых монет из 41 памятника и не менее 557 экземпляров в 14 кладах (Горин, Двуреченская, 2018. С. 125); Вимы Кадфиза - 257 отдельных находок из 37 разных пунктов и 184 экземпляра в 22 кладах (Горин, Двуреченская, 2018. С. 125); Канишки I - 349 единичных находок монет (283 экз.—в Южном Узбекистане, 66 экз.—в Южном Таджикистане) (Горин, 2015. С. 53).

Сопоставление нашей небольшой выборки, где 8.5% (почти одиннадцатая часть) всех находок – монеты Куджулы Кадфиза, с данными А. Горина по Северному Тохаристану, где монеты Куджулы Кадфиза не составляют и десятой доли процента от общей массы находок кушанской меди, подводит нас к несколько неожиданному заключению. Получается, что поток монет, шедший с юга во времена Куджулы Кадфиза, достигал территории Согда, но при этом в Тохаристане, расположенном на пути, выпуски первого кушанского царя не обращались и не задерживались.

К этому можно добавить, что в нумизматической коллекции из раскопок крепости Узундара, таможенно-пропускного пункта на Согдо-Кушанской границе, оказалась медная монета по типу серебряных драхм индо-скифского царя Аза (Горин, Двуреченская, 2018. С. 38-39, № 130. С. 98). Этот тип относят к заключительной фазе индо-сакского (индо-скифского) чекана, т.е. ко времени непосредственно перед переходом Пешаварской долины в руки кушан. Существует вполне обоснованная точка зрения, что позднейшие из этих “посмертных” монет Аза чеканились уже при Куджуле Кадфизе (Cribb&Braceu, 2021). Монеты с типами Аза широко ходили в южных районах кушанской империи, но в северном Тохаристане их находки не известны. Можно думать, что в крепость Узундара этот экземпляр попал по дороге в Согд, т.е. был занесен в пограничный пункт монетным потоком, шедшим с кушанских территорий на север.

В литературе, конечно же, феномен отсутствия монет Куджулы Кадфиза в Тохаристане уже обсуждался, причем интерпретировался этот факт совершенно по-разному. Если исключить ничем не подкреплённые суждения Майкла Митчинера, то позиции занятые в этом вопросе современными исследователями можно свести к

двум основным взаимоисключающим взглядам (1). Существует мнение, что причиной было существование в этой области местной монеты, чеканка которой осуществлялась вплоть до реформы, введшей единую кушанский общегосударственный выпуск с титулом Сотер Мегас (Зеймаль, 1983. С. 153; Cribb&Bracey 2021) (2). С другой стороны, высказывалось и мнение, что в северной Бактрии/Тохаристане в течении всего правления Куджулы Кадфиза власть сохранили соперничавшие с ним юежджийские роды, и аннексировать эту часть Средней Азии кушанам удалось только ко времени, когда началась анонимная чеканка царя скрывавшегося под титулом Сотер Мегас (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 51).

Что же обращалось на территории Тохаристана в 40-80-х годах I столетия н.э.? Не так давно стало понятно, что одна из основных юежджийских монетных серий Бактрии-Тохаристана, подражания Гелиоклу, продолжала чеканиться в течении всего правления Куджулы Кадфиза: известно уже несколько экземпляров монет, где на крупе коня помещена четырехзубая тамга, известная по тем монетам Сотера Мегаса, которые можно с уверенностью считать выпусками Вимы Такту (первая публикация: Smith, 2001; последняя сводка: Горин, Двуреченская, 2018. С. 94-95). Стратиграфия городищ Мирзакултепа и Кампыртепа показывает, что подражания Гелиоклу циркулировали в Северном Тохаристане вплоть до монетной реформы Вимы Кадфиза (Горин, Двуреченская, 2018. С. 93).

Паспортизированные находки подражаний Гелиокла тяготеют к западным районам Северного Тохаристана. Возможно, правда, что ареал их обращения включал и зону к югу от Амударьи, где систематической регистрации не было и где известны отдельные находки подражаний Гелиоклу (Горин, Двуреченская, 2018. С. 91-92).

Что же касается восточной части Северного Тохаристана, то там в первом веке обращались подражания монетам Эвкратида, на смену которым пришли монеты правителя, которого в литературе принято называть “Гераяем”. Такая последовательность впервые была предложена М. М. Дьяконовым и широко принята в русскоязычной нумизматической и археологической литературе (Дьяконов, 1950. С. 174-175. Табл. 85; Массон, 1964. С. 153; Мандельштам, 1966. С. 138-144; Ставиский, 1977. С. 118; Зеймаль, 1983. С. 157; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 47, 49; Горин, Двуреченская, 2018. С. 105).

Предположение, что оболы Герая непосредственно пришли на смену подражаниям оболам Евкратида тем более вероятно, что ареал обращения подражаний оболам Евкратида и оболы Герая в принципе совпадает – это Северо-Восточный Тохаристан (Зеймаль, 1984. С. 177; Горин, 2014; Горин, Двуреченская, 2018. С. 104-105), а документированные находки и тех и других монет происходят в значительной мере из одних и тех же могильников (Зеймаль, 1983. С. 93-109; Зеймаль, 1984. С. 177-191). Более того, сейчас известен ещё и клад с расположенного в предгорьях Актау городища Халкаджар (Хуросонской район Хатлонской области Таджикистана), который не оставляет сомнений в их совместном обращении, поскольку состоит из 11 подражаний оболам Евкратида, включая самые поздние, и 11 оболы Герая (Довутов, 2009. С. 7-13. С. 375, илл. 1) ещё одна неопределимая медная монета скорее всего, примешалась к кладу уже после находки.

Особую роль в определении времени перехода от чеканки подражаний оболам Евкратида к монетам Герая мог бы сыграть обол из коллекции Александра Канингхэма, который как полагал ещё М. М. Дьяконов, занимает промежуточное по-

ложение между позднейшими подражаниями оболам Евкратида и ранними оболами Герая (Дьяконов, 1950. С. 172-173. Табл. 85). Экземпляр это несет на обороте надпись в две параллельные строки ...ОКО... ...OZOYAO (Cunningham, 1889. P. 301, № 9, Pl. XIII, № 9; MacDowall&Wilson, 1970. P. 226-227. Pl. XVII, # 6; Alram, 1986. S. 299, # 1271, Tafel 40, 1271). Джо Крибб реконструирует надпись как *Кушан Кузула* (Cribb&Bracey, 2021). С другой стороны, форма монограммы на оборотной стороне этого экземпляра однозначно относит его именно к той тохаристанской серии подражаний оболам Евкратида, которая обращалась на северо-востоке этой области (Зеймаль, 1984. С. 191, С. 227, табл. XIV). К сожалению, это – всё ещё уникальный экземпляр хорошей, но не идеальной сохранности и надпись на нем приходится частично реконструировать.

Не вдаваясь в дискуссию о датировке монет Герая, мы тем не менее, можем достаточно точно определить, когда их чеканка закончилась, поскольку следующими по времени массовыми находками на той же территории северо-восточного Тохаристана оказываются анонимные кушанские монеты с титулом Сотер Мегас. Чеканка этих последних началась в самом конце правления Куджулы Кадфиза и продолжалась в течении всего правления его сына Вима Такто (Cribb&Bracey, 2021). Если не допускать существования в истории северо-восточного Тохаристана безмонетного периода, то приходится признать, что монеты Герая чеканились и обращались в северо-восточном Тохаристане в течении почти всего правления Куджулы Кадфиза.

Другими словами, получается, что в Тохаристане в течении второй половины I века н.э. продолжалась местная чеканка. При такой ситуации, монеты, которые Куджула Кадфиз выпускал к югу от Гиндукуша, в тохаристанском денежном обращении были попросту не нужны.

“Избыток” малого номинала среди монет Сотера Мегаса.

Монеты малого номинала чекана Сотер Мегаса, часто описываемые как “полудрахмы”, ходили главным образом, в центральных районах Кушанской империи, более всего в районе самого Беграма, где их чеканили. В прилегающем к Согду Северном Тохаристане они – сравнительно большая редкость. Между тем, среди десяти публикуемых здесь монет Сотер Мегаса три оказались экземплярами малого номинала. Иными словами, малый номинал составляет 30% всех находок монет Сотер Мегаса. То что эта особенность нашей выборки не случайна подтверждают и находки из крепости Узундара, расположенной на границе Согда и Кушанского Тохаристана. Процент монет малого номинала там ещё выше: только одна из девяти найденных там монет представляет большой номинал, а все остальные – малый (Горин, Двуреченская, 2018. С. 39-41). Совершенно очевидно, что это был результат сознательного отбора, и, скорее всего, причиной такой “направленной селекции” была та роль, в которой кушанские монеты появлялись в Согде.

Причины появления кушанских монет в Согде

Маловероятно, чтобы кушанская медь когда-либо была органической частью согдийского денежного обращения - в разные годы тех же двух столетий, в течении которых она поступала в Согд, в этой стране одновременно функционировало от 5 до 9 самостоятельных дворов, каждый из которых чеканил свою собственную монетную серию, иногда в двух и даже трех номиналах (Наймарк, 2020. С. 206 и 207, илл. 1 и 2). Более того, практически все согдийские монеты чеканились в это время

из серебра, хотя ближе к концу этого периода качество металла в некоторых сериях значительно упало. Исключение составляют две робкие попытки выпуска меди: одна в Бухаре во второй половине I века н.э. (известен единственный экземпляр) (Наймарк, 2021. В печати) и вторая в Нахшебе в конце II века н.э. или самом начале III века н.э. (известны три экземпляра таких монет) (Наймарк, 2020а. С. 233-235, илл. 13, # 2, 4, 6).

Что же тогда кушанские монеты делали на согдийских территориях? Скорее всего, они поступали в Согд не как агенты денежного обращения. Так в шести (№№ 10, 11, 12, 15, 20, 23) из двадцати шести публикуемых в настоящей статье отдельных находок (т.е. более чем в 23%) были проделаны дырки для подвешивания или нашивания.

Труднее проследить другие формы “не денежного” использования чужеземных монет, поскольку они не оставляли таких явных следов. К примеру, ровно половина пенджикентских находок кушанских монет происходит из двух помещений Объекта X, т.е. собственно из боковых помещений пропилей городского храма I. Найдены они были в строительных подсыпках первой половины VIII века, а земля для этих подсыпок бралась из свалки, на которую во второй половине VII века выбрасывали пришедшее в негодность храмовое имущество (Шкода, 2009. С. 93; Зеймаль, 1983. С. 202, № 68, 69. С. 213, № 31; Лившиц, Шкода, 1982). Другими словами, привозные кушанские монеты благодаря своей “экзотичности” попали в храм как приношения и хранились там добрых полтысячелетия, прежде чем от них избавились во второй половине VII века.

Вероятно бывали и более прозаические обстоятельства, когда, к примеру, карманная мелочь, которую путешественник не смог полностью израсходовать до пересечения границы, в другой стране становилась удобным сувениром, подарком. Можно также предположить, что бывали и случаи, когда монеты вполне целенаправленно отбирались и везлись в качестве сувениров. Здесь можно вспомнить, что малые номиналы обычно лучше подходят для сувенирной функции, а потому, видимо, среди монет Сотер Мегаса, найденных в Согде экземпляры малого номинала и составляют такой необычно высокий процент.

Сокращение притока кушанских монет в царствование Канишки I

В составе учтённых нами находок обнаружил ещё один важный факт – резкое сокращение поступлений кушанских монет на территорию Согда во второй половине царствования Канишки I. Действительно, если не принимать во внимание монеты клада, которые не должны учитываться в общей статистике, то на последние годы правления Канишки в нашей случайной выборке придётся лишь одна монета, и ещё одна будет представлять всё сорокалетнее правление Хувишки. Можно предположить, что сокращение притока кушанской монеты в Согд было результатом вторжения кочевников, которое, с одной стороны, нанесло удар по экономике Согда, а с другой – заставило кушан предпринять серьёзные усилия, чтобы обезопасить свою северную границу. О резком изменении в отношениях между Согдом и Кушанской империей в правление Канишки I свидетельствует восстановление эллинистической стены, перегораживающей горный проход в Бактрийском Дарбанде (Железных Воротах).

Укрепление границы, конечно, не означало, полного прекращения торговли. Так, к примеру, публикуемый выше кладик попал в Согд, скорее всего, в правление Хувишки. Однако, судя по общей “статистике” находок кушанских монет, экономические связи между Согдом и Кушанской империей значительно ослабли.

Использованная литература:

- Баратова Л. С. Данные к истории денежного обращения в Южном Согде // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2000.
- Баратова Л. С. Древние монеты из Каршинского оазиса // ИМКУ, вып. 31. Самарканд, 2001.
- Баратова Л. С. К истории денежного обращения Южного Согда // Традиции древней и средневековой городской культуры Средней Азии. 70 лет кафедре археологии НУУз. Ташкент, 2010.
- Бердимуратов А. Э., Мусакаева А. А. Золотая монета Канишки из Самаркандской области // Археология Узбекистана. 2011. №1 (2).
- Бурханов А. А. Кушанские и кушано-сасанидские монеты из Лебапского региона (по материалам археологических исследований в области Амуля) // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 3 (31), 2007.
- Горин А. Н. Подражания оболам Евкратида из Южного Узбекистана // KOINONΔΩPON. Studies and Essays in Honour of Valery P. Nikonorov on the Occasion of His Sixtieth Birthday presented by His Friends and Colleagues. Compiled and edited by Alexander A. Sinitsyn and Maxim M. Kholod. St. Petersburg, St. Petersburg State University, Faculty of Philology, 2014.
- Горин А. Н. Кушанские монеты из Бухарского оазиса – Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXV. С.-Пб.: Государственный Эрмитаж, 2015.
- Горин А. Н., Двуреченская Н.Д. Каталог монет крепости Узундара (Южный Узбекистан) // Материалы Тохаристанской Экспедиции. Вып. XI. Ташкент: San'at, 2018.
- Давидович Е. А. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана // Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекистана. Т. 7. Ташкент, 1955.
- Дмитриева Ю. А., Сучилин А. А., Иневаткина О. Н. Разработка структуры археологической ГИС. Культурное наследие Зарафшанской долины // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 226. М., 2012.
- Довуди Д. Монетные клады Таджикистана (находки 1980-2008 гг.). Душанбе, 2009.
- Дьяконов М.М. Работы Кафирниганского отряда” // Материалы и исследования по археологии СССР. № 15. Табл. 80-93.
- Ерназарова Т. С., Кочнев Б. Д., Ртвеладзе Э. В., Федоров М. Н. “Нумизматические находки на территории Узбекистана в 1969-1972 гг.” // Общественные науки в Узбекистане, 1978, № 3.
- Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
- Зеймаль Е. В. “Приложение: Подражания оболам Евкратида.” – Б. А. Литвинский, А. В. Седов. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. Табл. XIV-XVIII.
- Иневаткина О. Н. “Начальные этапы урбанизации Самаркандского Согда и его западные пределы.” // Материальная культура Востока, вып. 5. М., 2010.
- Курбанов Г. Н. “Обзор доисламских нумизматических коллекций Бухарского музея-заповедника.” // Нумизматика центральной Азии, вып. V. Ташкент, 2001.
- Лившиц В. А., Шкода В. Г. “Согдийские надписи из храма I в Пенджикенте” // Народы Азии и Африки, 1982, № 5.
- Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию (Материалы и исследования по археологии СССР, №. 136). М.-Л., 1966.

- Массон М. Е. “Монетные находки в Средней Азии 1917-1927.” // Известия СРЕДАЗКОМ-СТАРИСА, вып. III. Ташкент, 1928.
- Массон М. Е. “К периодизации древней истории Самарканда” // Вестник древней истории, 1950а, № 4.
- Массон М. Е. “Происхождение безымянного царя царей, великого спасителя.” // Труды Среднеазиатского Государственного Университета, новая серия, вып. XI, Гуманитарные науки, 3. Ташкент, 1950б.
- Массон М. Е. “К вопросу о северных границах государства ‘Великих Кушан.’” // Общественные науки в Узбекистане, 1968.
- Массон М. Е. “По поводу далекого прошлого Самарканда.” // Из истории искусства великого города (к 2500-летию Самарканда), ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент, 1972.
- Массон М. Е. “К вопросу о северных границах государства ‘Великих Кушан.’” // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Том II. М., 1975.
- Массон В. М., Ромодин В.А. История Афганистана. Том I. С древнейших времен до начала XVI века. М., 1964.
- Наймарк А. И. Находки греческих монет в Согдиане // Нумизматика и Эпиграфика XVII. М., 2005.
- Наймарк А. И. “О причинах появления подражаний эллинистическим монета в Согдиане.” // Вестник древней истории. № 1, 2008.
- Наймарк А. И. Монеты нахшабского князя Аштата // История и археология Турана. № 5, посвященный юбилею Рустама Хамидовича Сулейманова. Самарканд, 2020а.
- Наймарк А. И. Самаркандский чекан второй половины III – начала VI веков н.э. // Узбекистан и Центральная Азия в системе мировой цивилизации. Материалы международной научной онлайн конференции, посвященной 50-летию Самаркандского института археологии Национального центра археологии Академии наук Республики Узбекистан и 85-летию академика А. А. Аскарлова. Самарканд, 2020б.
- Наймарк А. И. Медная монета с “арамейской надписью”, воспроизводящая тип халков Евтидема: медный чекан Бухары в I веке н.э.? // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция. Тверь, 24-29 мая 2021. М., 2021 (в печати).
- Омельченко А. В. Подражания тетрадрахам Евтидема с городища Пайкенд // Нумизматика Центральной Азии, вып. X. Ташкент, 2011.
- Омельченко А. В., Горин А. Н. Завоевания Сасанидов в Средней Азии: новые свидетельства по материалам раскопок в Пайкенде (Бухарский оазис) // История и археология Турана № 4, посвященный юбилею Мухаммаджана Исамиддинова. Самарканд, 2019.
- Пилипко В. Н. Топография находок кушанских монет на побережье Средней Аму-дарьи // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
- Пилипко В. Н. Поселения северо-западной Бактрии. Ашхабад, 1985.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. Ташкент, 1990.
- Ртвеладзе Э. В. Монеты Кеша // История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1988.
- Ртвеладзе Э. В., Сагдуллаев А. С. Памятники минувших веков. Ташкент, 1986.
- Смирнова О. И. Монеты древнего Пенджикента // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 66. (Труды Таджикской археологической экспедиции. Том III, 1951-1953 гг.). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Смирнова О. И. Монетные находки на Пенджикентском городище (Предварительное сообщение по материалам 1955-1956 гг.) // Труды академии наук Таджикской ССР, 1959, том 91.
- Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.

- Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
- Шишкина Г. В., Иневаткина О. Н. Исторический ландшафт оазиса Исбискета, Самаркандский Согд. Середина I-го тыс. до н.э. – начало XIII в. н.э. Материалы к исследованию. М., 2021 (рукопись).
- Шкода В. Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв.). С.-Пб., 2009.
- Abdullaev K. A Hoard of Kushan copper coins from the Khalchayan area (Serkharakat village, Surkhandarya region, Uzbekistan) – a preliminary report // *Numismatic Chronicle* 164 (2004).
- Alram M. *Nomina Propria Iranica in Nummis. Iranisches Personenamenbuch. Band IV.* Vienna. Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1986.
- Atakhodjaev A., Naymark A. A small hoard of Kushan coins from the vicinity of Samarqand - (в печати).
- Cribb J. *The Heraus Coins: Their Attribution to the Kushan King KujulaKadphises, c. AD 30-80 // Essays in Honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins.* London: Spink, 1993.
- Kushan Coins: A Catalogue based on the Kushan, Kushano-Sasanian and Kidarite Hun coins in the British Museum, 1st-5th centuries AD.* by Joe Cribb and Robert Bracey. London: British Museum Publications, 2021.
- Cunningham A. *Coins of Tokhari, Kushans and Yue-ti // Numismatic Chronicle* 1889 (Third series. Vol. 9).
- Mac Dowall D.W. and Wilson N.G. *The references to the Kuṣāṇas in the Periplus and further numismatic evidence for its date // The Numismatic Chronicle* 1970 (Seventh series. Vol. 10).
- Naymark A. *Samarqand archer coins: second half of the 3rd – beginning of the 6th centuries CE.* (forthcoming)
- Smith D. S. *Early Central Asian Imitations ill: Coinage of Heliokles I and the Kushan Connection // The Celator.* Vol. 15. No. 11, November 2001.
- Zeymal E. V. *Coins from the excavations of Takht-I Sangin (1976-1991). // Studies in Silk Road coins and culture (Silk Road Art and Archaeology, Special Volume 1997).* Kamakura, 1997.

УДК: 902.1:94

ДВА КУРГАНА РУБЕЖА ЭР ИЗ ЖЕТЫСУ

© 2021. Сергей Ярыгин, Николай Ильдеряков, Сергазы Сакенов

ТОО «Археологическая экспедиция» (Казахстан)

Институт археологии имени А. Х. Маргулана КН МОН РК (Казахстан)

Калит сўзлар: Еттисув, кўрғонлар, кўчманчилар, эрамиздан аввал, саклар, усунлар, хуннлар.
Мақолада иккита мазор-кўрғонда олиб борилган тадқиқот натижалари акс этган. Булар – Олма-ота вилояти Оқсу районидаги Кўнғиртоғ (Жунгор Олатови) атрофидаги якка кўрғон (2019 й.) ва Олма-ота шаҳрининг жануби-ғарбийдаги жанубий кўрғон (2019 й.). Булар Олатов орти шимоллий этакларининг Курдай доводидан то Талгаргача бўлган ҳудудда жамланган ёдгорликлар сирасига киради. Бундай кўрғонлар учун кўп қатламли тўплама, коридорли дромослар ёки лаҳадли қабрлар характерли ҳисобланади. 2019 йилдаги қазималарда шундай кўрғон аниқланди. Ёдгорликнинг тузилмаси ва шакли тавсифланди. Илгари ўрганилган кўрғонлар асосида хронлогиясига аниқлик киритилди.

Ключевые слова: Жетысу, курганы, кочевники, рубеж эр, саки, усун, хунну.
В статье публикуются материалы, полученные в результате исследования двух курганов. Одиночного кургана в предгорьях Коныртау (Джунгарское Алатау), в Аксуйском районе Алматинской области (2019 г.) и кургана, расположенного на юго-западной окраине города Алматы в районе р. Аксай (2013 г.). Курганы входят в группу памятников, основной ареал которых сосредоточен в северных предгорьях Заилийского Алатау от перевала Курдай до Талгара. Для данных курганов характерна многослойная структура насыпи, коридоры дромосов или подбоя. Раскопки 2019 года выявили курган этого типа значительно восточнее. Описано устройство и конструктивные особенности памятников. Внимание уделено хронологии ранее исследованных курганов.

TWO MURALS OF THE COMMON ERA OF ZHETYSU

Sergey Yarygin, Nikolay Ilderyakov, Sergazy Sakenov

Archaeological Expedition" LLP, Republic of Kazakhstan,
Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan KN MES Republic of Kazakhstan

Key words: Zhetysu, kurgans, nomads, the turn of the eras, Saki, Usun, Hunnu.
The article publishes materials obtained from the study of two mounds. A single mound in the foothills of the Konyrtau (Dzhungarskoe Alatau), in the Aksu district of the Almaty region (2019) and a mound located in the southwestern outskirts of the city of Almaty in the area of the river. Aksai (2013). Mounds are part of a group of sites, the main area of which is concentrated in the northern foothills of the Zailiyskiy Alatau from the Kurдай pass to Talgar. These mounds are characterized by a multi-layered structure of the embankment, corridors of dromos or linings. Excavations in 2019 revealed this type of mound farther east. The device and design features of the monuments are described. Attention is paid to the chronology of the previously investigated mounds.

Летом 2019 года в 21,8 км восточнее села Кызылагаш, в рамках проводимых аварийных археологических раскопок в зоне строительства трассы Алматы–Усть-Каменогорск, в череде других памятников исследован одиночный курган, содержащий погребение в могильной яме с подбоем и небольшим дромосом (рис. 1.1). Насыпь кургана уплощенно-полусферической формы диаметром 26 м, высотой 1,7 м была сложена из земли и камня.

Курган поврежден строительными работами, у его северного основания проходит грунтовая полевая дорога. Южная половина кургана в рывинах, образовав-

шихся при строительстве автодороги. В северо-западной части насыпи располагался отвал грунта. Рядом с грейдерной насыпью основной дороги, южнее кургана обнаружена упавшая охранная табличка. Учитывая критически близкое расположение дорог с северной и южной стороны насыпи кургана, с необходимостью соблюдать целостность полотна автодороги по технике безопасности, для исследования кургана была заложена центральная траншея шириной 6 м, ориентированная по линии запад-восток.

В результате расчистки была зафиксирована сложная стратиграфия кургана, его насыпь сооружалась минимум в три этапа с сезонными промежутками, отразившимися в формировании процесса почвообразования между структурными элементами. Каждый этап включал строительство земляной насыпи, перекрытой каменным панцирем. Отдельного внимания заслуживает зафиксированная опора в виде кольцевой выкладки под основанием внешнего каменного панциря. Она сооружена из плоских плит сланцевой породы камня размерами до 0,5×0,3×0,15 м, уложенными продольно вплотную под углом в 45° от центра кургана и образующими кольцо диаметром около 25 м. Плиты были наполовину врыты в материковый светло-коричневый лессовый суглинок (рис. 2.1-2, 3.1).

Северный профиль (рис. 2.1). Длина профиля 24 м, высота 2,1 м. Материковый грунт в профиле представлен светло-коричневым лессовым суглинком. В центральной части профиля зафиксировано северное основание вторичной насыпи кургана, сооруженной из темно-коричневой плотной лессовой супеси, перекрытой каменным панцирем. Форма насыпи в профиле уплощенно-полусферическая. Длина основания грунтового заполнения вторичной насыпи в профиле составляет 5,2 м, высота 0,45 м. Толщина каменного панциря вторичной насыпи, сооруженного из рваного плитнякового камня, не превышает 0,3 м. Общая длина вторичной насыпи по основанию составляет 6,5 м, высота 0,7 м. Граница между материковым грунтом и грунтом насыпи вторичной насыпи определяется, как по основанию каменной опоры, так и по прослойке серой супеси, зафиксированной в восточной части основания вторичной насыпи. Толщина прослойки серой супеси до 0,05 м, длина прослойки от восточного края каменного панциря составляет 1,1 м.

Над вторичной насыпью в профиле расположено грунтовое заполнение основной насыпи уплощенно-полусферической формы, представленное темно-коричневым суглинком. В западной части профиля граница между материковым грунтом и грунтом основной насыпи маркируется тонкой прослойкой белесого суглинка толщиной до 0,04 м. Полоса белесого суглинка слабо заметна и прерывиста. Фрагментарно фиксируется от восточной границы панциря вторичной насыпи до восточного основания панциря основной насыпи. Толщина грунтового заполнения основной насыпи в профиле по радиальной линии составляет более двух метров, длина по основанию — 19 м.

По внешним краям основной насыпи прослежены фрагменты каменного панциря, сложенного из рваного плитнякового камня. Толщина каменного панциря в профиле достигает 0,5 м, длина по основанию 22 м. Верхняя часть каменного панциря разрушена, расстояние между сохранившимися вершинами западной в восточной части составляет 10,2 м. Длина сохранившейся части каменного панциря в восточной части профиля, по горизонтальной линии, составляет 7 м, высота по вертикальной линии до 1,8 м. Длина сохранившейся части каменного панциря в западной

части профиля по горизонтальной линии составляет 4,7 м, высота по вертикальной линии до 1,2 м.

По внешнему нижнему основанию каменного панциря зафиксировано наличие «опорной кольцевой выкладки» под основание каменного панциря основной насыпи. Опорная кольцевая выкладка была сооружена из плоских плит сланцевой породы камня размерами до 0,5×0,3×0,15 м.

Поверх остатков каменного панциря зафиксирован слой темно-коричневого гумусированного суглинка, сформировавшимся в процессе оплыва насыпи. В восточной части профиля слой оплыва у основания достигает 0,6 м. В западной части профиля слой оплыва у основания насыпи не превышает 0,4 м, остальной верхний пестрый грунт набросан в процессе прокладки объездной дороги (рис. 2.1).

Южный профиль (рис. 2.1). Длина профиля 24 м, высота 2,3 м. Материковый грунт в профиле представлен двумя видами грунта. Граница материкового грунта проходит по основанию профиля, где верхний слой материкового светло-коричневого лессового суглинка толщиной 0,6 м переходит в крупную плотную супесь с камнем щебнистой фракции.

В центральной части профиля выявлена первичная, насыпь кургана полусферической формы. Грунт насыпи представлен темно-коричневой лессовой супесью, перекрытой каменным панцирем. Длина основания грунтового заполнения первичной насыпи в профиле составляет 3,25 м, высота 0,95 м. Толщина каменного панциря первичной насыпи, сооруженного из рванного плитнякового камня, достигает 1,2 м у западного основания. Общая длина первичной насыпи по основанию составляет 5,5 м, высота до 1,3 м в центральной части. Верхняя часть каменного панциря первичной насыпи частично обрушена.

Над первичной насыпью в профиле расположено грунтовое заполнение вторичной насыпи полусферической формы, представленное также темно-коричневой плотной супесью. Толщина основного грунтового заполнения вторичной насыпи в профиле полуметра, длина по основанию составляет 7,8 м. Толщина каменного панциря вторичной насыпи, сооруженного из рванного плитнякового камня, достигает 0,35 м. Общая длина вторичной насыпи по основанию составляет 9,2 м. Верхняя часть каменного панциря вторичной насыпи частично обрушена.

По обе стороны от панциря вторичной насыпи в профиле прослеживается грунтовое заполнение основной насыпи уплощенно-полусферической формы. Основной грунт представлен темно-коричневым суглинком. Толщина слоя основной насыпи по радиальной линии превышает 2,5 м, максимально сохранившаяся высота 1,8 м.

По внешним краям основной насыпи прослежены фрагменты каменного панциря, сложенного из рваного плитнякового камня. Толщина каменного панциря в профиле достигает 0,25 м, длина по основанию 23 м. Верхняя часть каменного панциря разрушена. Расстояние между сохранившимися вершинами западной в восточной части составляет 12,5 м. Длина сохранившейся части каменного панциря в восточной части профиля, по горизонтальной линии, составляет 5,2 м, высота по вертикальной линии до 1,4 м. Длина сохранившейся части каменного панциря в западной части профиля по горизонтальной линии составляет 5,1 м, высота по вертикальной линии до 1,2 м.

По внешнему нижнему основанию каменного панциря зафиксировано наличие «опорной кольцевой выкладки» под основание каменного панциря основной насы-

пи. Опорная кольцевая выкладка была сооружена из плоских плит сланцевой породы камня размерами до 0,5×0,3×0,15 м.

Поверх остатков каменного панциря зафиксирован слой темно-коричневого гумусированного суглинка, сформировавшимся в процессе оплыва насыпи. В восточной части профиля слой оплыва у основания достигает 0,5 м. В западной части профиля слой оплыва у основания насыпи не превышает 0,25 м (рис. 2.1).

Погребальная конструкция (рис. 2.2, 3.2). Контур могильной ямы выявлен в южной части центральной траншеи на глубине 0,6 м от уровня погребенной поверхности. Верхний слой материкового грунта до глубины 0,6 м от уровня погребальной поверхности представлен светло-коричневым лессовым суглинком, нижний слой представлен крупной плотной супесью с камнем щебнистой фракции. Контур пятна зафиксирован на границе изменения материковых слоев. В плане представлен прямоугольной формой с заovalенными углами, вытянут по линии восток-запад. Длина могильной ямы 4,5 м, ширина 2,05 м. С северо-западного угла могильной ямы на ЗСЗ отходит линза темно-коричневой супеси длиной 2,3 м, шириной 1,2 м. На западном краю линзы зафиксирована кость конечности мелкого рогатого скота (?). Еще одна линза шириной 1 м уходит в северную сторону от центра могильной ямы на 3 м. Заполнение северной линзы представлено темно-коричневой супесью.

Дромос (рис. 2.2, 3.2). Разбор западной линзы выявил три ступеньки, в плане полукруглой формы. С верхней ступени на вторую перепад составил 0,55 м, а каждая последующая ступенька расположена на 0,3–0,35 м ниже предыдущей. На каждой ступеньке расчищены костные останки мелкого рогатого скота, представленные ребрами, фрагментами костей конечностей и позвонками. Всего, учитывая дно могильной ямы и уровень фиксации контура могильной ямы, выявлено 5 ступеней. Длина каждой ступеньки составила 0,7–0,9 м при ширине проема дромоса от 1,25 м с плавным сужением ближе к могильной яме до 0,9 м. Общая зафиксированная длина дромоса составила 2,2 м. Нижняя ступень с глубины 1,6 м от уровня погребальной поверхности завалена округлыми камнями диаметром до 0,3 м. Граница дромоса и могильной ямы перекрыта горизонтальными плитами, уложенными один на другой (рис. 2.2, 3.3).

Могильная яма (рис. 2.2, 3.2). В процессе разбора могильной ямы в южной части на глубине 0,75 м от уровня погребальной поверхности выявлен фрагмент трубчатой кости погребенного. На глубине 1,4 м от уровня погребальной поверхности вдоль северной, южной и западной стен могильной ямы зафиксированы линзы древесного тлена на материковой поверхности, образующие «запличики», сокращающие ширину могильной ямы до 1 м, а длину до 4 м. В северо-западной части могильной ямы с глубины 1,3 м от уровня погребальной поверхности, расчищены плиты из сланцевой породы камня размерами до 0,8×0,3×0,1 м, уложенные горизонтально один на другой по линии ЮЗ–СВ с западного на северный заплечик. С глубины 1,35 м вдоль северного длинного заплечика расчищены каменные плиты из сланцевой породы камня, размерами до 1,1×0,35×0,15 м, установленные вертикально под углом 45° в ряд с центральной частью дна могильной ямы, до угла уступа северного заплечика. Всего прослежено порядка восьми плит. Ещё минимум четыре плиты откинута в обратную сторону под противоположным углом или опрокинута горизонтально. Также, на дне могильной ямы, хаотично разбросаны более мелкие фрагменты каменных плит сланцевой породы. Практически на всех камнях с верхней стороны прослежен древесный тлен толщиной до 2,5 см, включая откину-

тые на уступ южного заплечика и горизонтально опрокинутые плиты (рис. 3.4). Напротив откинутых в южную сторону каменных плит подбоя, в северной стенке могильной ямы выявлен и расчищен грабительский лаз, идущий в могильную яму с северной стороны.

Грабительский лаз (рис. 2.2, 3.2). Общая длина линзы грабительского лаза до северной границы могильной ямы составляет 3,1 м, ширина основного коридора до 1,15 м. В процессе разбора грабительского лаза, в северной части на глубине 1,05 м от уровня погребенной поверхности зафиксирован фрагмент нижней челюсти животного (лиса?). Вдоль восточного края грабительского лаза на глубине 1,05 м от уровня погребенной поверхности зафиксирована кость конечности животного. Дно входного коридора грабительского лаза зафиксировано на глубине 1,6 м от уровня погребенной поверхности. Северный край грабительского лаза, совпадающий по контуру расположения с панцирем первичной насыпи, заполнен камнями. Южная граница грабительского лаза в 0,8 м, от северной границы могильной ямы, плавно понижается до дна могильной ямы, сужается до 0,6 м и несколько отклоняется в юго-восточное направление.

После разбора каменной закладки могильной ямы, вдоль северной стенки расчищен небольшой плавный подбой длиной 1,7 м, высотой 0,4 м и глубиной у дна до 0,25 м. На дне подбоя расчищены разбросанные фрагменты черепной коробки, позвонков, фаланги ног, ребра и кость голени. Тут же зафиксировано скопление костей грызуна. Западное начало подбоя расположено в 0,6 м от западной стенки могильной ямы, восточный край подбоя разрушен траншеей, уходящей в северную сторону. Дно могильной ямы зафиксировано на глубине 2,25 м от уровня погребенной поверхности.

Таким образом, в результате проведенных научно-исследовательских работ на кургане, полностью прослежены конструктивные особенности насыпи, заключающиеся как в общих характеристиках, включающих трехэтапное возведение надмогильного сооружения, так и редкие особенности, представленные специфически выполненной опорой под основанием каменного панциря основной насыпи. Большой интерес вызывает погребальный комплекс, включающий широкую комбинацию элементов, представленных: сложной могильной ямой с заплечиками с трех сторон и бревенчатым перекрытием; дромосом со ступеньками с северо-западного угла и запечатанным каменными плитами входом в могильную яму; подбой у северной стенки с каменным перекрытием. Зафиксировать положение погребенного не удалось вследствие полной переотложенности костных останков. Однако, несмотря на более традиционную для данного региона и времени «западную» ориентировку, направленная корректировка грабительского лаза в восточную сторону могильной ямы и направление дромоса дают основание предполагать восточную ориентировку погребенного.

В 2013 г. на юго-западной окраине города Алматы были проведены аварийные археологические исследования на курганном могильнике Аксай. Курганы расположены в урочище Курсай у восточного основания хребта, являющегося частью северных отрогов Заилийского Алатау и являющегося водоразделом между реками Аксай и Тастыбулак (рис. 1.2).

Могильник состоял из трех курганов раннего железного века, расположенных цепочкой по линии северо-восток – юго-запад. На момент ревизии надмогильные сооружения всех трех курганов были повреждены в процессе хозяйственного ос-

воения территории и частично включены в секторы частных участков. Научно-исследовательские работы проведены на курганах № 1 и № 2.

Центральный курган №1, диаметром 20 м, высотой 1,1 м. Насыпь полусферической формы, сложена из земли и камня, поверхность полностью повреждена бульдозером. У западного основания надмогильного сооружения проходит забор частного участка. На западной стороне насыпи установлена временная хозяйственная постройка. По южной части насыпи проходит фундамент забора, в разрезе траншеи которого прослеживается каменная крепида из крупного окатанного галечника (рис. 4.1-2).

Насыпь кургана была разбита на две перпендикулярные бровки шириной 60 см каждая. С поверхности насыпи был снят верхний дерновый слой, расчищена и инструментально зафиксирована каменная крепида.

Надмогильное сооружение (рис. 4.1-2, 6.1). Основная насыпь кургана по внешнему основанию укреплена кольцевой каменной выкладкой (рис. 4.1-2, 6.1-2). Полоса каменной крепиды, шириной 2–2,5 м, состояла из окатанных валунов овальной формы (до 40×40 см), была уложена под углом 45° к центру насыпи. Основание крепиды частично разрушено корневой системой посаженных вокруг деревьев Красного клена (лат. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Acer rubrum](https://ru.wikipedia.org/wiki/Acer_rubrum)). Небольшое деревце произрастало в северо-западном секторе кургана. Лучше всего сохранился северо-восточный сектор. В этой части при расчистке найден фрагмент шейки керамического сосуда с чуть отогнутым наружу и заovalенным венчиком. Ширина стенки до 0,8 см. Снаружи следы нагара. Размеры фрагмента до 5×3,7 см. Юго-восточная часть крепиды повреждена и камни на этом участке расположены без системы. В южной части крепиды повреждена фундаментом участка №1 (24 сотки), в западной части фундаментом участка №2 (10 соток). После расчистки было выявлено, что насыпь имела овальную форму диаметром 21×25 м и вытянута по линии З–В. В профиле насыпь имеет общий уклон с ЮЗ на СВ, высота крепиды по вертикальной линии не превышает 1 м.

В процессе снятия каменной конструкции и разбора земляной насыпи, в северо-западном секторе на глубине 30 см от верхнего уровня крепиды найдено два фрагмента керамики, представленных стенкой и шейкой сосуда с прямым уплощенным венчиком. Толщина стенок 0,5 см со следами нагара с внешней стороны. Размеры фрагментов 6×4 и 3×2,5 см соответственно. Тесто хорошо промешанное, крупнозернистое с равномерным высокотемпературным обжигом. Там же на уровне погребенной поверхности обнаружена наклепная ручка керамического казана в виде полукруглого уступчика под углом 45° относительно фрагмента стенки сосуда. Внешний край налепа слегка уплощен. Высота ручки 3 см, отступ 3 см, толщина 1 см (рис. 6.5.3).

В юго-западном секторе на уровне основания крепиды найдено три фрагмента керамического сосуда, среди которых шейка сосуда с прямым заovalенным венчиком и следами нагара на внешней стороне (рис. 6.5.7.8). Толщиной стенок фрагментов до 0,6 см, размеры до 3×2 см. На уровне погребенной поверхности найден фрагмент наклепной ручки керамического сосуда с толщиной стенки 0,7 см. Ручка выполнена из квадратной в сечении ленты 2×2 см с заovalенными углами (рис. 6.5.1). Налеплена вертикально в форме ушка высотой 5 см и отступом от стенки до 3,5 см, образуя отверстие диаметром 0,7 см.

В центральной части надмогильной конструкции выявлен и зачищен каменный панцирь первичной насыпи, сложенный из окатанных валунов овальной формы длиной до 50 см. Лучшая сохранность панциря наблюдается в северо-западном секторе. В северо-восточном секторе зафиксировано небольшое повреждение панциря, выражающееся в отсутствии валунов. В центральной части прослежено разрушение, образовавшееся вследствие проседания грунта могильной ямы. У основания юго-восточной части зафиксирован небольшой прокол. В плане панцирь округлой формы диаметром 7 м, в профиле полусферической формы высотой 70 см от уровня погребенной поверхности.

Стратиграфические наблюдения профилей надмогильной конструкции позволяют проследить этапы её сооружения. Сначала, над погребением была возведена первичная насыпь, с использованием грунта, извлеченного в процессе подготовки могильной ямы, перекрытая слоем окатанных валунов образующих панцирь первичной насыпи. Затем, возведена вторичная земляная насыпь из коричневой супеси, перекрытая по основанию, для предотвращения её расползания, слоем окатанных валунов, образующих каменную крепиду. Слой темно-серого тяжелого суглинка, расположенный в структуре вторичной насыпи под каменной крепидой образовался позднее, в процессе естественной прессовки и высокой концентрации влаги. Верхний слой светло-серой супеси образовался также позднее, в результате образования гумуса и повышенной концентрации органических веществ. При разборе каменного панциря первичной насыпи и покрытой им земляной насыпи из пестрого суглинка, на уровне погребенной поверхности зафиксирована глиняная обмазка толщиной до 5 см. В центральной части обмазка отсутствовала.

Могильная яма (рис. 5.1-2, 6.3). Могильная яма выявлена в центральной части надмогильного сооружения на глубине 15 см от уровня погребенной поверхности. Линза могильной ямы овальная в плане, вытянута по линии З-В с небольшим отклонением по часовой стрелке, длиной 3,7 м и шириной 2,5 м. С целью определения стратиграфии могильной ямы сначала была разобрана восточная, а затем западная части. Заполнение ямы – тяжелая коричневая супесь до глубины 1,1 м от уровня погребенной поверхности (далее все глубины), ниже – белесый суглинок. По всему периметру могильной ямы в структуре заполнения выявлены небольшие окатанные валуны. На глубине 0,5 м в восточной части могильной ямы найден фрагмент налипной полукруглой ручки, в виде уступчика под углом 45° к стенке керамического казана. Фрагмент стенки размерами 5,5×4,5 см, толщиной до 1 см. Ручка толщиной 1 см у края и расширяющаяся к стенке сосуда. Внешний край орнаментирован оттиском цилиндрической палочки диаметром 0,7 см, шагом в 1,5 см (рис. 6.5.2). На глубине 0,8 м найден фрагмент шейки сосуда с прямым, уплощенным венчиком. Толщина стенки до 0,7 см, снаружи следы нагара. Размер фрагмента 9,5×6 см (рис. 6.5.5). На глубине 1,6 м обнаружены три керамических фрагмента, представленных стенками сосудов толщиной до 0,7 см со следами нагара с внешней стороны и двумя фрагментами шеек с прямым уплощенным венчиком. Первый, толщиной 0,6 см с орнаментом на внешней стороне в виде двух горизонтальных линий из оттисков краем треугольного штампа с заovalенным углом шириной до 1 см и шагом в 1,5 см (рис. 6.5.4). Второй – фрагмент шейки толщиной 0,5 см с качественным равномерным обжигом.

Начиная с глубины 0,65 м от уровня погребенной поверхности, выявлены фрагменты плохо сохранившихся деревянных плах и единичные валуны размерами до

30 см в диаметре. В центральной части могильной ямы на глубине 0,8 м зафиксирован фрагмент лучевой кости. Вдоль южной стороны ямы с глубины 0,9 м выступает ступенька материкового грунта, представленного на указанной глубине светло-желтым суглинком с карбонатными включениями. Ширина ступеньки в центральной части до 30 см, плавно сужается к стенке могильной ямы. Локальные скопления валунов размерами до 50 см зафиксированы в слое белесого суглинка с глубины 1,3 м от уровня погребальной поверхности. Еще один фрагмент кости плохой сохранности с розовым оттенком выявлен в северо-восточной части могильной ямы на глубине 1,65 м. На глубине 2 м в южной части заполнения ямы зафиксированы фрагменты деревянного перекрытия, после чего была зафиксирована стратиграфия могильной ямы и разобрана западная часть, при разборе которой, также выявлено скопление крупных валунов. На глубине 0,6 м в западной части могильной ямы найден кусочек бронзовой пластины с окисью размерами до 1 см, толщиной 0,15 см.

В центральной части могильной ямы на глубине 2,2 м от погребальной поверхности, расчищена стенка деревянного перекрытия сооруженного из вертикально установленных поленьев диаметром до 12 см. Южная половина погребального комплекса забутована окатанными валунами длиной до 50 см.

После разбора каменной забутовки и вертикального деревянного перекрытия зафиксированы полы южной половины погребальной конструкции, покрытые древесным тленом от жердей на материковом грунте, представленном светло-желтым суглинком. Пятно линзы древесного тлена 3,95×1,3 м. Высота вертикальных жердей фрагментарно фиксировалась до 0,7 м. Вследствие плохой сохранности деревянного перекрытия, остатки древесины извлекались вместе с валунами их спрессовавшими.

В северной половине погребальной конструкции грунт заполнения разнородный, представлен линзами тяжелой коричневой супеси, белесым суглинком и пластами материкового светло-желтого суглинка с крупными окатанными валунами на порядок с меньшей концентрацией, нежели в южной половине.

Погребение (рис. 5.1, 6.3). В северо-западной части могильной ямы на глубине 1,7 м зафиксирован крупный пласт материкового грунта. В северо-восточной части на указанном уровне расчищены фрагменты останков погребенного. В области черепа у восточной стенки могильной ямы выявлен неглубокий подбой, плавно отходящий от стенки до 0,35 м, при этом и череп погребенного и смещенные тазобедренная кость с фрагментами ребер частично захватывают пространство подбоя.

Анатомическое положение наблюдается у костей рук и черепа, при этом погребенный уложен на правый бок и ориентирован головой на восток, а лицо направлено в северную сторону. Судя по расположению костей погребенного, он был уложен несколько под наклоном с восточной в западную сторону. Тазобедренная кость, позвонки и фрагменты ребер не имеют анатомического порядка и смещены на уровень черепа позади погребенного. Здесь же зафиксирован фрагмент керамики (рис. 6.5.6). Руки погребенного, представленные фалангами пальцев рук, были, вероятно, уложены вытянуто вдоль тела. Среди костей фаланг пальцев выявлена окись загнутой бронзовой проволоки толщиной 0,2 см, диаметром 1,8 см, являющаяся остатком округлого кольцевого изделия. После расчистки северо-западной части могильной ямы, покрытой материковым грунтом, были выявлены кости ног погребенного, расположенные в анатомическом порядке. Положение ног соответ-

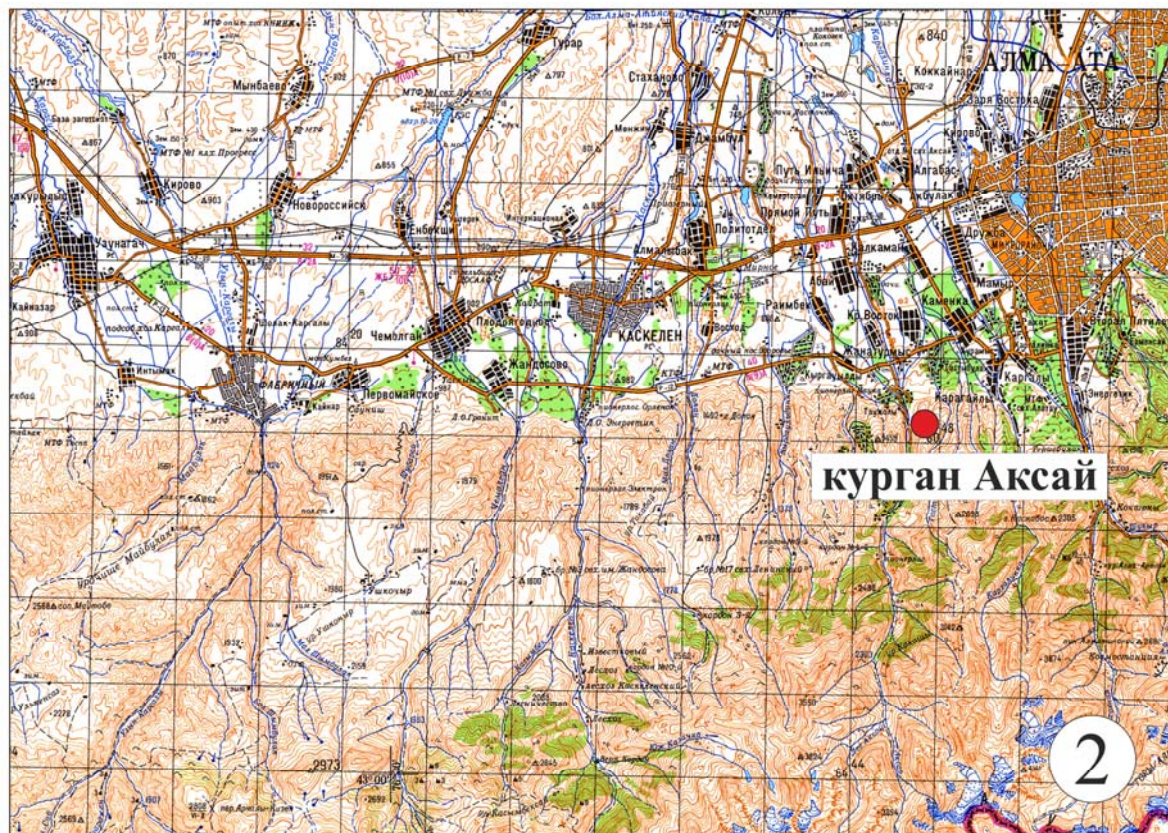
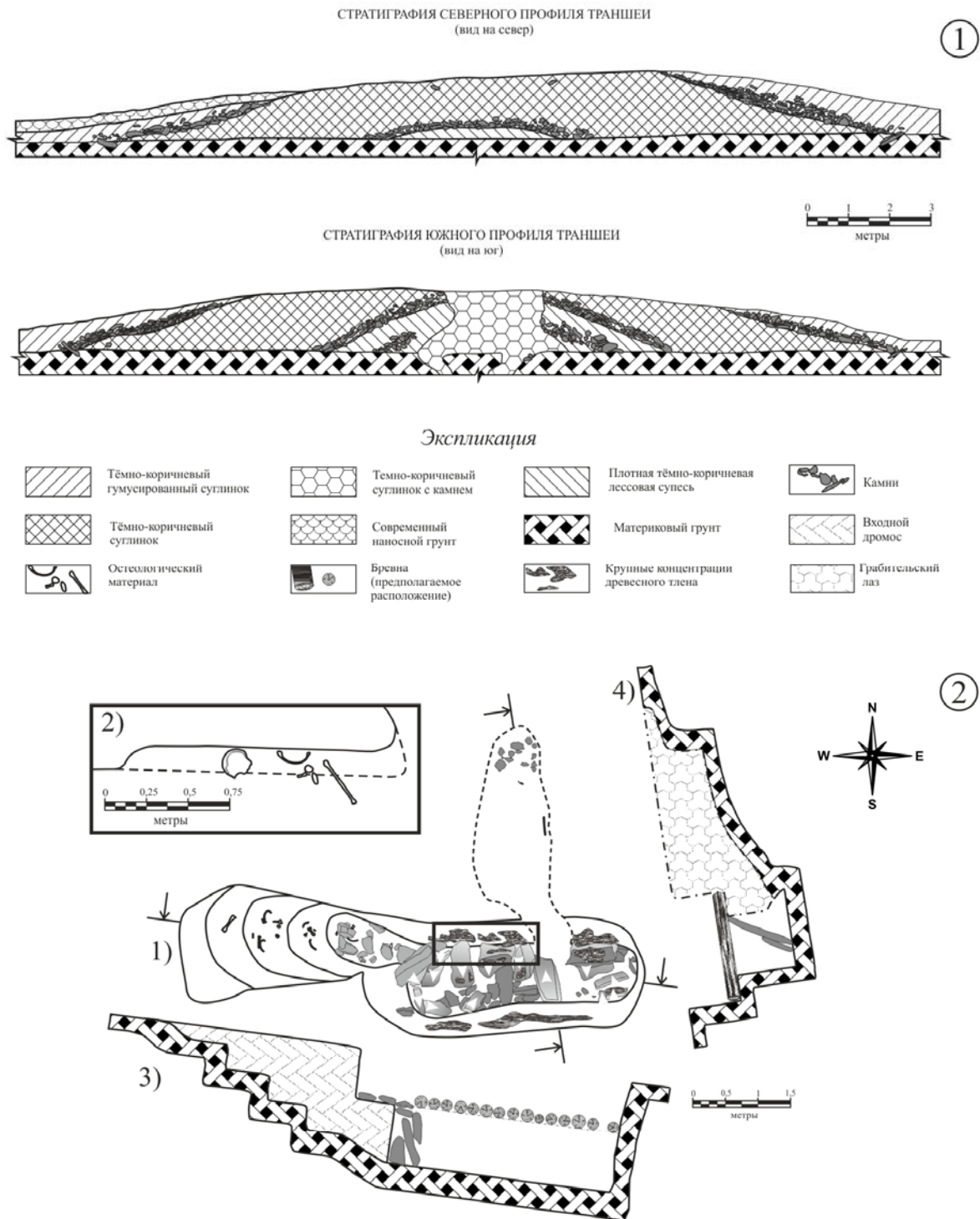

Рис. 1. 1 – регион исследования кургана Кызылагаш; 2 – регион исследования кургана Аксай

- 1) Общий план элементов конструкции погребального комплекса.
- 2) Фрагмент плана погребального комплекса отражающий подбой с фрагментами костей погребенного.
- 3) Продольный вертикальный разрез погребальной конструкции с элементами реконструкции.
- 4) Поперечный вертикальный разрез погребальной конструкции с элементами реконструкции и грابتельским лазом.

Рис. 2. Курган Кызылагаши: 1 – стратиграфия кургана; 2 – план погребения

Рис. 3. Курган Кызылагаш. Фотоиллюстрации: 1 – каменное кольцообразное основание кургана в профиле; 2 – могильная яма с грабительским лазом; 3 – перегородка между дромосом и могильной ямой; 4 – древесный тлен от деревянного перекрытия могильной ямы

вует ориентировки и положению погребенного, при этом ноги чуть согнуты в коленях.

При разборе стенок могильной ямы до материкового грунта форма в плане приобрела подпрямоугольную форму с заваленными углами. Размеры могильной ямы также скорректированы, длина составила 3,96 м, ширина 2,52 м. Вертикальные деревянные жерди в центральной части погребальной конструкции были посажены в материковый грунт на 10–15 см, что удалось зафиксировать при его зачистке, они, судя по результатам исследования, отделяли входную яму в южной половине и подбойное погребение в северной половине погребальной конструкции (рис. 5.2, 6.4).

Аналоги. Курганы Кызылагаш и Аксай объединены в один тип по конструктивным особенностям и элементам погребального обряда – многослойной структуре насыпи, подбойному устройству погребения и восточной ориентировке погребенных. Отличия состоят в том, что в структуре насыпи кургана Кызылагаш наблюдаются три слоя каменной обкладки (обкладка надмогильной конструкции, средний каменный слой и каменный панцирь), а в кургане Аксай два слоя (над ядром насыпи и каменная рубашка-крепида). Дромос в кургане Кызылагаш имел вид небольшого ступенчатого коридора, а в Аксае представлен стандартным для подбоя колодцем могильной ямы.

Выявленные признаки позволяют отнести оба памятника к кругу, выделенных А.К. Акишевым и М. К. Хабдулиной для Семиречья, т.н. «многослойных курганов». Авторы обосновывают культурное своеобразие данной группы на основании материалов кургана №1 могильника Бериктас, кургана №12 могильника Беткайнар,

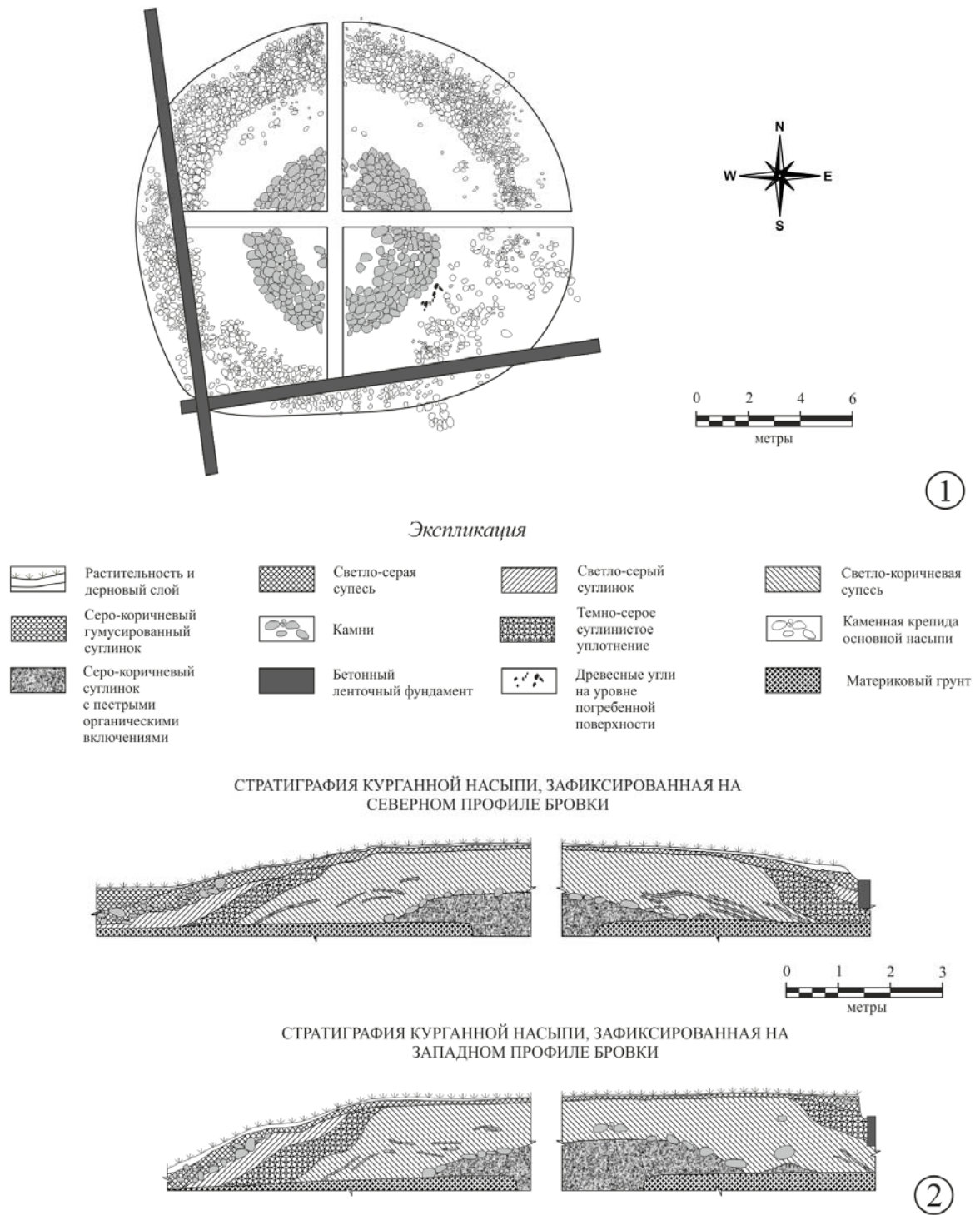

Рис. 4. Курган Аксай: 1 – план насыпи; 2 – стратиграфия кургана

крупных курганов могильника Талгар и ряда других памятников. В перечень включается курган, исследованный в 2017 году у с. Долан. По кургану Бериктас она датируется в хронологических рамках I в. до н.э. – II в. н.э. Основная часть известных на сегодня курганов указанного типа расположена от перевала Кордай на западе до п. Талгар на востоке, вдоль северных предгорий Заилийского Алатау, таким обра-

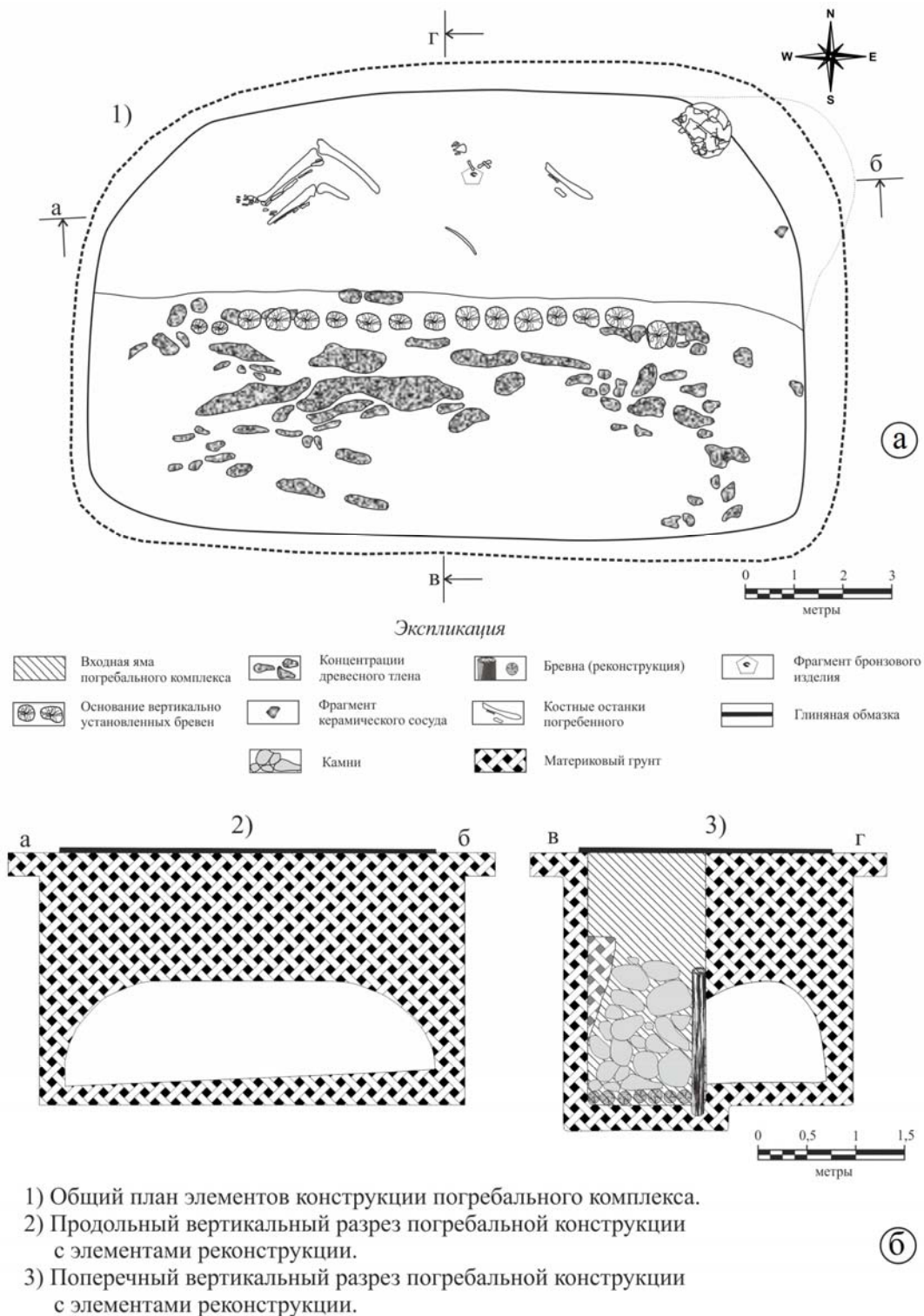

Рис. 5. Курган Аксай: а – план могильной ямы; б – реконструкция подбоя

зом, включенный в нее курган Кызылагаш выделяется своим расположением вдали от основного ареала.

Наиболее близкой стратиграфией к кургану Кызылагаш обладают большие курганы, исследованные в 1973, 1974 и 1976 гг. на могильнике Талгар. Всего раскопа-

Рис. 6. Курган Аксай: а – вид на центральную каменную конструкцию; б – стратиграфия; в – могильная яма; г – дно подбойной ниши с деревянной обкладкой; д – 1–8 фрагменты керамики

но 6 курганов, средним диаметром 18–56 м и высотой 1,2–4,5 м. Насыпи курганов, как отмечает А. Г. Максимова, однотипны, они состоят из грунтового ядра обложенного камнем, двух–трех чередующихся земляных и каменных слоев. Сверху курганы имели каменную «рубашку» (Максимова, 1980. С. 114–122).

Стратиграфия аксайского типа зафиксирована при исследовании курганов на могильниках Бериктас, Беткайнар, Долан. Насыпи курганов указанного типа имели стандартную для раннего железного века форму от полусферической до пирамидальной или усеченного конуса. Некоторые сопровождалась рвами. Центральная, надмогильная часть, представляла собой грунтовое сооружение, обложенное камнем. Далее чередовались грунтовые и каменные слои, в ряде случаев только грунтовые. В крупных курганах могильника Талгар и кургане Кызылагаш фиксировалось до 3-х каменных прослоек. Внешняя часть курганов облицовывалась камнем полностью или частично в виде «рубашки». Погребальные конструкции были устроены в виде широких прямоугольных могильных ям, длиной от 2,1 до 4,5 м, шириной от

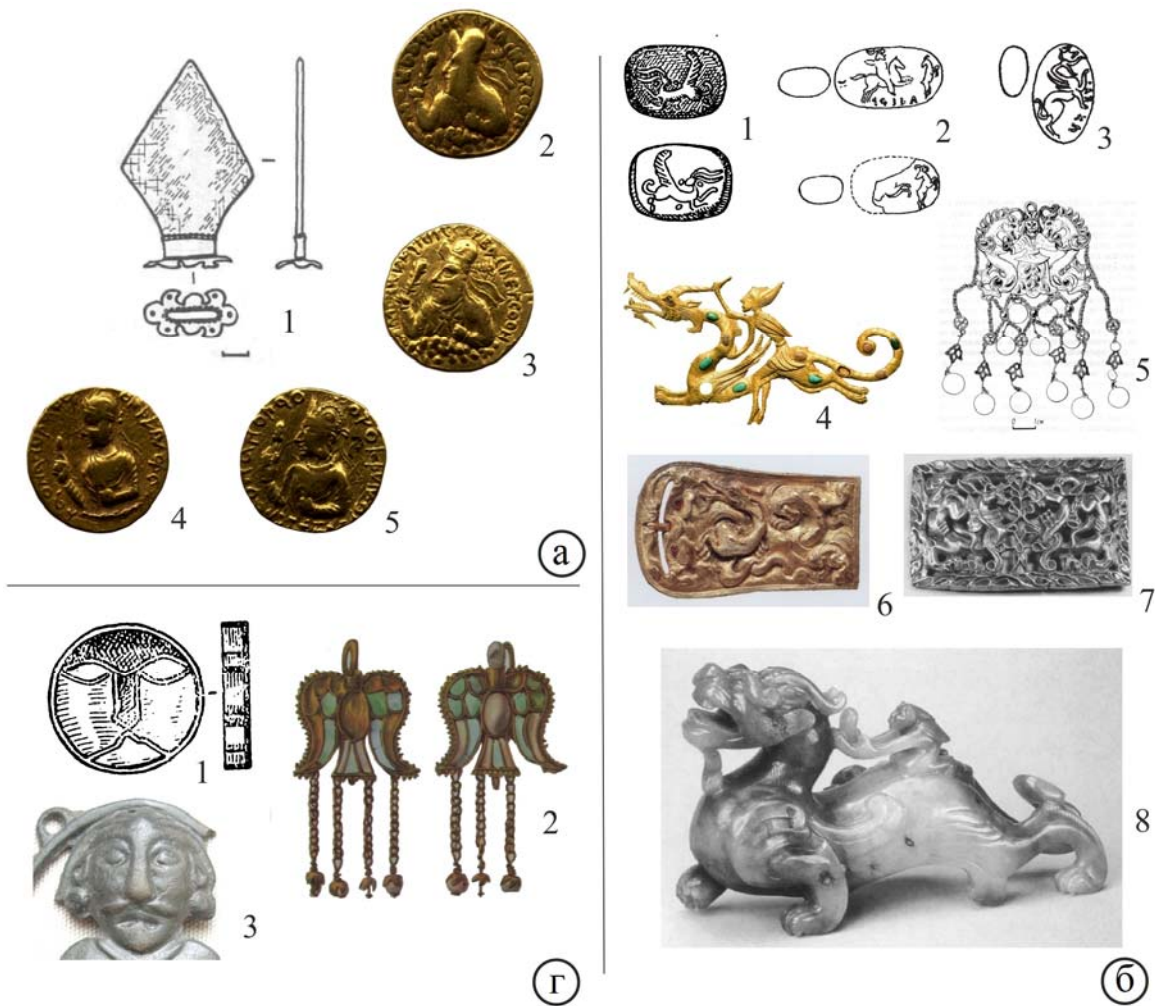

Рис. 7. Предметы из курганов Бериктас и Талгар с аналогиями:

А – бронзовое навершие и его аналогии: 1а – бронзовое навершие. Курган №1 могильник Бериктас (II в. до н.э. – I в. н.э.); 2–3. Золотые монеты Вимы Кадфиза (110–127 гг.). Кушанская империя. Индийский чекан. Регистрационные номера: 1894,0506.4; 1894,0506.3 (*The British Museum...*, 2020); 4–5. Золотые монеты Хувишки (150–190 гг.). Кушанская империя. Индийский чекан. Регистрационные номера: 1879,0501.50; 1888,1208.546 (*The British Museum...*, 2020); **Б** – печать и аналогии: 1б – глиняная печать из кургана №4. Могильник Талгар; 2б – два оттиска печатей из Старой Нисы. Тип 5 и 8. Парфянское царство (II – I вв. до н.э.); 3б – оттиск печати из Старой Нисы. Тип 25. Парфянское царство (III – I вв. до н.э.); 4б – всадник на драконе. Деталь каргалинской пластины (II – I вв. до н.э.); 5б – подвески «государь-драконоборец» (погребение 2). Тиллятепе. Кушанская империя (I в. до н.э.); 6б – поясная пряжка с изображением дракона. Китай (I в. до н.э. – I в. н.э.); 7б – поясная пряжка с изображением двух драконов. Северный Китай, Даодуньцзы, округ Тунсинь, Нинся (II – I вв. до н.э.); 8б – всадник на драконе. Нефритовая статуэтка. Династия Хань (II – I вв. до н.э.); **Г** – бляшка-личина и аналогии: 1г – бляшка-личина в технике перегородчатой инкрустации. Курган №6. Могильник Талгар (II в. до н.э. – I в. н.э.); 2г – золотая подвеска в виде птицы в технике перегородчатой инкрустации. Могильник Тулхар (II – I вв. до н.э.); 3г – лицо мужчины. Деталь бронзового изделия. Северный Китай. Ордос (II – I вв. до н.э.).

1,5 до 2,6 м, перекрытых бревенчатым накатом, часто стенки ям обложены камнем или деревом. Глубина могильных ям от 0,8 до 2,5 м. В двух случаях в могильных ямах фиксировалось наличие специальных ниш (Беткайнар) или полуподбоев (Кызылагаш), в ситуации с курганом Аксай имел место быть классический подбой. Ориентировка ям, в основном, по линии запад-восток, в одном случае по линии ЮЮВ-ССЗ. Доминирующая ориентировка погребенных, там, где это удалось зафиксировать, головой на запад, единичные случаи на юг, СЗ, ССЗ, восток. Одним из важных признаков для выделения группы из общего числа «сакских» памятников Семиречья стало наличие с северной, ЗЮЗ, ЗСЗ стороны, дромоса коридорного типа. Он выявлен в курганах Бериктас, Беткайнар, Долан, Кызылагаш.

При исследовании курганов могильника Талгар (№5-6) были обнаружены «лазы», входящие в могильные ямы с северной стороны – 17,5 и 4 м. К. А. Акишев и М. К. Хабдулина, поднявшие хронологию этих памятников, предлагают интерпретировать их, как коридоры дромоса. Учитывая это, можно говорить, что длина дромоса могла варьироваться от 1,35 до 17,5 м, ширина 0,85 – 1,8 м, высота 1 – 1,2 м. Интересным фактом является обнаружение в придонной части могильной ямы кургана №1 могильника Бериктас скопления раковин улиток. Подобный факт зафиксирован при исследовании кургана 29 могильника Актасты и кургана у с. Долан (Максимова, 1980. С. 114–122; Хабдулина, Акишев, 2000. С. 316–328; Байпаков и др., 2011. С. 134–137; Археологическое исследование..., 2017).

Развернутый анализ хронологии, данной группы, как сказано выше, изложен в работе К. А. Акишева и М. К. Хабдулиной. Одним из основных датированных материалов выступила станковая посуда, обнаруженная в кургане Бериктас и курганах могильника Талгар. Она включала кувшины с массивным устойчивым дном, высокой узкой горловиной, лепной грушневидной формы с круглым дном. Сосуды данных типов известны в находках поселения Актобе 2 («культура Каунчи 1»), датированного I–III вв. н.э. (Хабдулина, Акишев, 2000. С. 316–328; рис. 5, 13, 16, 17; Максимова, 1980. С. 116).

Данной хронологии не противоречат другие находки из кургана Бериктас – железный, однолезвийный нож, без выделенной рукояти, биметаллическое зеркало с боковой ручкой, раковина речного моллюска, белого цвета, использованная, возможно, в виде подвески-украшения, нашивные бляшки из золотой фольги, костяные наконечники стрел, костяные ворворки в зверином стиле (Хабдулина, Акишев, 2000. С. 316–328; рис. 5, 1, 2, 8-10).

Отдельно стоит отметить бронзовое ромбовидное навершие. Предмет состоит из трех заготовок. Отдельно отлита бронзовая ромбовидная пластинка, которая по низу обернута полоской золотой фольги. К верхней части золотой оковки припаяна тонкая круглая в сечении проволока, ставшая бордюром, на который нанизана нить мельчайшей золотой зерни. При помощи еще одной золотой проволоки, пущенной по низу оковки, навершие соединено с горизонтальным фигурным основанием. Размеры изделия по осям 8×4,8 см, ширина основания 1,9 см. Авторы определили предмет, как деталь головного убора, а в качестве аналогии привели данные о рисунке головного убора на фреске гробницы эпохи Хань близ Порт-Артура (Хабдулина, Акишев, 2000. С. 316–328; рис. 5, 3).

Однако существуют более близкие культурные и хронологические параллели. Ромбовидные навершия известны в статусном костюме кушанских правителей. Они изображены на головных уборах кушанских правителей I – II вв. В частности, на

золотых статерах отчеканенных в период правления Вимы Кадфиза (110 – 127 гг.) и Хувишки (150 – 190 гг.) (Рис. 7.1.1-5) (The British Museum..., 2020).

В крупных курганах талгарского могильника, помимо керамики, были обнаружены фрагменты бронзового зеркала, железный нож, серебряная пуговица, золотые нашивки, бляшки, пронизки разных форм (более 500 шт.), стеклянные, пастовые, сердоликовые бусы (Максимова, 1980. С. 114–122; рис. 2).

В кургане №4 в области тазовых костей, с левой стороны обнаружена глиняная печатка пирамидальной формы с вдавленным рисунком на рабочей поверхности и округлым отверстием на конце для подвешивания к поясу. На щитке 1,3×1,7 см размещено изображение животного, как пишет автор с туловищем льва, головой козла, повернутой назад, и крылом, отходящим вверх от задней ноги. Хвост загнут кверху. Отгиск рельефный. Рядом лежала небольшая плоская галька в форме клюва птицы с округлым отверстием в центре (Максимова, 1980. С. 114–122; рис. 2, 10, 22–24) (рис. 7.2.1). Исследователь датирует предмет IV – III вв. до н.э., и определяет изображения как синкретический образ льва и козла, что вызывает определенные сомнения. Форма печати несомненно восходит к древнеиранской традиции, но в регионе имеются более близкие культурные и хронологические аналогии. В Старой Нисе обнаружены разнообразные отгиски печатей парфянского времени. Из череды разнообразных отгисков по размерам и форме к талгарской печати близки тип 5 и 8, овальные очертания которых приближаются к прямоугольным формам. Репертуар печатей включал разнообразные сюжеты и изображения животных – орлов, быков, оленей. На одной из печатей, относящейся к типу 25 находилось изображение драконообразного существа. Печати и оставленные ими отгиски датируются периодом II – I вв. до н.э. (Кошеленко, 2005. С. 45–56; рис. А. 5, 8; В. 25) (рис. 7.2.2-3). Идея печати такого типа могла попасть в данный отдаленный от Парфии регион в конце II в. до н.э. Известно, что во время правления Фраата (около 130 г. до н.э.) Парфия подверглась нашествию саков (сакараваки) и союзных им племен. В 128 г. до н.э. в одной из битв Фраат был разбит и погиб, в результате этого последующий правитель Артабан II, вероятно, был вынужден платить дань. В 124 – 123 гг. до н.э. он был ранен в битве с другой группой кочевников – тохарами, вероятно, да-юэчжами китайских хроник. Движение кочевников на Парфию было остановлено только к 110 г. до н.э. (Дибвойз, 2008. С. 53–56).

Облик существа отличается от парафянского дракона и находит себе аналогии в ряде других изображений, распространенных во II – I вв. до н.э. от Северного Китая до Северного Афганистана. Ближайшая аналогия — это дракон на известной каргалинской пластине, часто интерпретируемой как диадема и датируемой рубежом эр. Подобные драконы известны на подвесках с изображением «государя-драконоборца» из Тиллятепе, некрополе кушанской знати I в. до н.э. В культуре кочевников наиболее часто он встречается на предметах II в. до н.э. – I в. н.э. из Северного Китая, региона, где происходило активное взаимодействие племен – лоуфань, линьху, юечжи, сюнну с империей Хань. Например, поясная пряжка из Даодуньцзы, округ Тунсинь, Нинся и собственно китайские изображения дракона, как на нефритовой статуэтке ханьского периода (Сарианиди, 1989. С. 59–61; рис. 18; Buncker, 2002, P. 32, 112, 203. Fig. 47, 59, 82) (рис. 7.2.4-8). Перемещение крыльев в заднюю часть тела, связана с тем, что участок, где они должны были быть прорисованы, занят мордой существа, повернутой в сторону хвоста.

Другим датирующим предметом является обнаруженное в кургане №6 золотое изделие в виде щитка с бортиком по краю (в основе щитка бронзовая пластинка). На щитке изображено лицо человека. Миндалевидные глаза, прямой нос и рот выложены припаянной золотой пластинкой и заполнены разноцветной пастой: рот – красной, щеки – телесной. Аналогии автор видит в гуннских бляшках-личинах (Максимова, 1980. С. 114–122; рис. 2, 5) (рис. 7.3.1). Бляшка выполнена в технике перегородчатой инкрустации, которая использовалась кочевниками с середины I тыс. до н.э., а отдельные предметы в данной технике известны из находок в Тулхарском могильнике, некрополе Тиллятепе и других памятниках рубежа эр (Мандельштам, 1966. Табл. LIX) (рис. 7.2.5, 7.3.2). Черты личины, которые просматриваются в изделии можно сопоставить с лицом мужской фигуры, обнаруженной в Ордосе и датированной около II – I вв. до н.э. (рис. 7.3.3) (Art Serve..., 2020).

Курган №12 могильника Беткайнар. В кургане был обнаружен уникальный серебряный перстень, щиток которого округлой формы, обтянут тонкой золотой пластинкой. На щитке имеется погрудное изображение человека, обращенного вправо, в боевых доспехах – греческом шлеме и панцире, орнаментированном косыми насечками. Лицо с прямым «греческим» носом и массивной квадратной нижней челюстью. В правой руке персонажа – бутон лотоса; а в левой – предмет, напоминающий жезл. Авторы предполагают, что оттиск на золотой обтяжке на перстне сделан с подлинной монеты Евкратиды и может быть отнесен ко времени не позже середины II в. до н.э. К этой же линии культурных связей относится зафиксированное в центре длинной восточной – северо-восточной стенке, точно над нишей, в материке грубое барельефное изображение человеческого лица размером 0,9×0,6-0,65 м. Детали проработаны весьма скупно, тем не менее достаточно отчетливо «читаются» волосы (или возможно, головной убор), округлое уплощенное лицо, невысокий широкий нос, верхняя часть шеи. Изображение близко к барельефу головы бактрийского правителя из алебастра, в виде образа бородатого и усатого человека с узким длинным носом и глубоко посаженными глазами, в «храме Окса» (III в. до н.э. – III-IV вв. н.э.), расположенного у впадения р. Вахш в р. Пяндж в Таджикистане (Байпаков и др., 2011. С. 134–137).

В курганах Кызылагаш и Аксай представлены два разных варианта подбоев. В Кызылагаше это небольшая ниша в северной стенке, суженная путем формирования заплечиков могильной ямы. На уровне заплечиков яма была перекрыта деревянным накатом, а с западной стороны под небольшим углом, с отклонением к северу, в нее входил небольшой коридор дромос со ступеньками, отделенный от ямы каменным закладом. В кургане Аксай подбой выкопан так же с северной стороны, но отличался большими размерами и сделан выше дна могильной ямы. От вертикального дромоса он отделен заставкой из деревянных бревнышек. Подбой в кургане Кызылагаш имеет форму, аналогичную многим другим распространенным в Семиречье. Дно ниши с погребением находилось на одном уровне с дном могильной ямы. Он стандартно расположен в северной стенке могильной ямы и ориентирован по оси запад-восток. Каменный заклад ниши – явление достаточно ординарное, подобные заклады, к примеру, зафиксированы при исследованиях подбойных погребений в курганах могильника Курты (Агеева, 1961. С. 24).

В фундаментальной работе К. А. Акишева и Г. А. Кушаева, посвященной сакским и усуньским памятникам Семиречья, на основании анализа значительного количества раскопанных памятников, авторы приходят к выводу, что в сакский пери-

од захоронения в подбоях не встречаются, а первые подбойные погребения в Семиречье появляются в усуньское время. При этом основная их часть датируется периодом I в. до н.э. – I в. н.э. и до IV в. н.э. В основном, подбои представляют собой классические ниши в северной стенке дромоса могильной ямы, заклад осуществлялся деревянными плашками или бревнами. Выделяется около трех типов – с нишей ниже уровня дна могильной ямы, с нишей на одном уровне с дном могильной ямы и невыраженная ниша, в основном, отделенная от дромоса могильной ямы высоким закладом, поставленным наклонно от северной к основанию южной стены, т.е. закрывающих «вход» в нишу. Подбои ориентированы по оси запад-восток. Исследователи отмечают, что семиреченские подбои усуньского времени отличаются по своему устройству от среднеазиатских, распространенных в этот же хронологический период. Исследованные курганы чаще всего небольших размеров, однако, в могильнике Калкан I, судя по описанию, насыпи имеют некоторые структурные черты, сближающие их с многослойными насыпями талгарского типа – каменное или облицованное камнем надмогильное сооружение, каменные рубашки и каменные кольца внутри насыпи (Акишев, Кушаев, 1963. С. 102, 182–189, 195–196, 200–206, 211–222; рис. 24, 26, 28, 33, 34).

В кургане Аксай подбой выглядит не стандартно, он устроен не на уровне дна могильной ямы или ниже ее, но сделан выше. При этом, ниша подбоя расположена в северной стенке и имеет обычный заклад из деревянных плашек, как и во многих других подбоях усуньского времени в Семиречье. За исключением разницы уровней это достаточно типичный случай. Пол могильной ямы, в аксайском погребении устлан ориентированными по длинной оси могилы деревянными плашками. Определенную аналогию можно наблюдать в кургане №15 могильника Тайгак I (Акишев, Кушаев, 1963. С. 189–191, рис. 28).

Аналоги соотношения дна ниши подбоя и могильной ямы, при котором дно подбоя расположено выше, обнаружены значительно юго-западнее, в тулхарском могильнике, расположенном в Бишкентской долине (Северная Бактрия). Подобная планиграфическая ситуация зафиксирована в курганах групп V и VII. За исключением планировки дна, по материалу и устройству они идентичны остальным изученным в могильнике (Мандельштам, 1966. С. 37–41, 80; рис. 18–20). Коридор дромоса, выявленный в кургане Кызылагаш имел стандартные черты и был выполнен в виде ступенчатого понижения к могильной яме. От последней он был отделен каменным закладом. Дромос входил в могильную яму с запада, имея небольшое отклонение к северу. Его наличие придало конструкции очертания распространенных в Средней Азии т.н. катакомб «лявандакского» типа, в которых катакомба является продолжением дромоса. Данный тип хронологически предшествует классическим Т-образным катакомбам «кенкольского» типа. «Лявандакские» катакомбы появляются в Согде не ранее II в. до н.э. (Обельченко, 1992. С. 103–106). Верхняя дата определяется по одному из наиболее поздних по времени захоронений в кургане №2 могильника Орлат I–II вв. н.э. (Малашев, Торгоев, 2018. С. 36–52).

Погребения в курганах Кызылагаш и Аксай ориентированы головой на восток, в последнем случае скелет уложен на бок, лицом на север. Восточная ориентировка погребенных в Южном Казахстане и Средней Азии встречается совместно с подбойно-катакомбным обрядом погребения. Памятники, обнаруживающие данные признаки, распространены от рек Таласа и Чу до рек Зарафшана и Вахша. Восточная ориентировка погребенных известна в кенкольской культуре, что отмечено еще

А. Н. Бернштамом. В кургане №6 в овальной катакомбе два черепа обнаружены в восточной половине камеры, в кургане №7 зафиксирована аналогичная ситуация. В кургане №9 внутри катакомбы, на арчовые доски головами на восток были положены мужчина и женщина. В кургане №10 восточная ориентировка засвидетельствована для погребения в дромосе и двух останков в катакомбе (Бернштам, 1940. С. 5-12, 31; Табл. VII, IX, XII, XXX). Южнее могильника Кенколь в Кетмень-Тюбинской котловине, при исследовании могильника Джаныш-Булак, восточная ориентировка была обнаружена в подбойном погребении кургана №11 (Абетеков, 1977. С. 52-66). В работе Э. И. Кожомбердиевой, посвященной анализу катакомбно-подбойных могильников Кыргызстана, автор приводит статистику по разным элементам погребального обряда кенкольской культуры. Одним из таковых является ориентировка погребенных. Восточная ориентация распределяется по исследованным могильникам следующим образом: в могильниках Алмалуу – 11, Кок-Бель I – 2, Миянкол – 1, Чукурчак – 1, Кенколь – 9, Кулан-Сай – 1, Кум-Арык – 2 (Кожомбердиева, 1997. С. 19-43; Табл. 3).

А. Н. Бернштам датировал кенкольский могильник I в. до н.э. – II в. н.э. полагая, что он относится хунну, в два этапа проникшим в регион, в период Чжи-Чжишаньюя и Хоянь-вана (Бернштам, 1940. С. 31-32). Несколько позднее С. С. Сорокин пересмотрел этнокультурную принадлежность и хронологию памятника, подняв ее до II–IV вв. (Сорокин, 1956. С. 3–14). В недавно вышедшей работе, посвященной Т-образным катакомбам Средней Азии и Северного Кавказа В. Ю. Малашев и А. И. Торгоев подняли датировку до III–V вв. (Малашев, Торгоев, 2018. С. 36-52).

В Присырдарьинском регионе восточная ориентировка зафиксирована при исследовании катакомб и подбоев в курганах могильниках – Жаман-Тогай – 2, Актобе – 3, Шаушукум – 5, датирующихся рубежом эр (Максимова и др., 1968. С. 175, 193, 201-203).

Далее на юго-запад в могильниках долины Зарафшана восточная ориентация погребенных известна в памятниках, исследованных в долинах рек Атбаши и Арпа, могильнике Ширинсай, Калан-тархан, Сокулук, в погребениях исследованных в зоне строительства Туябугузского водохранилища. Она появляется на рубеже эр, ближе к I в. н.э. и постепенно становится господствующей вплоть до раннего средневековья (Обельченко, 1992. С. 104-105, 120-121, 134-135). Среди прочих памятников можно выделить знаковое погребение с восточной ориентировкой погребенной, обнаруженное в катакомбе, переходного от «лявандакского» к «кенкольскому» типу, на городище Коктепе, расположенном на правом берегу Зарафшана, в 30 км к северу от Самарканда. Авторы раскопок, на основании стеклянных бус и китайского зеркала датировали это погребение первыми десятилетиями I в. н.э. (Рапэн и др., 2014. С. 70-116).

В отношении памятников типа «Бериктас» исследователями предположены несколько разных вариантов их этнической принадлежности – саки, усунь, хунну. Об этнической атрибуции говорить преждевременно, необходима более существенная статистика, а хронологические рамки группы можно расширить от сер. II в. до н.э. – до II в. н.э.

Наблюдаемое типологическое разнообразие курганов и погребального обряда, очевидно, связано с неоднородным внутренним составом племен, включавшим близкие, но разные коллективы кочевников, к примеру, в состав государства Усунь

входило не менее трех племенных групп, в составе да-юэчжи Северной Бактрии на позднем этапе находилось пять **вождеств**, а под властью правителей Канцзюя, кроме вассального Яньцая и Лю, было пять отдельных владений.

Использованная литература:

- Абетеков К. Л. Могильник Джаньш-Булак // Кетмень-Тюбе. Археология и история. Под редакцией В. М. Плоских, Д. Ф. Винника. – Фрунзе: Илим, 1977.
- Агеева Е. И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // Труды ИИАЭ АН КазССР, 1961. Т. 12.
- Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Наука, 1963.
- Археологическое исследование северного кургана курганной группы восточнее села Долан в 2017 // [Электронный ресурс] URL: https://www.archeology.kz/ru/1548-kurgan_u_sela_dolan.html, (дата обращения: 11.04.2020).
- Байпаков К. М., Капекова Г. А., Воякин Д. А., Марьяшев А. Н. Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбыльской области. Тараз, 2011.
- Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. II. Л., 1940.
- Дибвойз Н. К. Политическая история Парфии / Пер. с англ., науч. ред. и библиографич. приложение В. П. Никонорова. С.-Пб.: Филологический факультет С.-Пб.ГУ, 2008.
- Кожомбердиева Э. И. Географическое расположение катакомбно-подбойных могильников Киргизии и учет их особенностей // Древности Евразии. Сборник статей. Отв.редакторы: С. В. Демиденко, Д. В. Журавлев. М., 1997.
- Кошеленко Г. А. Буллы Старой Нисы и Гёбеклы-депе: сопоставление // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XV. М., 2005.
- Максимова А. Г. Курганы близ Талгара // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980.
- Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары (археологические исследования в зоне чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Наука, 1968.
- Малашев В. Ю., Торгоев А. И. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // РА. №4. М.: Наука, 2018.
- Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию / Тр. Тадж. АЭ ИА АН СССР и Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. V. / МИА. №136. М.-Л.: Наука, 1966.
- Обельченко О. В. Культура античного Согда по археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. н.э. М.: ГРВЛ, 1992.
- Рапэн К., Исамиддинов М., Хасанов М. Аристократическая гробница кочевников на городище Коктепе близ Самарканда // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Том II. Самарканд: МИЦАИ, 2014.
- Сарианиди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. М.: Наука, 1989.
- Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. – Вып. 64. Ленинград, 1956.
- Хабдулина М. К., Акишев К. А. Хуннский могильник Бериктас I // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. Отв. ред. В. С. Ольховский. Сборник статей. – М.: Геос, 2000.

- Яценко С. А. Костюм женщин-воительниц у ранних кочевников. Доклад на XII конференции «Древности Востока». 30.03.2015. Москва, РГГУ // [Электронный ресурс] URL: <http://archaeologysa.su/?p=2085>, (дата обращения: 11.04.2020).
- Art Serve 2002. Ordos. // [Электронный ресурс] URL: http://artserve.anu.edu.au/raid1cdroms/england/london/museums/british_museum/sculpture/china/bronzes/ordos/, (дата обращения: 11.04.2020).
- Bunker E. C. Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and Other New York Collections with contributions by James C.Y. Watt Zhixin Sun. The Metropolitan Museum of Art. – New York: Yale University Press, New Haven and London, 2002.
- The British Museum // [Электронный ресурс] URL: <https://www.britishmuseum.org/>, (дата обращения: 11.04.2020).

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

ТРИБУНА МОЛОДОГО
ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

YOUNG RESEARCHER
TRIBUNE

УДК:

ТЎДА-1 НЕОЛИТ МАКОНИ ЙЎНИЛГИЛАРИ (2019 ЙИЛ ҚАЗИШМА МАТЕРИАЛЛАРИ АСОСИДА)

© 2021. Миролим Бердиқулов

СамДУ докторанти

Калит сўзлар: Тўда-1, неолит, учиринди, пластина, пластинка, микропластинка, ретуш, зарб майдонча, дорсал, характер, негатив, хомашё.

Мақола Жанубий Ўзбекистоннинг Бойсун тоғларидаги неолит даврига оид Тўда-1 ғор маконидан топилган тош қуролларининг техник-типология таснифига бағишланган. Тўда-1 неолит маконининг тош қуроллари кам сонли бўлсада, улар 11 хил типларга ажралади. Улар асосан пластиналар ва учириндилардан ишланган. Айрим ҳолларда қурол ясада тош плитка ёки табиий синиклардан ҳам фойдаланилган. Тўламнинг тош қуроллари орасида атипик қирғиччалар, кесгичлар, ретушланган пластиналар, ретушланган пластинкалар, ретушланган микропластинкалар, тош болта, геометрик қурол, тош бигиз, тиг, композит қурол ва ретушланган учириндилардан таркиб топган.

Тўда-1 маконида учириндилардан асосан кесгичлар, қирғиччалар ва ретушланган буюмлар ишлаб чиқарилган бўлса, пластиналарнинг аксарияти ўйиб-кертиб ишланган ва майда ретушланган қурооллар ясада фойдаланилган.

Ключевые слова: Тода-1, неолит, отщеп, пластина, пластинка, микропластинка, ретушь, ударная площадка, дорсаль, характер, негатив, сырьё.

Статья посвящается технико-типологической классификации каменных орудий неолитического грота Тода-1 в горах Байсунтау на юге Узбекистана. Несмотря на малочисленность, каменные орудия неолитической стоянки Тода-1 разделяются на 11 типов. Они, в основном, изготовлены из пластин и отщепов. Для выделки каменных орудий реже использовались каменные плитки или естественные обломки. Каменные орудия коллекции состоят из атипичных скребков, резцов, ретушированных пластин, пластинок и микропластинок. В наборе также представлены каменный топор, геометрические орудия, каменные проколки, остроконечники, композитные орудия и ретушированные отщепы. Из отщепов на стоянке Тода-1, в основном, изготавливались резцы, скребки и ретушированные предметы, большинство из пластин имеют зубчато-выемчатые края, а также они использовались для выделки орудий с мелкой ретушью.

SCRAPERS OF THE NEOLITHIC SITE TUDA-1 (Based on the excavation materials of 2019)

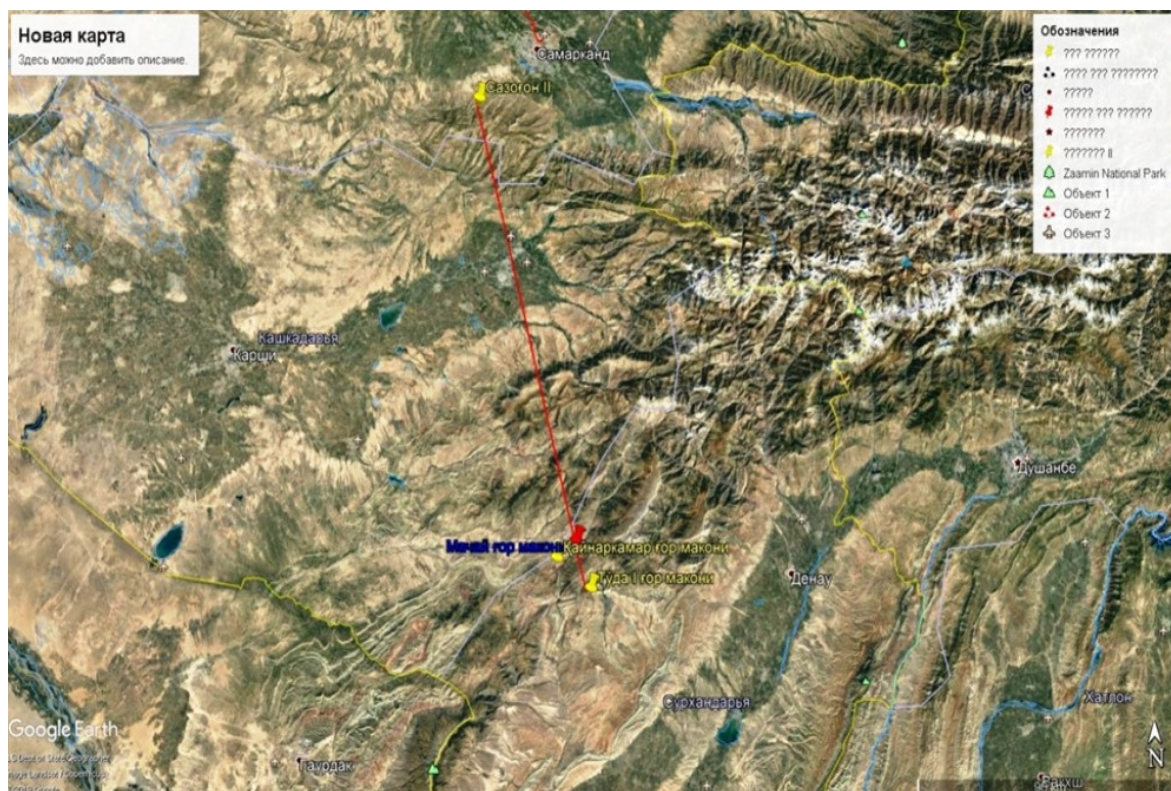
Mirolim Berdikulov

Samarkand State University

Key words: Toda-1, neolithic, flake, blade, bladelet, microbladelet, retouch, butl, dorsal, character, negativ, raw material.

The article is devoted to the technical-typological classification of stone tool found in the Neolithic cave Toda-1 in the Bajsunsky foothills of southern Uzbekistan. Although the Neolithic stone tools of Toda-1 are few in number, they can be divided into 11 different types. They are mainly made of plates and flakes. In some cases, stone slabs or natural fragments were also used in the manufacture of weapons. The stone tools in the set include atypical scrapers, cutters, retouched blades, retouched bladelets, retouched microblades, stone axes, geometric tool, stone chisels, knives, composite tool and retouched flakes. In the Toda-1 area, flakes were mainly used to make cutters, scrapers, and retouched items, while most of the blades were used to make engraved and finely retouched micro weapons.

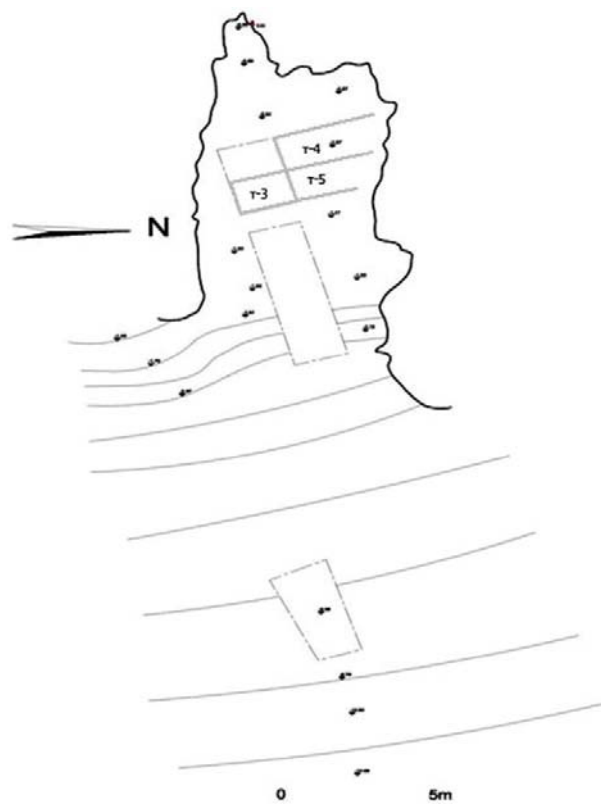
Ўзбекистоннинг жанубида жойлашган Бойсун тоғлари тош даврига оид ранг-баранг ёдгорликларга бой ҳудудлардан ҳисобланади. Бу ерда ўрта палеолит давридан бошлаб тош даврининг барча босқичларига оид маданиятлар тараққиёти ўз аксини топган. Ўрта палеолит даврига Тешик-тош, Амир Темир (Окладников, 1940. С. 67-69; Окладников, 1949. С. 7-85; Окладников, 1940а. С. 7), сўнги

1-расм. Ўзбекистоннинг тоғли неолитга оид ёдгорликлари харитаси (Тўда-1, Қайнар-Камар, Сазагон)

палеолитга Тешик-тош-2 (Деревянко и др., 2003. С. 101-105; Сайфуллаев, 2003. С. 21), Мачай-2 ва Қоронғудара, мезолит даврига Айритом, Шеробод (Парфенов, 1961. С. 61-71; Парфенов, 1962. С. 20; Парфенов, 1964. С. 37-42), Мачай ғори (Исламов, 1976. С. 1-125; Окладников, 1966. С. 44; Коробкова, 1968. С. 77; Коробкова, 1970. С. 145) ва неолит даврига Қайнар-Камар (Нишиаки и др., 2017. С. 16; Нишиаки, 2018. С. 24) ҳамда янги очилган Тўда-1 ғор (Синг, Сайфуллаев, 2018. С. 148-157) маконлари киради.

Тўда-1 ғори 2016 йилда Ўзбекистон – Хитой халқаро ҳамкорлик экспедицияси ходимларидан Ж. Синг ва У. Раҳмоновлар томонидан топилган (Синг Жоу и др., 2017. С. 7-18; Хасанов и др., 2017. С. 1-24; Хасанов и др., 2018. С. 1-38). Ёдгорлик денгиз сатҳидан 1100 м баландликда, Бойсун шаҳридан 15 км ғарбда жойлашган (1-расм). Ғор

2-расм. Тўда-1 ғори қазималари тарҳи (2019 йил учун)

оҳактошли жинслардан таркиб топган бўлиб, Бойсун тоғларининг жанубий шаҳобчаларидан бирида жойлашган. Ғорнинг кириш қисми баландлиги 3 м, эни 5 м келадиган асимметрик учбурчак шаклида бўлиб, шарққа қараган. Тўда-1 ғорининг узунлиги 15, эни эса 7 м гача етади. 2019 йилги мавсумда ғорнинг Т-1, Т-2 ва Т-3, Т-4 ва Т-5 қазишмаларида қазиш ишлари олиб борилди ва уларнинг майдони 2x3 м ҳамда репер нуқтасидан 485 см чуқурликкача етказилди (2-расм).

Қуйида Тўда-1 неолит маконидан 2019 йилги мавсумда қазиб олинган йўнилғиларнинг (учириндилар, пластиналар, пластинкалар ва микропластинкалар) техник-типологик таснифи ва уларни чақмоқлаш усуллари тадқиқ қилинади.

Асосий қисм.

Тўда-1 неолит макони учириндилари – 343 та. Тўда-1 ғоридан 2019 йилги мавсумда қазиб олинган тош буюмларнинг катта қисмини учириндилар ташкил қилади (87 %). Улар асосан майда (185 та) ва ўрта (143 та) ҳажмли учириндилар ҳисобланади (1-жадвал). Шунингдек, тўплам учириндилари орасида нуклеусларни чақмоқлашга тайёрлаш, зарб майдонларини, иш юзаларини ва бортларини янгилаш ҳамда текислашлардан ҳосил бўлган техник йўнилғилар ҳам мавжуд (37 та). Бирок техник йўнилғиларнинг катта қисмини (15 та) кучли зарб бериш натижасида вужудга келадиган Сире типидagi аксидент йўнилғилар ташкил қилади. Бундан ташқари, учириндилар синфига дебитаждан ёки ретушлашдан ҳосил бўлган паррахалар ҳам киритилди (15 та). Коллекциянинг учириндиларидан 19 тасигина иккиламчи ишлов берилиб, қуролларга айлантирилган.

Тўпламнинг учириндиларидан 137 таси (40%) зарб майдончаларини сақлаб қолган. Уларга бутун ҳамда проксимал қисми сақланиб қолган учириндилар киради. Зарб майдончаларининг характериға кўра асосий ўринни текис зарб майдончалар эгаллайди (59,1%). Шунингдек, учириндилар зарб майдончалари орасида икки фасеткали текис (8,8%), икки қиррали (8,8%) ва фасеткалаштирилганлари (8,8%) бир хил нисбатда учрайди. Бу борада кейинги поғоналарни табиий юзали (7,3%), чизиқсимон (5,1%) ва нуқтасимон (2,2%) зарб майдончали учириндилар эгаллайди (2-жадвал). Тўплам учириндилари зарб майдончаларининг 60% синиб қолган ва улар асосан табиий синган.

Дорсалларининг характериға кўра тўплам учириндиларининг ярмидан кўпроғини узунасига-субпараллел йўналишдаги дорсаллар ташкил қилади (54,2%). Демак, айтиш мумкинки, ёдгорликнинг индустриясида тошларни асосан узунасига чақмоқлаш устун бўлган. Кейинги поғонани перпендикуляр характериға эга дорсалли учириндилар эгаллайди (18,1%). Перпендикуляр дорсалли учириндилар қаторига нуклеусларнинг бортидан синдириб олинган, латералларидан бирида нуклеус зарб майдони ҳамда перпендикуляр йўнилғиларнинг бошланиш қисмларини сақлаб қолган техник йўнилғилар ҳам киритилди. Кейинги ўринларда узунасига қарама-қарши (6,1%), узунасига конвергент (1,7%) дорсалли учириндилар эгаллайди. Шунингдек, тўпламда ноаниқ дорсалли (15,2%) ҳамда табиий юзали (4,7%) учириндилар ҳам мавжуд. Тўпламда радиал марказга интилувчи ва кўп йўналишли дорсалларға эга учириндилар аниқланмади (3-жадвал). Дорсали ноаниқ учириндиларнинг аксарияти табиий моғор билан қопланган ёки ғорға қор-ёмғир сувлари кириб туриши оқибатида дефляцияға учраган йўнилғилар киритилди.

Тўда-1 ғори янги тош даври аҳолиси тош қуроллар ясаш учун хом-ашёни танлов асосида ғорнинг ён-атрофларидан ва пастроқда жойлашган сой ўзанидан

1-жадвал. Тўда-1 неолит макони учириндиларининг морфологик таснифи

Қатлам	Квадрат	Ҳажми				жами
		майда	ўрта	йирик	паррақа	
24	T-5B	4			1	5
24	T-3E	1	6			7
23	T-5B	3	5		1	9
23	T-3E	5	9			14
22	T-3E	2	4			6
22	T-5B	1	1			2
21	T-3E	4	9			13
21	T-5B	4	3		1	8
20	T-3E	15	17			32
20	T-3D	12	24		2	38
20	T-5B	24	22		3	49
19	T-5B	2	4			6
19	T-3E	14	21		1	36
19	T-5E		1			1
18	T-5A	4	15			19
18	T-5B	11	6		1	18
18	T-3E	11	7		1	19
18	T-5C	2	8		1	11
18	T-3F		2		1	3
17	T-5A	6	8		1	15
17	T-5C	2	4		1	7
16	T-5A	4				4
16	T-5	2	2			4
15	T-5	6	1			7
14	T-5		2			2
13	T-5		1			1
7	T-5	4	3			7
Жами:		143	185		15	343

2-жадвал. Тўда-1 неолит макони учириндилари зарб майдончаларининг характери

№	Тайёрланиш усули	узунасига	кўндалангига	сони	%
	Зарб майдонча типи				
1	Текис	77	4	81	59,1
2	Икки фасеткали	9	3	12	8,8
3	Икки қиррали	10	2	12	8,8
4	Фасеткалаштирилган	2	10	12	8,8
5	Чизиқсимон	7		7	5,1
6	Нуқтасимон	3		3	2,2
7	Табиий	10		10	7,3
Жами:		118	19	137	100
%		86,1	13,9		100

3-адвал. Тўда-1 неолит макони учириндилари дорсалларининг характери

№	Дорсал типи	Сони:	%
1	Узунасига	186	54,2
2	Узунасига конвергент	6	1,7
3	Узунасига қарама-қарши	21	6,1
4	Перпендикуляр	58	18,1
5	Борт нуклеус	4	
6	Марказга интилувчи	-	-
7	Кўп йўналишли	-	-
8	Табиий	16	4,7
9	Ноаниқ	52	15,2
Жами:		343	100

4-жадвал. Тўда-1 неолит макони учириндиларининг хомашё таркиби

№	Хом-ашё тури	Сони	%
1	Жигарранг кремний	24	7
2	Кремнийлашган оҳактош	231	67,4
3	Кремнийлашган сланец	1	0,3
4	Доломит	77	22,4
5	Қайроқтош	9	2,6
6	Халцедон	1	0,3
Жами:		343	100

5-жадвал. Тўда-1 неолит макони пластиналарининг хом-ашё таркиби

№	Хом-ашё тури	пластина	пластинка	микропластинка	сони
1	Жигарранг кремний	5	12	2	19
2	Кремнийлашган оҳактош	5	8	4	17
3	Сланец	-	1	-	1
4	Доломит	1	2	-	3
Жами:		11	23	6	40

6-адвал. Тўда-1 неолит макони пластиналари суппортларининг характери

№	Суппорт тури:	пластина	пластинка	микропластинка	Сони:
1	Бугун	2	4	1	7
2	Проксимал	5	10	3	18
3	Медиал	3	7	2	12
4	Дистал	1	2	-	3
Жами:		11	23	6	40

7-жадвал. Тўда-1 неолит макони пластиналари зарб майдончаларининг характери

№	Зарб майдончаларининг	Пластина	Пластинка	Микропластинка	Сони:
1	Текис	3	3	1	7
2	Икки фасеткали	2	4	1	7
3	Икки қиррали	-	2	-	2
4	Фасеткалаштирилган	1	2	1	4
5	Нуктасимон	-	2	1	3
6	Чизиқсимон	1	1	-	2
Жами:		7	14	4	25

(кремнийлашган оҳактош, доломит, қайроқтош) галка ёки плитка шаклида келтириб ишлов берганлар. Жигарранг кремний, айрим сланецлар ва халцедон жинслари ёрдан бир неча чақирим масофада жойлашган ва емирилиб кетган бўр даврига оид конлардан кичик ҳажмли галкалар шаклида олиб келганлар (4-жадвал). Бироқ кремнийли жинслар асосан пластина, пластинка ва микропластинкалар ишлаб чиқаришда фойдаланилган.

Тўдалик усталар атрофдаги тош жинсларининг сифатини жуда яхши билганлар. Айниқса, кремнийлашган оҳактошнинг ўта кучли кремнийлашганларини танлаб олганлар ва улардан кўпроқ пластинкалар ишлаб чиқарганлар.

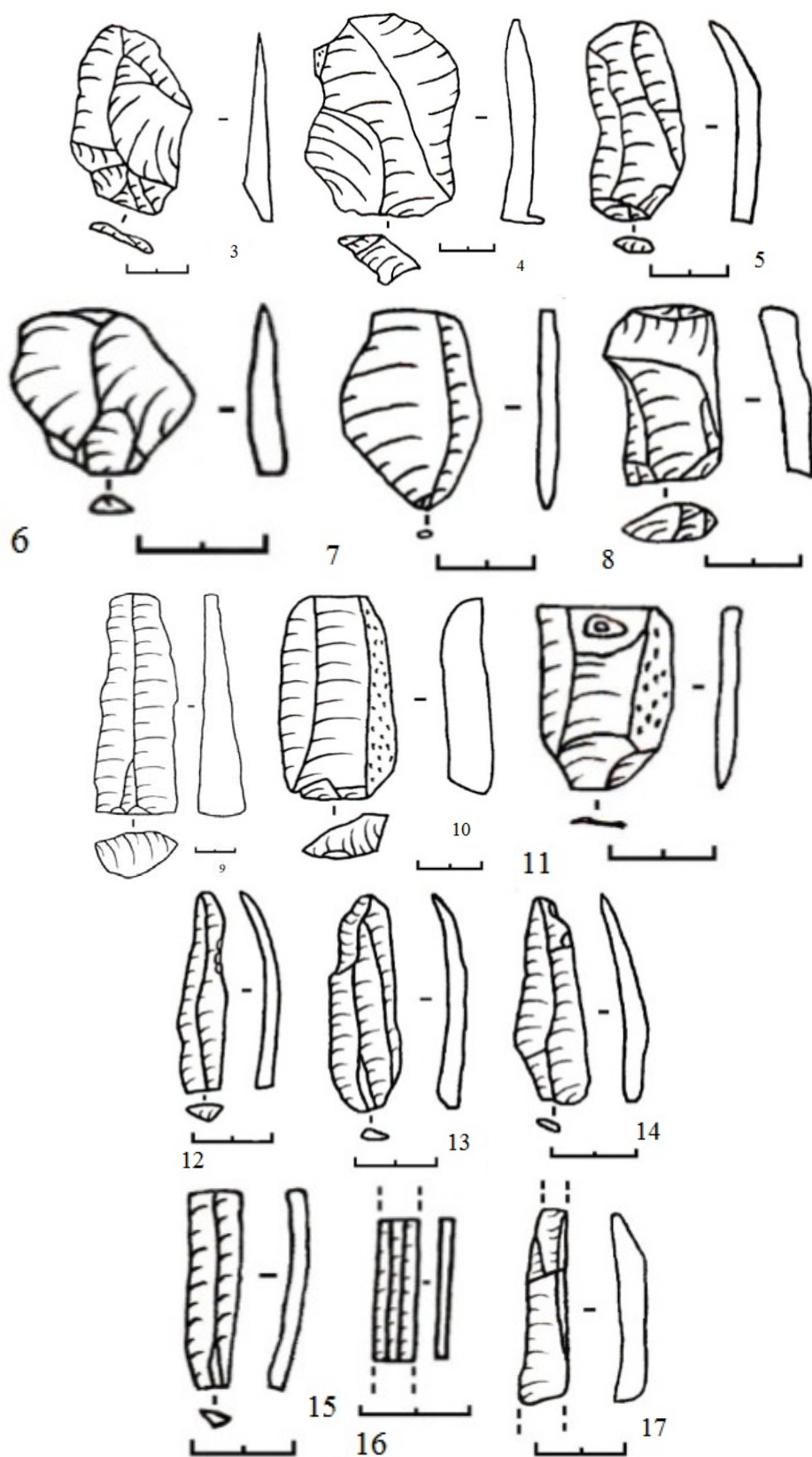
Тўплам учириндиларининг катта қисми кремнийлашган оҳактошлардан ишланган (67,4%). Учириндилар ишлаб чиқаришда иккинчи поғонани доломит тош жинси эгаллайди. Шунингдек, тўплам учириндилари орасида кам сонли жигарранг кремний (7%), қайроқтош (2,6%), кремнийлашган сланец (0,3%) ҳамда халцедон (0,3%) ҳам учрайди (жадвал №4).

Тўпламнинг ўрта ҳажмли учириндиларидан бири кремнийлашган оҳактошдан ишланган ва ҳажми 30x17x4 мм. Учириндининг зарб майдончаси икки фасеткали ва узунасига текисланган, дорсалидаги йўнилғи негативлари перпендикуляр-субпараллел характерга эга. Учиринди оғир ушатғич ёрдамида чақмоқланган (чақмоқланишнинг асосий бурчаги 90°) ва профили тўғри чизиксимон (3-расм). Ушбу тоифадаги иккинчи учиринди ҳам кремнийлашган оҳактошдан ишланган ва ҳажми 31x22x5 мм. Учириндининг зарб майдончаси фасеткалаштирилган ва орқа тарафига ўта қиялашган (енгил ушатғич ёрдамида чақмоқланган – асосий бурчаги - 80°), дорсалидаги йўнилғи негативлари перпендикуляр-субпараллел. Учириндининг профили қайрилган (4-расм). Тўпламнинг навбатдаги ўрта ҳажмли учириндиси кремнийлашган оҳактошдан ишланган ва ҳажми 25x11x3 мм, дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига-субпараллел тарзда жойлашган. Учириндининг зарб майдончаси узунасига текисланган. Учиринди (асосий бурчаги - 80°) юмшоқ ушатғич ёрдамида чақмоқланган ва профили қайрилган (5-расм).

Коллекциянинг майда ҳажмли учириндиларидан бири жигарранг кремнийдан ишланган ва ҳажми 13x14x2 мм. Унинг зарб майдончаси узунасига текисланган ва дорсалидаги йўнилғи негативлари перпендикуляр-субпараллел характерга эга (6-расм). Учириндининг профили тўғри чизикли ва у оғир ушатғич ёрдамида чақмоқланган (84°). Тўпламнинг майда ҳажмли навбатдаги учириндиси кремнийлашган оҳактошдан ишланган ва ҳажми 21x15x2 мм. Учириндининг зарб майдончаси нуқтасимон, дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига-субпараллел тарзда жойлашган. Учириндининг профили тўғри чизиксимон ва у оғир ушатғич ёрдамида чақмоқланган (7-расм). Коллекциянинг учинчи майда ҳажмли учириндиси кремнийлашган оҳактошдан ишланган ва ҳажми 19x12x4 мм. Учириндининг зарб майдончаси кўндалангига фасеткалаштирилган, дорсалидаги йўнилғи негативлари перпендикуляр-субпараллел характерга эга (8-расм). Учириндининг профили бироз қайрилган (унинг дистал қисми синган) ва у енгил ушатғич ёрдамида чақмоқланган (83°).

Шундай қилиб, Тўда-1 маконида учириндилар тайёрлаш ишлаб чиқариш характерига эга бўлган ва асосан ўрта ҳамда майда ҳажмли, калта пропорцияли учириндилар чақмоқлаб олинган.

Тўда-1 неолит макони пластина, пластинка ва микропластинкалари – 40 та. Тўда-1 неолит маконидан 2019 йилги мавсумда 40 та пластина, пластинка ва

3-5-расмлар. Ўрта ҳажмли учринди; 6-8-расмлар. Майда ҳажмли учринди;
9-11-расмлар. Пластина; 12-14-расмлар. Пластинка
15-17-расмлар. Микропластинка

микропластинкалар аниқланди. Уларнинг катта қисми пластинкаларга тўғри келади (23 та), кейинги поғонани сон жихатидан пластиналар эгаллайди (11 та). Шунингдек, тўпламда кам сонли микропластинкалар ҳам мавжуд (6 та). Ёдгорликда пластиналар асосан жигарранг кремнийдан (19 та) ҳамда кучли кремнийлашган оҳақтошлардан (17 та) ишланган. Бундан ташқари, коллекцияда айрим доломитдан ва сланецдан ишланган пластина ҳамда пластинкалар ҳам учрайди, Бироқ ушбу хомашёлар микрочақмоқлашда қўлланилмаган (5-жадвал).

Суппортларининг характериға кўра бутун пластиналар (2 та), пластинкалар (4 та) ва микропластинкалар (1 та) кам сонли (жами 7 та). Бу жихатдан катта ўринни проксимал қисмлари сақланиб қолган пластиналар (5 нусха), пластинкалар (10 та) ва микропластинкалар (3 та) эгаллайди. Медиал қисмлари сақланиб қолган пластиналар ҳам тўпламда муҳим ўрин тутуди (пластиналар -3 та, пластинкалар -7 та ва микропластинкалар - 2 та). Тўпламда дистал қисмлари сақланиб қолган пластиналар (1 та) ва пластинкалар (2 та) кам сонли. Микропластинкаларнинг эса дистал қисмлари фрагментлари умуман учрамайди (6-жадвал). Фрагментлашган пластина, пластинка ва микропластинкалар табиий характерға эға бўлиб, фақат айрим ҳоллардагина қуролларға айлантирилганлиги туфайли атайин кесиб юборилган.

Тўпламнинг пластина (7 та), пластинка (14 та) ва микропластинкалари (4 та) орасида 25 таси зарб майдончаларини сақлаб қолган. Зарб майдончалар орасида текис (7 та) ҳамда икки фасеткалилари (7 та) устунлик қилади. Бироқ фасеткалаштирилган зарб майдончаларнинг катта қисми текис характерға эға. Шунингдек тўпламда зарб майдончалари фасеткалаштирилган (4 та), нуктасимон (3 та), икки қиррали (2 та) ҳамда чизиқсимон (2 та) характердаги пластина, пластинка ва микропластинкалар ҳам мавжуд (7-жадвал). Жадвалдан кўриниб турибдики, Тўда-1 маконида пластина, пластинка ва микропластинкаларни чақмоқлаш асосан текис, икки фасеткали текис ёки фасеткалаштирилган текис зарб майдончалардан чақмоқлаш анъанаси устунлик қилади.

Тўпламнинг пластиналаридан бири кремнийлашган оҳақтошдан ишланган ва ҳажми 56x20x12 мм. Пластинанинг зарб майдончаси текис, орқа тарафига бироз қиялашган ва буюмнинг ўзига нисбатан кўпроқ патинизациялашган. Буюмнинг дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига-субпараллел характерға эға. Пластинанинг дистал қисми синиб қолган (9-расм). Тўпламнинг иккинчи пластинаси доломитдан ишланган ва ҳажми 33x18x7 мм. Унинг зарб майдончаси икки фасеткали, дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига-субпараллел тарзда жойлашган. Шунингдек, буюмнинг ўнг латералида хом-ашёнинг галкали қобиғи ҳам қисман сақланиб қолган. Йўнилғининг вентралда юмалоқ шарнирга эға (10-расм). Коллекциянинг навбатдаги проксимал пластинаси кучли кремнийлашган оҳақтошдан ишланган ва ҳажми 18x12x2 мм. Буюмнинг зарб майдончаси чизиқсимон, дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига-субпараллел, шунингдек қисман табиий юзасини ҳам сақлаб қолган. Пластина юмшоқ ушатғич ёрдамида чақмоқланган аксидент кўринишиға эға. Негаки, унинг вентралда зарб майдончадан бошланган ўйиқ мавжуд (11-расм).

Тўпламнинг пластинкаларидан бири жигарранг кремнийдан ишланган ва ҳажми 25x6x2 мм. Унинг зарб майдончаси текис, дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига-субпараллел характерға эға. Пластинанинг профили дистал қисмида қайрилган (12-расм). Коллекциянинг навбатдаги пластинаси жигаррангли кучли

кремнийлашган оҳактошдан ишланган ва ҳажми 27x9x3 мм. Буюмнинг зарб майдончаси текис, дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига қарама-қарши характерга эга. Пластинканинг профили қайрилган (13-расм). Тўпламнинг навбатдаги пластинкаси кучли кремнийлашган оҳактошдан ишланган ва ҳажми 29x9x3 мм. Унинг зарб майдончаси икки фасеткали, дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига-субпараллел характерга эга. Пластинканинг профили қайрилган ва зарб тепалигидаги ўйиғи зарб майдончадан бошланган (14-расм).

Тўпламнинг микропластинкаларидан бири кучли кремнийлашган оҳактошдан ишланган ва ҳажми 19x5x2 мм. Унинг зарб майдончаси икки фасеткали, дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига-параллел характерга эга. Микропластинканинг дистал қисми синиб қолган ва профили бироз қайрилган (15-расм). Коллекциянинг навбатдаги микропластинкаси медиал фрагмент бўлиб, жигарранг кремнийдан ишланган ва ҳажми 13x4x1 мм. Микропластинканинг дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига-параллел характерга эга (16-расм). Тўпламнинг навбатдаги микропластинкаси кучли кремнийлашган оҳактошдан ишланган ва ҳажми 22x4x3 мм. У медиал фрагмент бўлиб, дорсалидаги йўнилғи негативлари узунасига қарама-қарши субпараллел тарзда жойлашган. Микропластинканинг профили бироз қайрилган (17-расм).

Тўда-1 ғори маданий ётқизиклари унинг томидаги туйнук орқали кирган қор-ёмғир сувлари таъсирида аралашиб кетганлиги туфайли ёдгорликда йўнилғилар олишнинг эволюцион ўзгаришларини кузатишнинг имкони мавжуд эмас.

Хулоса. Шундай қилиб, Тўда-1 неолит маконини 2019 йилги қазिश ишлари натижасида 383 та йўнилғи аниқланиб, улардан 89,5% (343 та) ни учириндилар ва атиги 10,5% (40 та) пластина, пластинка ва микропластинкалар ташкил қилади. Тўпламнинг учириндилари орасида техник йўнилғилар 11% (37 та) ташкил қилади. Пластинасимон чақмоқлаш техникасида асосий эътибор пластинкалар ишлаб чиқаришга қаратилган (23 та). Тўпламда кам сонли пластиналар (11 та) ва янада камроқ микропластинкалар (6 та) ишлаб чиқарилган. Учириндилар ишлаб чиқаришда асосан уларнинг калта пропорциялиларини қўлга киритишга ҳаракат қилинган.

Айтиш мумкинки, тўдалиқлар сифатли хом-ашё (кремний)нинг танқис шароитларида яшаганлар ва шунинг учун ҳам эҳтимол, хўжаликдаги қатор фаолият турларини кремний бўлмаган тош жинсларидан ишланган қуроллар ёрдамида бажаришни йўлга қўйганлар. Тўда-1 ғорида учириндилар (кўпгина неолит даври ёдгорликларида улар технологик характерга эга) нафақат технологик, балки ишлаб чиқариш характерига эга бўлган ва бу ёдгорликнинг индустриясида муҳим ўрин эгаллаган.

Тўда-1 неолит маконида тошларни чақмоқлашнинг барча усулларида бир вақтнинг ўзида фойдаланилган. Нуклеусларни шакллантириш ва учириндилар олишда оғир тош ушатғич, пластиналар ва пластинкалар ишлаб чиқаришда воситачи, микрочақмоқлашда эса эзма техникадан фойдаланилган.

Фойдаланилган адабиётлар:

Деревянко А. П., Ширинов Т. Ш., Анойкин А. А., Борисов М. А., Гладышев С. А. Исследование грота Тешик-Таш-2 (Республика Узбекистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии ИАЭт СО РАН 2003 г., посвящ. 95-летию со дня рожд. акаде-

- мика А. П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I.
- Исламов У. И. Пещера Мачай. Ташкент. Изд-во "Фан". 1976.
- Коробкова Г. Ф. Культуры Средней Азии в эпоху мезолита и неолита, в кн. "Проблемы Археологии Средней Азии". Л.: Изд-во "Наука", 1968.
- Коробкова Г. Ф. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии. КСИА, вып. 122. М., 1970.
- Нишиаки Т., Сулейманов Р. Х., Арипджанов О., Сайфуллаев Б. К., Эргашев О.Т . Отчет о проделанных работах в неолитическом гроте Кайнар-Камар (Байсунтау) в 2017 г. Архив Института археологии. Ф. 5. О. 1. Д. 253. Самарканд, 2018.
- Парфенов Г. В. Следы древнейших культур на городище Айртам. ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961.
- Парфенов Г. В. Каменный топор из Бабатага. Общественные науки в Узбекистане. №1. 1962.
- Парфенов Г. В. Следы каменного века в северных окрестностях Ширабада. ИМКУ, вып. 6. Ташкент, 1964.
- Сайфуллаев Б. К. Палеолит долины реки Зарафшана и Северо-Восточной части Центральных Кызылкумов. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 2003.
- Сайфуллаев Б. К., Жоу Синг. Грот Тода-1 - новая неолитическая стоянка на Байсунтау (Узбекистан) // Археология Узбекистана, 2018 г. № 2.
- Синг Жоу, Сайфуллаев Б. К. , Хасанов М. Х. Аннаев Т. Ж. , Рахманов У. В. Грот Тода-1— новый палеолитический памятник на юге Узбекистана. Археологические исследования в Узбекистане. Самарканд, 2017.
- Окладников А. П. Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш, Ташкент, 1940а.
- Окладников А. П. Амир-Темир, новый памятник каменного века в горах Байсун-Тау (Узбекистан) \ КСИИМК. – 1940. – Вып. 6.
- Окладников А. П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) // Тешик-Таш: Палеолитический человек.– М.: Изд-во МГУ, 1949. (Тр. НИИ антропологии).
- Окладников А. П. Палеолит и мезолит Средней Азии, в кн. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы» М.-Л. Изд-во «Наука», 1966.
- Хасанов М., Ж. Синг, Аннаев Т., Сайфуллаев Б., Эргашев О. Отчет о проделанных работ в гроте Тода-1 Бойсунском районе Сурхандарьинской области. Самарканд, 2018. Архив Института археологии АН РУз. Ф. 5, О. 1, Д. 255.

ЯНГИ КАШФИЁТ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

IN MEMORIAM OF A RESEARCHER

УДК: 902.01 (902.6)

НОВЫЕ НАХОДКИ РИМСКИХ МОНЕТ НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

© 2020. Анвар Атаходжаев Александр Наймарк

Самаркандский институт археологии НЦА АН РУз
Университет Хофстра, Нью-Йорк

Калит сўзлар: Рим тангалари, Термиз, Самарқанд, Антиохия, Сугд, Тўхаристон, Нерон, Аркадий, Литсний, Ипак йўли.

Илмий адабиётларда Ўзбекистон ҳудудидаги ёдгорликлардан топилган Рим тангалари тўғрисида маълумотлар бор. Сурхондарё вилояти Хайрабодтепа ёдгорлигидан 1954 йилги қазималар вақтида топилган Нерон сестерцийси (54-68 й), Эски Термиз шаҳарчасида аниқланган Буюк Константин тангаси (306-337 й.), Чочдаги Қанқада қайд этилган Биринчи Шарқий Рим империяси императори Аркадий (395-408 й.) тангалари шулар жумласидандир. Сўнгги йилларда мақола муаллифлари томонидан Ўзбекистон ёдгорликларидан топилган яна тўрт дона Рим тангалари маълум бўлиб, буларга Термизда аниқланган, 59-60 йиллар билан даврлаштирилган Оронтедаги ярим қарам Антиохия тангаси, Самарқанддан 20 км шимолда жойлашган Мингтепа (қадимги Кабудан) шаҳарчасидан аниқланган Лициния II (308-324 й.) тангаси, Самарқанддан 30 км жануби-ғарбдаги Сазагон даштида жойлашган Сарикўл шаҳар харобасидан аниқланган Аркадий (395-401 й.) ва унинг хотини Эли Евдоксиянинг (401-403 й.) тангалари шулар жумласидандир. Нерон даври иккита тангасининг топилши муҳим факт, бироқ унинг изоҳи борасида ҳозирча бизда етарлича маълумотлар йўқ. Рим давридан кейинги тангалар эса Хуросон трактига кирувчи, Марв ва Иссиққўл қирғоқлари оралигидаги Марказий Осиё Буюк ипак йўли шимоллий тармоғи ҳудудларидаги топилмалар орасида салмоқли ўринни эгаллайди.

Ключевые слова: Римские монеты; Термез; Самарканд; Антиохия; Согд; Тохаристан; Нерон; Аркадий; Лициний; Шелковый Путь

В научной литературе сохранились сведения о трёх находках римских монет на памятниках, расположенных на территории Узбекистана: (1) сестерций Нерона (54-68 г. н.э.) был найден при раскопках в 1954 г. на городище Хайрабодтепе в долине Сурхандарьи; (2) монета Константина Великого (306-337 г. н.э.) зафиксирована на городище древнего Термеза; (3) экземпляр чекана первого восточно-римского императора Аркадия (395-408 гг. н.э.) происходит с городища Канка (древний Харашикет) в Чаче. За последние годы авторам настоящей статьи стали известны ещё пять находок римских монет на памятниках Узбекистана: (1) с городища Старого Термеза происходит экземпляр полуавтономного чекана Антиохии на Оронте, датированный 59-60 гг. н.э.; (2-3) на городище Мингтепе (древний Кабудан) в 20 км к северу от Самарканда были найдены: монета Лициния I (308-324 гг.) и монета Аркадия (383-408 н.э.), принадлежащая к типу чеканившегося в 395-401 гг.; и, наконец, (4-5) на городище Сарыкуль в Сазаганской степи, в 30 км к Ю-З от Самарканда, была найдена монета Аркадия того же типа 395-401 гг. и монета с именем его жены Эли Евдоксии (тип 401-403 гг.). Находка двух монет времени Нерона в северном Тохаристане – весьма примечательный факт, но у нас пока ещё нет достаточных данных для его интерпретации. Что же касается четырех позднеримских монет, то они входят в довольно большую группу находок, которая маркирует северную ветку среднеазиатского отрезка Шелкового Пути между Мервом и берегами Иссык-куля, известную впоследствии, как Большой Хорасанский Тракт.

NEW FINDS OF ROMAN COINS IN UZBEKISTAN

Anvar Atakhodzhaev, Aleksandr Naimark

NCA of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Samarkand Archaeology Institute, Hofstra University, New York .

Key words: Roman coins; Termez; Samarqand; Antiochia; Soghd; Tokharistan; Nero; Arcadius; Licinius; Silk Route.

Scholarly literature contains information about three finds of Roman coins on the archaeological sites of Uzbekistan: (1) sestertius of Nero (54-68 CE) was found during the excavations of 1954 z. on the site of Khairabadtepe in Surkhandarya valley; (2) a coin of Constantine the Great (306-337 CE) was registered on the site of ancient Termez; and (3) a specimen of the coinage of Arcadius (395-408 CE) came from the site of Kanka (ancient Kharashket) in Chach. During the last decade, five more finds came to our attention. (1) A specimen of pseudo-autonomous coinage of Antiochia on Orontes dated 59-60 CE came from Termez. (2-3) Mingtepe, the town site of ancient Kabudan, situated at distance of 20 km north of Samarqand yielded two coins: a copper specimen of Licinius I (308-324 CE) datable to 313-317 CE and a follis of Arcadius (383-408) of the type issued in 395-401 CE. (4-5) Finally, the site of Sarykultepe situated near Nurabad in Sazagan steppe, some 30 km S-W-W of Samarqand, produced one copper of Arcadius (of the very same type minted in 395-401 CE) and another one struck in the name of this emperor's wife Aelia Eudoxia (mint of Antiochia, 401-403 CE). The discovery of two coins from the time of Nero in Northern Tokharistan is an interesting fact, but we do not yet have sufficient data for its interpretation. As to the late Roman coins, they perfectly fit into a large group of copper finds that are marking the northern branch of Central Asian section of the Silk Route, from Merv in the south to the shores of the lake Issyk-kul' in the north-west, i.e. what would later be known as the Great Khurasan tract.

На сегодняшний день в литературе фигурируют три находки римских монет, имеющих точную привязку к памятникам, расположенным на территории Узбекистана. Самая ранняя из них – сестерций Нерона (54-68 г. н.э.), найденный в 1954 г. при раскопках городища Хайрабадтепе, расположенного приблизительно в 30 км к северу от Термеза (Жуков 1960. С. 125-127; Альбаум, 1960. С. 43, рис. 24).

Вторая – монета Константина Великого (306-337 г. н.э.) с городища древнего Термеза (Ртвеладзе, 1998. С. 8; Ртвеладзе, 1999. С. 22, прим. 6; Ртвеладзе, 2002. С. 270). В начале 1980-х гг., археолог Л.А. Альбаум, который нашел этот экземпляр, показал его Э.В. Ртвеладзе. К сожалению, в публикациях эта монета лишь упоминается: не сохранилось ни точной информации об обстоятельствах находки, ни изображений этого экземпляра, ни формального описания, ни метрологических данных. О дальнейшей судьбе монеты также ничего не известно.

И, наконец, в 2010 году местные жители на распаханном поле, непосредственно подступающем к городищу Канка (древний Харашкет), расположенном в нынешнем Аккурганском районе Ташкентской области, нашли фоллис (медный номинал) первого восточно-римского императора Аркадия (395-408 гг. н.э.). А. Мускаева посвятила публикации этого экземпляра специальную статью, снабдив её фотографией хорошего качества, но, к сожалению, без метрологических данных (Мускаева, 2010. С. 285-288).

Кроме этих трех “паспортизированных” находок, в литературе появлялись лишь общие сведения о серебряных денариях I-II веков н.э. Так, М.Е. Массон писал: “Чаще других попадают от Зеравшана до Иссык-куля чекан Веспасиана (69-79), Домициана (81-96), Траяна (98-117), Адриана (117-138), Антонина Пия (138-161), Марка Аврелия (161-180).” (Массон, 1951. С. 93). Нужно, однако, сказать, что среди нумизматических находок в Тохаристане, Согде, Чаче и Фергане, зарегистрированных самим же М.Е. Массоном, таких монет не было. Более того, ни одного денария этих императоров не было зафиксировано на территориях Узбекистана и Таджикистана и за семь десятилетий, прошедших с момента выхода в свет цитированной выше публикации М.Е. Массона. Это наводит на мысль, что римские денарии I-II веков н.э. попавшие на среднеазиатский нумизматический рынок во времена, когда М.Е. Массона за ним внимательно наблюдал, могли происходить из одной и той же находки.

Действительно, таким источником мог быть единственный в Средней Азии клад денариев, найденный в селе Муджум Ганчийского района Ура-тюбинской области Таджикистана (Зеймаль, 1962. С. 141-6; Давидович, 1979. С. 58-60; Зеймаль,

1983. С. 63-68. Pl. 8; Zeymal' E., 1996. С. 308-9, fig. 171; 425, 171). В момент находки в 1920-х годах клад этот содержал около 300 денариев, но к началу 1930-х гг., когда его остаток был подарен находчиком местному доктору А.А. Тарпи, от первоначального состава сохранился только 21 экземпляр. В 1960 А.А. Тарпи передал 19 монет клада через посредство Б.Я. Ставиского в Эрмитаж. Они оказались денариями чеканенными римскими императорами от Веспасиана до Коммода, т.е. покрываю ли тот самый временной отрезок, который обозначил в своей статье М.Е. Массон. Часть из почти трех сотен разошедшихся монет этого клада могла в конце 20-х – начале 30-х годов попасть на сравнительно малоёмкий нумизматический рынок Средней Азии и, тем самым, сформировать представление о достаточно частых находках этих монет в Средней Азии. К сожалению, за прошедшие девять десятилетий это впечатление ничем не подтвердилось.

Некоторой компенсацией за эту потерю могут послужить пять новых находок римских монет на памятниках Узбекистана, которые попали за последнее годы в поле зрения авторов настоящей статьи.

1. Автономная чеканка Антиохии на Оронте, АЕ, 108 год цезарейской эры = 59-60 н.э.

Л.с.: Голова Аполлона в лавровом венке вправо;

О.с.: В центре – лира, справа ANTIОХЕ, слева дата: ETRP.

Вес - 3,45 г.; Максимальный “диаметр” – 17.74 мм; Оси - XII

Происхождение: случайная находка, сделанная в конце первого десятилетия XXI века на поверхности городища Старого Термеза.

Литература: Burnet, Amandry 2005 (RPC I), 4293; McAlee 2007, 107b.

2. Лициний I (308–324).

Л.с.: Голова императора в лавровом венке вправо, вокруг IMPCVALLICINIVSPFAVG.

О.с.: Стоящий обнаженный Юпитер в легком повороте влево; в левой руке скипетр; в правой руке – Виктория на шаре; слева на земле – орел; вокруг IOVICONS-ERVATORIAVGG. В обозначении монетного двора читается только одна буква: Нили М, что может указывать на выпуск Кизика, Никомедии, Гераклеи, Антиохии или Александрии. На реверсе справа видна дельта. Скорее всего монета была отчеканена в 313–317 г. в Никомедии, в 4-ой оффицине.

Вес - 1,28 г.; Диаметр - 17 мм; Оси – XII часов

Происхождение: находка с поверхности городища Минг-тепе, расположенного в Булунгурском районе Самаркандской области, приблизительно в 20 км к северу от Самарканда, и скорее всего скрывающего остатки столицы Согдийского княжества Кабудан.

Литература: Bruun P.M., 1966 (RICVII), P. 601, № 15.

3. Аркадий (383-408 н.э.), тип, чеканившийся в 395-401 гг.

Л.с.: задрапированный бюст императора в кирасе с диадемой из перлов на голове; вокруг остатки легенды [DNARCADI]-VSPFAVG.

О.с.: с трудом просматривается фигура императора, стоящего в легком повороте влево и в правой руке держащего копьё, а левой опирающегося на щит; справа к императору подлетает Ника с венком; на этом экземпляре ничего не сохранилось

1

2

3

4

ни от надписи VIRTVS EXERCITI, которая должна быть на этом типе, ни от обозначения монетного двора.

Тип VIRTVSEXERCITI при Аркадии чеканили в Константинополе (Kent 1994 (RICX) Arcadius 60-61), Антиохии (там же, Arcadius 70-73), Гераклее (там же, Arcadius 57-58), Никомедии (там же, Arcadius 62-63), Кизике (там же, Arcadius 66-68), и Александрии (там же, Arcadius 76).

Вес - 1.34 г.; Диаметр – 15,5x17 мм; Оси – VI часов

Происхождение: случайная находка весной 2021 г. на винограднике расположенном непосредственно к северу от городища Минг-тепе, памятнике, где ранее была найдена монета Лициния, № 2 нашего списка.

Литература: Kent1994 (RICX) Arcadius, Pl. 4

4. Аркадий (383-408 г. н.э.), тип, чеканившийся в 395-401 гг.

Л.с.: задрапированный бюст императора в кирасе с диадемой из перлов на голове; вокруг невидимые остатки легенды [DNARCADI]-VSPFAV[G].

О.с.: с трудом просматривается фигура императора, стоящего в легком повороте влево и держащего копье и щит; справа к нему подлетает Ника с венком; вокруг [VIRTVS] EXERCITI; ни легенда, ни обозначение монетного двора не сохранились.

Вес- 1.28 г.; Диаметр– 15x17 мм; Оси – VI часов.

Происхождение: случайная находка, сделанная возле городища Сарыкультепе в Нурабадском районе Самаркандской области в 2013-2015 годах.

Литература: Kent1994 (RICX) Arcadius, Pl. 4

5. Элия Евдоксия, жена императора Аркадия с 395 г., получившая титул Августы 8 января 400 г. н.э. и умершая 6 октября 404 г.

Вес - 1,84 г.; Диаметр - 14/15 мм; Оси - IV часа.

Монетный двор Антиохии, 401-403 гг. н.э.

Л.с.: бюст императрицы вправо с диадемой на голове; Manus Dei держащая над её головой венок; вокруг AELEVDO-[XIAAVG]

Rev.: Виктория сидящая на кирасе и рисующая христоматрму на овальном щите, который поддерживает небольшая колонна; вокруг SALVSREI-[PVBLICAE], под горизонтальной чертой ANTI.

Происхождение: найдена весной 2021 года на городище Сарыкультепе в Нурабадском районе Самаркандской области.

Литература: Kent 1994 (RIC X) Arcadius 104 (5)

Первая из четырех публикуемых здесь монет представляет полуавтономный чекан Антиохии на Оронтеи несет дату 108 год по цезарейской эре, что соответствует 59-60 г. н.э. Она принадлежит к той же эпохе, что и сестерций Нерона, который нашли в середине XX столетия при раскопках городища Хайрабадтепе, расположенного приблизительно в 30 км к северу от Термеза (Жуков, 1960. С. 125-127; Альбаум, 1960. С. 43, рис. 24). Появление двух римских монет одного того же периода в одном районе далекой Средней Азии – интересный факт, но делать из него какие-либо выводы было бы пока более чем преждевременно.

Что же касается четырёх других монет: (2) Лициния, отчеканенной в 313–317 гг.; (3-4) двух монет императора Аркадия, выпущенных между 395 и 401 гг.; и (4) монеты жены Аркадия, императрицы Элии Евдоксии, которая была отчеканена ме-

жду 401 и 403 гг., то они входят в достаточно большую группу находок позднееримской меди, участвовавшей в денежном обращении Мерва [Hobbs R., 1994; Hobbs R., 1995. P. 97–102; Smirnova N., 2007. P. 387, fig. 30; Наймарк А.И., 2012. С. 36-37], а оттуда распространявшейся вслед за кушано-сасанидскими и сасанидскими монетами вдоль северной ветки среднеазиатского участка Шелкового Пути [Наймарк, 2020. С. 33-38].

Обращает на себя внимание тот факт, что из четырех позднееримских монет найденных на территории Самаркандского Согда (на Минг-тепе и на Сарыкультепе) три приходятся на правление Аркадия. Более того, обе монеты несущие имя самого Аркадия, также, как и экземпляр его чекана найденный на Канке, относятся к типу VIRTUS EXERCITI, не самому распространенному из достаточно многочисленных монетных типов этого императора. К сожалению, мы пока не можем предложить убедительного объяснения этого феномена.

Примечания:

Авторы статьи чрезвычайно благодарны доктору Елене Столярик, менеджеру коллекций Американского Нумизматического общества (Нью-Йорк), за её великодушную помощь и экспертизу в определении двух монет Аркадия с практически стертыми оборотными сторонами (№№ 3 и 4).

Использованная литература:

- Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.
- Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.
- Жуков В.Д. Находка сестерция Нерона в кушанском слое в Южном Узбекистане // Эпиграфика Востока XIII, 1960.
- Зеймаль Е.В. Клад римских денариев из Таджикистана // Нумизматика и Эпиграфика, вып. III. М., 1962.
- Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983.
- Массон М.Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики // Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. Вып. 23. Гуманитарные науки. Кн. 4. Ташкент,
- Мусакаева А.А. Византийская монета императора Аркадия с городища Канка // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб., 2010.
- Наймарк А.И. Византийские анонимные фоллисы из Ферганы и Семиречья // Нумизматические чтения 2012 года. К 150-летию со дня рождения Павла Васильевича Зубова. Москва, 4–5 декабря 2012 г. Материалы докладов и сообщений. М., 2012.
- Наймарк А.И. Позднееримские монеты с северного участка среднеазиатского отрезка Шелкового Пути // Нумизматические чтения Государственного Исторического Музея 25 и 26 ноября 2020 года. Памяти В.А. Дурова. М., 2020.
- Ртвеладзе Э.В. Монеты на Великом Шелковом Пути // Нумизматика Центральной Азии. Вып. III. Ташкент, 1998. (Ртвеладзе Э.В., 2002).

- Ртвеладзе Э.В. Византийские монеты и индикации из Средней Азии // Нумизматика Центральной Азии. Вып. IV. Ташкент, 1999. (=Ртвеладзе Э.В., 2002. С. 269–277).
- Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей. Т. I. Ташкент, 2002.
- Bruun, P. M. The Roman Imperial Coinage, vol. VII, Constantine I to Licinius (313–337). London, 1966.
- Burnett A., Amandry, M. 2005. Roman Provincial Coinage, Vol. I. London, British Museum Press.
- Hobbs R. Roman Coins // Herrmann G., Kurbansakhatov K. et al. The international Merv Project. Preliminary report on the Second Season (1993) // Iran. Vol. XXXII, 1994.
- Hobbs R., 1995. Roman Coins from Merv, Turkmenistan // Oxford Journal of Archaeology. Vol. 14, 1.
- Kent J. The Roman Imperial Coinage, Vol. X. The Divided Empire and the Fall of the Western Parts, AD 395 - 491. London, 1994.
- McAlee, R. The Coins of Roman Antioch. Lancaster, Pennsylvania, 2007.
- Smirnova N. Some Questions Regarding the Numismatics of Pre-Islamic Merv // After Alexander. Central Asia before Islam (Proceedings of the British Academy, 133). London, 2007.
- Zeymal, E.V. 1996. Münzen von der Seidenstrasse // Weichrauch und Seide. Alte Kulturen an der Seidenstrasse. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museum, Wien. Milano, Skira Editore.

ХОТИРА

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

IN MEMORY OF THE SCIENTIST

**АБДУЛАЗИЗ САИДНУРИДДИН
УГЛИ
(АХРАРОВ ИНКИЛАБ АХРАРОВИЧ)**

**ABDULAZIZ SAIDNURIDDIN UGLI
(AHRAROV INKLAB AHRAROVICH)**

Ахраров Инкилаб Ахрарович родился в городе Андижане в семье образованного и уважаемого табиба Саиднуриддинхана. Вся семья и все близкие родственники в 1937 году были репрессированы и высланы в Сибирь. Позже, его как “сына врага народа”, постигла та же участь. Здесь, в исключительно тяжелых условиях, отсутствии элементарных условий ухода за заключенными, молодому Абдулазизу пришлось вспомнить навыки лекаря-табиба, полученные в детстве у отца. Привлекая к врачеванию самих больных, он учил готовить отвары, настои, мази, по мере воз-

можности, облегчая их жизнь.

Начальник зоны — генерал, узнав от своего подчиненного офицера, что И. Ахраров своими советами помогает больным и, вылечил почки его жены, вызвал молодого заключенного к себе и спросил, сможет ли он помочь в лечении парализованных ног дочери, которая не могла ходить. В случае успеха он обещал помочь покинуть зону заключения. И. Ахраров принял за лечение и ему были предоставлены все условия: заготовили нужные масла и жиры животных, необходимые специи. В основе лечения молодого табиба были банные процедуры, массаж ног и правильное питание. Выполнять эти процедуры ему помогали два врача. К концу третьего месяца лечения девочка встала на ноги и начала ходить. По воспоминаниям И. Ахрарова, потерявшая всякие надежды мать была настолько обрадована, что ей даже стало плохо.

Генерал выполнил обещание, оформил выход из зоны и отправил в НКВД г. Ташкента. Здесь в 1944 г. ему подготовили документы для официального освобождения, сделали запрос в архив Андижана за свидетельством о рождении. Но оказалось, что архив сгорел в 1942 году и чтобы больше молодого “сына врага народа” никто не преследовал в НКВД, ему выписали новое свидетельство о рождении с датой 05.07.1932 года и новым именем и фамилией — Ахраров Инкилаб (Революция).

С этим новым документом он вернулся в Андижан и был определен в детский дом, а с 1947 по 1949 гг. учился здесь в Педагогическом училище им. Ю. Ахунбаева. По воспоминаниям нашего домулло, жилось ему в военные и послевоенные годы голодно, но он, тем не менее, окончил педучилище с отличием.

Летом того же года из Ташкента в Андижан прибыл декан географического факультета, который производил набор молодых национальных кадров для учебы в САГУ (Среднеазиатский государственный университет). Наш старший коллега, учитывая, что у него в городе не было близких родственников, жилья и сносных условий жизни, он с удовольствием принял приглашение и был устроен в студенческое общежитие, и без экзаменов зачислен на исторический факультет с узбекским языком обучения в г. Ташкенте.

Уже на первом курсе, где читались лекции по “Основам археологии”, начинающему студенту понравилась эта наука, и он записался для специализации на кафедре Археологии Средней Азии, которой руководил профессор М.Е. Массон, где спецкурсы читались на русском языке. Хотя И. Ахраров и обучался русскому языку в педучилище, тем не менее, ему трудно было усваивать сложные спецкурсы и поэтому ему помогали студенты по группе Нелли Кондрасюк и Герцман, а сам он стал больше читать литературу на русском языке. Он был здоровым и крепким парнем, ему нравилась полевая практика, копать было большим удовольствием. Усвоить методику полевых исследований помогал сотрудник кафедры, известный археолог М. С. Мершиев, с которым был в большой дружбе и многому научил, особенно терпению.

В эти же годы на кафедре археологии он познакомился со своей коллегой Замирой Усмановой, студенческая дружба переросла в брак и рождением дочери Сайёры.

После успешного окончания кафедры археологии в 1954 году И. Ахраров по распределению был направлен в Сектор археологии Института истории и археологии АН Узбекистана, которым руководил В. А. Шишкин. В полевых исследованиях он постоянно участвовал в экспедициях Я. Г. Гулямова и до конца его жизни работал с ним, став его учеником, после М. Е. Массона.

В 1956-58 гг. под руководством Я. Г. Гулямова и В. А. Булатовой, И. А. Ахраров начал изучение средневековой городской культуры древней Кувы. Для определения динамики развития городища в его центре был заложен стратиграфический шурф, давший четкую картину роста города от эпохи античности до средневековья. Получен богатый керамический материал X-XII вв., положенный затем в основу кандидатской диссертации “Керамический комплекс средневековой Кувы”, успешно защищенной в 1966 г. Рядом с шурфом был раскопан богатый средневековый жилой дом с массой уникальных находок, в их числе выделялась собранная из фрагментов, серия знаменитых стеклянных бокалов на ножках, впервые показавших, что Ферганская долина является одним из наиболее крупных центров стеклоделия Центральной Азии.

В 1965-68 гг. И. Ахраров участвовал в работах Афрасиабской экспедиции, где была открыта ставшая всемирно известной настенная живопись VII в. “Зал послов” во дворце Самаркандских ихшидов.

Но перед тем он, совместно с другими коллегами, принимал участие в защите вскрытых участков росписи от разрушения строителями, активно пытавшимися провести здесь через памятник, новую дорогу в Аэропорт города. Стройка счита-

лась Всесоюзной и для того, чтобы остановить и перенаправить ее потребовались усилия, срочно оповещены в Ташкенте Я. Г. Гулямов, В. А. Шишкин и Центральный Комитет Республики во главе с Ш.Р. Рашидовым. Все эти дни бригада археологов днем и ночью проводила здесь дежурство, так как были неоднократные попытки продолжения строительства.

В процессе этих событий, И. Ахраров параллельно внимательно изучал подъемный материал вокруг объекта “Зала послов”, где также строителями проводились, по верхнему горизонту нивелировочные расчистки. В результате, к востоку от “Дворца ихшидов” ему удалось найти новый интересный жилой комплекс со следами в подъеме фрагментов ганчевого декора, работы на котором были начаты осенью 1965 года. Археологическими работами было вскрыто помещение X в., стены которого украшал богатый резной ганч, а на полу лежали остатки когда-то рухнувшего резного ганчевого купола. Учитывая исключительную ценность находки, для проведения архитектурно-искусствоведческой реконструкции объекта И. Ахраровым был приглашен д. и. н. Л. И. Ремпель. В последующие годы И. Ахраровым жилой комплекс X века был вскрыт полностью, а в 1971 г. результаты археолого-искусствоведческого исследования были опубликованы в совместной монографии “Резной штук Афрасиаба”.

Мой первый сезон в качестве лаборанта Института истории и археологии начался именно в 1965 г. на городище Афрасиаб, с первыми расчистками живописи знаменитого “Зала послов”, первым знакомством с Инкилаб ака, с которым я работал на его раскопе с резным ганчем в последующие два года.

Хотя на работу в Институт меня принял и до конца жизни опекал мой первый руководитель - академик Я. Г. Гулямов, тем не менее, моим главным наставником в полевых и научных исследованиях, в молодые годы, являлся И. А. Ахраров. Он был хорошим полевиком, старшим другом и коллегой. Мы сильно, по-человечески, привязались друг к другу и все последующие годы при работах на Ахсикете и Бухаре Инкилаб ака постоянно выпрашивал меня в свои экспедиции у Патриарха археологии Института — Я. Г. Гулямова. Я отвечал ему тем же, беззаветно был предан ему, радовал интересными находками и сформировался как специалист-средневековед и, затем, дополнил направление — «позднесредневековой археологией» именно под его руководством. Он также привил у меня интерес к занятиям спортом, поднятию гири. В эти годы мы часто были вместе, два раза в неделю, в экспедициях и даже на хлопке регулярно проводили комплексы упражнений.

В 1970 г. в городе Самарканде под руководством А. А. Аскарлова был образован Институт археологии АН, а в 1971 г. И. Ахраров был назначен зав. Сектором Средневековой археологии Института. Чуть ранее, в 1969 году, по просьбе руководства Бухарской области и правительства Республики в городе Бухаре были начаты археологические работы по определению возраста города, под общим руководством академика Я. Г. Гулямова. Начиная с 1970 года, эти работы академик Я. Г. Гулямов поручил возглавлять И. Ахрарову. За неполных пять лет, которые он провел в Бухаре, были проведены большие работы по изучению его древней и средневековой истории. Учитывая, что город на протяжении тысячелетий не менял своего местоположения, были большие сложности в достижении ранних уровней античных напластований. Наиболее интересными и перспективными объектами были древняя резиденция правителей Бухары Арк и собственно город — Шахристан.

Глубина культурных горизонтов здесь могла достигать до 20 м, по верху древнего Шахристана располагалась современная застройка, а по нижним горизонтам заложенных шурфов начинались грунтовые воды. Все эти проблемы в значительной степени осложняли и замедляли темпы работ, руководство области требовало их скорейшего завершения и триумфальных результатов – определение возраста города в 3000 лет, а коллеги по институту в Самарканде очень болезненно и придирчиво воспринимали достижения первых широкомасштабных работ исследователя, которому впервые удалось значительно углубить первоначальную историю города. В 1974 году И. Ахраров сильно заболел позвоночной грыжей и несколько лет находился на лечении. В то время из-за несовершенства медицины, лечение болезни затягивалось на годы и поэтому руководство работами по исследованию Бухары было передано А. Р. Мухамеджанову.

После выздоровления И. Ахраров продолжил археологические работы на родном предшествующем объекте — столичном центре средневековой Ферганы - Ахсикенте. В работе ему активно помогал закончивший стажировку, аспирантуру и защитивший диссертацию в Ленинграде (Санкт-Петербург), прошедший хорошую полевою и научную школу в Пенджикентской экспедиции А. А. Анарбаев. Для усиления научных исследований и расширения раскопочных работ И. Ахраровым и А. Анарбаевым с конца 70-х и начала 80-х годов к изысканиям на Ахсикенте привлекаются именитые и молодые специалисты Института: Г. В. Шишкина, О. Иневаткина, И. Аржанцева, С. Баратов, С. Сверчков, Г. Мирзалиев. К этой группе И. Ахраров посредством своей супруги Замиры Исмаиловны Усмановой привлек также студентов “Alma-Mater” - кафедры Археологии Средней Азии Ташкентского Государственного Университета, который он сам некогда успешно закончил. Уже в новом, расширенном составе в работах принимали участие, как студенты, так и закончившие кафедру специалисты, среди которых выделялись Х. Ахунбабаев, О. Папахристу, С. Ильясова, Л. Баратова, которые в хорошем смысле, смогли превзойти своих именитых учителей.

В процессе этих крупномасштабных исследований, по всей площади городища, на территории Арка, по линии крепостной стены был вскрыт ряд стандартных помещений со скоплением ядер-бужылников, что позволило связать строение с военной казармой XII - нач. XIII вв.

На территории шахристана выявлены остатки соборной мечети, а в одном из раскопов, под землей отмечена линия крупного сводчатого водотока из жженного кирпича, снабжавшего город чистой водой.

В эти же годы И. Ахраровым, совместно с А. Анарбаевым, были заново зачищены и исследованы остатки известной бани XI в. в юго-восточной части Рабада городища и на их основе подготовлены научные и научно-популярные совместные публикации. Параллельно, в свободное время, И. Ахраров стал заниматься унаследованной деятельностью отцов - практикой народного врачевания.

В 1988 году Дирекция и Ученый совет Института отметили большие заслуги И. Ахрарова в развитии археологических исследований в Республике и наградили медалью “Ветеран труда”, поддержанном Исполкомом Самаркандского Областного Совета Народных депутатов.

В 1994 году И. Ахраров вышел на пенсию и всецело посвятил себя занятию профессией отцов и дедов – врачеванию. Лечил проходящих к нему на прием больных, потерявших всякую надежду на исцеление современной медициной. На этом по-

прище он также достиг больших творческих успехов: выпустил несколько серий брошюр и книжек, посвященных лечению, профилактике и рекомендациям простой и доступной народной медицины (“Ўзбек халқ табобатидан” 1, 2, 3 китоблар, “Ўзбек халқ болалар табобатидан”, “Ўзбек халқ табобатидан ўғитлар” ва бошқалар). За свои большие заслуги И. Ахраров (Абдулазиз Саиднуриддинхон угли) отмечен званием главного табиба Узбекской народной Академии.

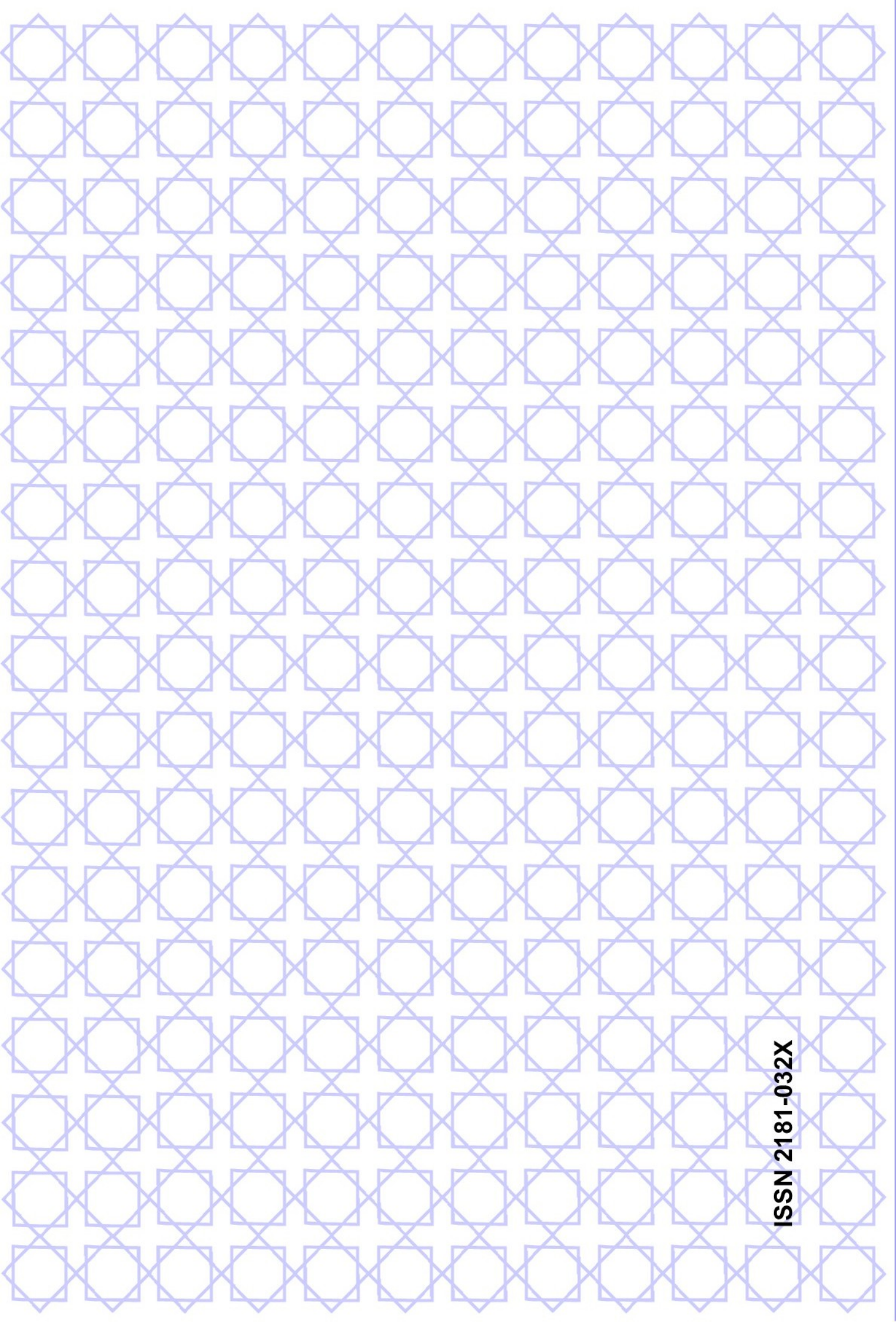
Археолог, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии АН РУз. скончался 5 октября 2020 г.

Хорошо зная Инкилаб ака на протяжении многих лет, можем совершенно определенно говорить, что это был человек чистой души, жизнелюбивый, не позволявший обижать ни себя, ни других, свободный от низостей и жажды власти. Несмотря на то, что он прошел через огромные жизненные невзгоды, жизнь не озлобила его, в его лице и поступках всегда присутствовало благородство его происхождения. На протяжении всех лет он стремился к достойной жизни, любил семью и дочь. Сотрудники Национального центра археологии и все хорошо знавшие его археологи Республики и Ближнего зарубежья всегда будут чтить память нашего коллеги, друга и замечательного человека **Ахрарова Инкилаба Ахраровича** (Абдулазиз Саиднуриддин хон угли). Выражаем искренние соболезнования членам семьи и близким нашего коллеги.

Ведущий научный сотрудник Национального центра археологии АН РУз: Дж. К. Мирзаахмедов.

Старший научный сотрудник Национального центра Археологии АН РУз: С. Ильясова.

Сотрудники Национального центра археологии, Самаркандского института археологии и редакционный совет журнала “Археология Узбекистана”

ISSN 2181-032X